НОВАЯ ПОЛЬША

№ 1 (104) 2009

Россия глазами лягушки-путешественницы

Лешек Бальцерович о свободном рынке

Виктория и Рене Сливовские: о России с любовью

ПОЛЯКИ В БЕРЛИНЕ

Наивное искусство Силезии

К 120-летию со дня рождения Станислава Винценза

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

**Вы можете подписаться на «Новую Польшу»,
перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте,
факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты
с пометкой: *prenumerata*.**

Наш адрес:
Nowaja Polsza
Biblioteka Narodowa
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa

Подписка в Польше:
Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA
Номер счета: 55103010160000000003327001
Цена 1 экз. — 7 зл.
Цена годовой подписки — 84 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA
Адрес банка: ul. Traugutta 7/9 Warszawa
Номер счета: PL 55103010160000000003327001
SWIFT: CITIPLPX
Цена годовой подписки — 70 евро или 90 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@bn.org.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 1(104)
2009
январь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Владимир Смирнов 3
ПУТЕШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ ХОЧЕТСЯ ПОВТОРИТЬ

Зузанна Мончинская 6
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЯГУШКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

О ПОЛЬСКИХ РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМАХ И ПУТИ К СВОБОДНОМУ РЫНКУ 10
Беседа с Лешеком Бальцеровичем

Виктор Кулерский 16
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

СИЛА ЛИЧНОСТИ 26
Беседа с Анной Лашук

Мартин Войцеховский 32
ЛУЧШАЯ РОССИЯ

Наталья Горбаневская 34
ИОАХИМ ЛЕЛЕВЕЛЬ И ИВАН ЛОБОЙКО

Марина Кучинская 37
СТИХИ

Яцек Шлёнский 45
ЭМИГРАЦИЯ ДУХА

Лешек Шаруга 46
ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИЙ ЖУРНАЛ «ДИАЛОГ»

Марта Замбжицкая 50
ЛЕТОПИСЦЫ И МИСТИКИ

ПЛЕВОК В ВЕЧНОСТЬ 53
Беседа с Иолантой Дылевской

Лешек Шаруга 58
ЛИРНИК
К 120-летию со дня рождения Станислава Винценза

Эльжбета Янус 62
МАРИЯ РЕНАТА МАЙЕНОВА

Збигнев Клех 65
МРМ

Эльжбета Савицкая 69
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Яцек Федорович 73
ДОВОЖУ ДО ВАШЕГО СВЕДЕНИЯ,
ЧТО «ДОСЬЕ» ВСЕМ ДОСТУПНО...

Богдан Поцей 75
РУССКАЯ МОНОГРАФИЯ О ВАНДЕ ЛАНДОВСКОЙ

Лешек Шаруга 78
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ДИНАСТИИ УЧЕНЫХ

Магдалена Байер 82
ОТ НАС ТРЕБОВАЛАСЬ ПОРЯДОЧНОСТЬ...

Переводчики: А. Бондарев, Е. Гендель, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, С.Политыко, Е. Шиманская.
Фото ©: Agencja Gazeta (стр.26, 53, 74), Archiwum (стр. 58, 76, 82, 83), Z.Kloch (стр. 62).

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
BIBLIOTEKA NARODOWA
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**

Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается под патронажем Национальной Библиотеки по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
Тираж 4700 экз.

Владимир Смирнов

ПУТЕШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ ХОЧЕТСЯ ПОВТОРИТЬ

В уже далекие 70-е оформляли мы в Архангельске стенд для Исакогорского райкома партии. По-нашему — «шабашка».

И решили наши «боги» премировать нас путевкой в дружественную Польшу. Правда, за свой счет. Но путевка стоила 115 рублей и + 90 рублей обмена на злотые. Ох, и пухлая получилась пачка злотых.

Перед поездкой нас решили «проверить на вшивость». И вот вызывают в райком, где второй секретарь райкома тов. Филиппьева нас решила спытать на предмет нашего путешествия. Что нас тянет «в даль туманную»?

Кстати, очень душевный была человек, мало таких людей из когорты партийных боссов мне встречалось. Приходилось общаться и с Б.В.Поповым (первый секретарь обкома партии). Но между ними большая пропасть — может, у того голова больше болела о граде Архангельском, чем об отдельно взятом человеке? А может, и сказалось, что вместе учился в 9-10 классах с ее дочкой. Она была как мы, без «пузырей», не нынешнее боссовское отродье.

Мы с Виктором Погонщиковым дружно отбарабанили, что влекут нас музеи, искусство и архитектура братской Польши.

Кстати, он тоже был сотрудником доблестной милиции. Художник в душе, меломан и поклонник «Битлов».

После райкома нас «пытали» в офисе бюро «Спутник» люди «без лица».

Итогом был «познавательный обед» в ресторане «Двина», где нас учили обращаться с вилкой и ложкой.

А у меня, как всегда, вышел казус, леший бы побрал; Вера Клокотова, директор книжного магазина, подсунула книжицу «О вежливости и этикете» — перевод с эстонского. И вякнул я на «познавательном» банкете, что курицу едят руками только русские и ели неандертальцы (у тех не было вилок, а каменным топором или стрелой несподручно). Но обошлось. Все сочли за шутку.

Последний урок «любви к Родине» — Брест... Руины, равелины старой крепости и фильм об истории Великой Отечественной — помню всё, как будто было только вчера.

На границе наши погранцы, узнав, что мы с Севера, то бишь с Архангельска, даже нас не досматривали, зато автобус из Казани, пришедший на три часа раньше, все еще стоял под досмотром...

Ну а поляки даже не соизволили по автобусу пройти...

Маршрут начинался со столицы Польши — с Варшавы. Путь от Бреста до Варшавы с кратковременными стоянками занял остаток дня.

Первое, что поразило нас, прибывших из страны, где Бога как бы не было, — это то, что почти в каждой хатке или особнячке под стрехой крыши, в арочной нише, стояла скульптура Мадонны с младенцем. Везде по трассе.

А второе — что попали на праздник Пасхи. (Мы были в апреле.)

Представьте, только познакомились с нашим гидом: пани Зося, комсомолка, студентка университета и по совместительству — гид. И вот на третий день она приходит и объявляет:

— Друзья мои! Извините, но я сегодня не могу вас сопровождать, так как мне надо в костел на пасхальное богослужение.

И просветила, что три дня ни магазины, ни рынки, ни предприятия (кроме сервиса обслуживания) работать не будут...

Это был для нас шок.

Вот тогда я снова подумал, как из нас, людей, КПСС сделала быдло, стадо, агнца на заклание ради «светлого будущего».

Ну и уговорил Виктора прогуляться по варшавским костелам...

В первом же нас окропили святой водой и, узнав, что мы из Союза, подарили набор бумажных ликов святых и брошюру о костеле.

Потом другой костел, а дальше — «крыша может съехать»... Представьте: офицерский костел! И это в стране, которая, как и мы, строит «светлое будущее».

Перед храмом Божьим Виктор снова было заартачился:

— Это же «офицерский»!

— Витя! Если что, предъявим свои «корочки»! — (Мы забыли почему-то оставить их дома). Но все обошлось без «предъявы».

Костелы поражали богатством убранства и красотой интерьера, отношением прихожан к вере.

Экскурс в католическое лоно окончился у нас поздно вечером, когда в «режиме» числился ужин в ресторане «Варшава».

Комсомольцы не подпадали под статус, когда экскурсантам положено хотя бы пиво. Из Союза можно было вывозить по бутылке на глаз. Но в Москве скинулись, и почему-то вышло больше. С математикой дружили в тот момент явно плохо.

Употреблять можно тихо, только укрывшись в «нумерах» после расписанного времени — вечером, после ужина, на вечерах-встречах с польской молодежью.

С алкоголем я в те времена не дружил, а точнее совсем не пил. Дома была большая коллекция вин и других водочных напитков, а коллекция пачек сигарет со всего света превышала не одну сотню (их привозили друзья-моряки, да и сам свозил из поездок по стране).

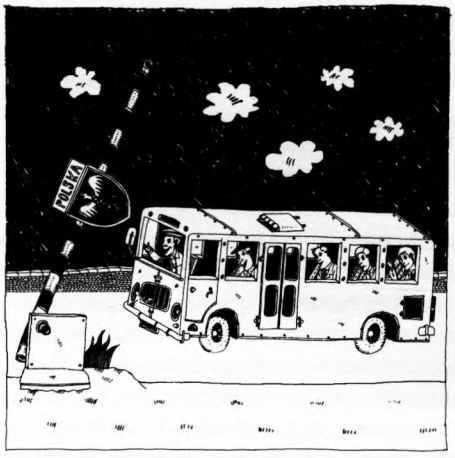
Виктор, зная мое отношение к алкоголю, предпочитал оказываться рядом. Так и в ресторане «Варшава» сидели за одним столиком. И две девчонки из нашей группы. Соответственно на людях для нас и в Пасху был «сухой закон». Рядом же поляки отмечали праздник «Житной» с колосками на белом фоне этикетки. Но пили очень мало. Из крохотных рюмочек, с большими перерывами и обильной закуской.

Вялотекущий шел процесс...

Потом они обратили внимание на наш стол, не украшенный бутылкой в Святую Пасху. А может, услышали наш русский.

Представьте: поляки подзывают официанта и что-то объясняют. Тот удаляется в бар и... подносит к нашему столу поднос с двумя бокалами шампанского и парой рюмок водки, ставит пред нами. Мы объясняем, что не заказывали. Он же молвит: это «прозит» от соседей-поляков.

— Вы им чем-то понравились! И поздравляют вас с Пасхой.

Виктор пьет рюмку, а девчонки — шампанское; поклоном в направлении соседнего столика Виктор благодарит поляков:

— Дзянкую, панове! За Пасху!

И тут же выпивает рюмку, поставленную мне, объясняя, что я не пью. Вытирает губы салфеткой и, не закусывая, снова благодарит поляков. Те расчувствовались, налили Виктору целый стакан «Житной» и, чокнувшись, вместе выпили.

Витя снова показывает фокус с салфеткой вместо закуски.

Короче, поляки заказали еще бутылку «Житной». Девчонки вежливо пить отказались, тем более что видели взгляды старшего группы Сергея Михайловича. Ну, а Витек уже за столиком поляков докончил бутылку, так как братья-славяне после третьей рюмки пошли брататься и клясться в «вечной дружбе».

Вечером, после ужина, соотечественники отмечали Пасху по номерам в гостинице «Сирена». Ужин в ресторане «Варшава» нам перенесли, потому что ресторан в гостинице не работал из-за праздника. Она была более низкого разряда.

Не стоит забывать, в Польше апрель — когда всё расцветает, весна в разгаре.

Но почему-то в душе звучали слова песни:

— Над Варшавой падает снег...

Потом были Лодзь, Познань, Гданьск, Гдыня, Сопот...

Дни пролетели незаметно, и вот прощание с пани Зосей, прощание с Польшей... Прощание со Святой Пасхой...

Автобус подходит к мосту через Буг. Поляк-пограничник прощается с нами, спрашивает, понравилось ли нам в Польше?

— Да! Да!! Да!!!..

— Дзенькую, панове и паненки!

«Икарус», венгерское чудо техники, как бы почувствовал общее настроение и, чихнув, заглох на середине моста... Техника созвучна настроению души.

Но вот заработал стартер, вздрогнул и заурчал мотор...

О Польше напоминают книги. Наши, но оттуда, с пометками: «Приобретена в Варшаве», «Приобретена в Познани», коллекция значков по автомобильной тематике. И бумажные иконки.

Зузанна Мончинская

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЯГУШКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Мой образ России складывается из многих элементов. Первым из них была Москва, в которой я провела июнь прошлого года. Она очаровала меня размахом, красивыми церквями, прелестными переулками и самой своей жизнью в непрерывном движении. Она поразила меня своей монументальностью, везде присутствующим Лениным, самыми дорогими на свете машинами, магазинами, клубами. А опечалила нищетой, выглядывающей из разных углов. «Москва — это не Россия», — слышала я постоянно. Тогда какая же она, Россия, раздумывала я, если нечто, представлявшееся мне насквозь российским, вовсе не таково.

Спустя полтора месяца был Петербург, куда я отправилась на несколько дней с большой группой своих знакомых. Со своими разноцветными фасадами, толпами туристов и кричащими витринами сувенирных магазинов он показался мне искусственным. Значит, это тоже Россией назвать нельзя, подумала я.

Попытку узнать настоящую Россию я предприняла летом этого года, отправившись в полуторамесячное путешествие по стране в одиночку, автостопом. Из Монголии (где мы с моим спутником разделились, проехав до этого вместе по Украине и частично по России) я направилась к Байкалу, оттуда — через Екатеринбург и Казань — в Москву. Затем я отправилась на север, на Соловецкие острова и в Мурманск, а оттуда добралась до Петербурга. Выехала я из России через границу с Финляндией.

Мое путешествие не было запланированным. Поэтому и впечатления мои хаотичны. Я ехала, хорошо зная русский язык и обладая обрывочными знаниями о России, почерпнутыми из прочитанных книг и услышанных рассказов. Думаю, что я не обладала необходимым инструментарием, который помог бы мне познать этот сложный, многослойный, складывающийся из многих культур мир. В памяти остались прежде всего встреченные мною люди и неиссякаемое стремление узнавать Россию вновь и вновь.

ВЛАСТЬ

Булата с товарищем я встретила уже темной ночью за Челябинском. Нам негде было ночевать: до самого Новосибирска эти места преимущественно покрыты болотами. Нас кусали громадные комары и донимали оводы. Булат ездит на двадцатилетнем «жигулёнке», купленном за триста долларов. Кажется, что в машине неработающих механизмов больше, чем работающих. Неисправен спидометр и указатель уровня топлива, а из того места, где должен быть радиоприёмник, торчат провода, которые тянутся к заднему сиденью. Посередине заднего сиденья лежит деревянный ящичек с встроенным CD-плеером и колонками по бокам. Из этого довольно нетривиально выглядящего устройства льётся классическая музыка. Провода искрят. Булат, спокойный мужчина с тихим голосом, едет с приятелем Андреем в деревню Петухово, что на границе с Казахстаном. Андрей, казахский гражданин, потерял паспорт и хочет оформить его в своей стране, куда не может въехать как раз потому, что у него нет паспорта. Если бы он захотел решить этот вопрос в России, то ему пришлось бы провести долгие часы в очередях. Так что он будет пересекать границу нелегально. За это ему грозит несколько лет тюрьмы.

Когда мы в пять утра подъезжаем к Петухово, нас останавливает милиция. Отсутствие документа у Андрея — большая проблема. Булат ведет долгие переговоры с милиционерами. Наконец он вручает им пятьсот рублей, и мы уезжаем.

Со временем я привыкаю к повсеместной в России коррупции. Привыкаю и к недоброжелательности представителей власти. Я прихожу к выводу, что милиционер отыщет нарушение даже у совершенно невиновного человека. Попытка же решить какое бы то ни было дело в учреждении наверняка окажется безуспешной. Памятуя о неприятной ситуации на российско-монгольской границе, когда меня не хотели пропустить в Монголию из-за отсутствия российской регистрации, я решила не пренебрегать этим вопросом во время очередного пребывания в России. В Иркутске я безуспешно пыталась оформить регистрацию на почте. Потом отправилась в иммиграционную службу.

— Добрый день, я из Польши, приехала в Россию два дня назад и хотела бы зарегистрировать здесь своё пребывание.

— А где же приглашающая сторона? — спрашивает меня строгим голосом дама в окошке.

— Ну... Нету. Но на границе мне сказали, что я могу зарегистрироваться без неё.

— А я вам говорю другое: для оформления регистрации необходима приглашающая сторона, — бесстрастно отвечает чиновница.

— Так что же мне делать, если у меня ее нет и не будет? — спрашиваю я с отчаянием. Мне вовсе не хочется снова иметь проблемы на границе. А что если меня еще и депортируют?

— Ищите, — женщина делает рукой неопределённое круговое движение в пространстве.

— Где? На улице? — не верю я собственным ушам.

— Да. На улице, — слышу в ответ.

Выхожу на улицу, и в самом деле: беззубый (я заметила, что в России большие проблемы с зубами) прихрамывающий мужчина с бельмом на глазу предлагает мне регистрацию за восемьсот рублей. Я соглашаюсь, ибо другого выхода у меня нет: завтра — воскресенье, учреждения не работают, а в понедельник будет уже поздно, так как иностранец должен оформить регистрацию в России в течение трех суток со дня приезда. После перерыва на обед (еще одна российская особенность: перерыв на обед, который, как правило, длится час и приходится в разных местах на разное время, а вдобавок постоянные технические перерывы) мужчина приходит к той же чиновнице, с которой я разговаривала, и без малейших проблем регистрирует меня у себя в квартире. Вот памятник абсурду российской бюрократии.

В свою очередь русские представляются мне чемпионами в том, как обойти закон. Я остановила водителя, который уже полгода ездит на машине с бумажным номером, прикрепленным к лобовому стеклу (с такими ездят на недавно купленных, еще не зарегистрированных машинах). Он объяснил мне, что дешевле заплатить сто рублей штрафа, который по закону можно взимать только раз в день, чем регистрировать машину и платить страховку.

ПРОСТОР

«В России, — говорит Булат, — если ты поссорился с девушкой, перед тобой огромный простор, ты можешь сбежать куда угодно и не общаться. А в той же Германии — все живут тесно, кругом дома. Нечем дышать». В России есть чем дышать. Иногда кажется, что чересчур много этого воздуха. Безграничные поля и леса, бесконечная, упирающаяся в горизонт дорога, вызывают головокружение. «У нас нет таких просторов, — объясняю я всем. — Нет таких огромных, растянувшихся на сотни и тысячи километров лесов. А поля вдоль дорог чаще всего возделываются. Ну и везде деревушки и города, и бензоколонки, и бары, и кафе. Вообще всю Польшу можно проехать за один день. С запада на восток — около 800 километров». При этом сообщении люди усмехаются — кто весело, кто с жалостью. Что такое 800 километров? Расстояние от Новосибирска до Омска. А от Омска еще много тысяч километров до Москвы. Какая-то маленькая эта ваша Польша. Куда там сравнивать её с нашей великой Россией.

В России меняется общее представление о расстоянии. «Наконец, — думаю я, — осталась только тысяча километров». По моим подсчетам выходит, что в России можно без труда проехать автостопом за один день такое, а иногда даже и большее расстояние. Только для этого должны быть выполнены два условия: дорога должна быть асфальтированной и не иметь двухметровых выбоин, и еще надо передвигаться на легковых машинах, ибо грузовики, особенно МАЗы и КамАЗы, которых полно на российских дорогах, едут очень медленно.

НА ТРАССЕ

Российские грузовики — вот интереснейший для приезжего из Польши вопрос. В России их огромное количество. Я даже встретила водителя, который купил себе МАЗ, объяснив своё решение тем, что запчасти для него он найдёт у любого мужика в поле. Действительно, Валя, с которым я ехала из Екатеринбурга в Казань на американском «Фрейтлайнере» (мне очень нравятся эти грузовики: их вытянутый капот напоминает собачью морду, а кабина такая большая, что там, верно, можно даже танцевать), на протяжении тысячи километров не мог купить к нему шины. Зато мы встретили на трассе множество ремонтных мастерских, предлагавших запчасти к МАЗам, ВАЗам, КамАЗам и другим АЗам. При этом, объяснил мне один водитель, зимой в Сибири ездят только российские машины. Иномарки просто не выдерживают здешних морозов.

Для МАЗов не предусмотрены ремни безопасности (впрочем, требование пристегивать ремни введено в России лишь в январе нынешнего года, и люди пристегиваются, только завидев контрольный пост дорожной милиции). Этих ремней нет даже в так называемых новых МАЗах. Ибо, как оказалось, МАЗы делятся на три категории: МАЗ, новый МАЗ и Супер-МАЗ. У нового МАЗа кабина больше, чем у старого, — пожалуй, в этом состоит вся разница. О Супер-МАЗе среди водителей ходят легенды. С нескрываемым восхищением мне рассказывали, что он выглядит и ездит совсем как импортная машина.

А вот в Монголии один россиянин объяснил мне секрет УАЗа. «В УАЗе ничего не ломается. Кондиционер не сломается, потому что его нет. Автоматическая коробка передач не сломается, потому что её тоже нет. Не ломается то, чего нет, а в УАЗе нет почти ничего».

Очередная восточная — как русская, так и украинская — особенность состоит в том, что самая плохая и самая старая советская машина всегда оснащена несколькими совершенно необходимыми элементами. Это обязательный современный, мигающий разноцветными огоньками радиоприемник с плеером для CD, оплетка руля (например, красного цвета со всполохами и надписью «Devil») и яркого цвета набалдашник на рычаге переключения скоростей — в моем личном рейтинге лидировал тот, что имел форму шара с застывшими внутри него пластиковыми рыбками.

СТРАХ

Люди обычно меня пугают. «В России, — утверждают они, — полно сумасшедших». Дороги буквально кишат бандитами, убийцами, насильниками, наркоманами, извращенцами, алкоголиками и всякими другими дикарями. Один шофер буквально убеждал меня в том, что в России все люди плохие. «Все-все-все?» — спрашиваю я. Все-все-все. Так почему я до сих пор их еще не встретила? Он с сомнением качает головой.

А я задумываюсь, почему же в стране, где чужие люди готовы были помочь мне последними деньгами, бытует всеобщее убеждение об одичании. Это же в России все меня кормили. Это там совершенно незнакомые люди предлагали мне ночлег — в машине или у себя дома. Один раз я ехала с врачом, который, узнав, что мне негде ночевать, отвез меня в деревню, где он работал терапевтом. Там я остановилась в его доме — в больничном здании, принадлежащем государству, где половина предоставлена ему во временное пользование. На следующее утро меня ждал завтрак, а одна из медсестер проводила меня к автобусу, шедшему по иркутской трассе. Двое мужчин из собственных денег оплатили мой ночлег в гостинице — один раз это было в Черемхове, в 150 км от Иркутска, другой раз — в Казани. Оба приехали за мной на следующий день и отвезли на трассу. Это в России меня бесплатно подвозили на такси, на маршрутках и автобусах. Часто водители останавливались даже тогда, когда я не махала рукой. Иногда делали крюк, чтобы довезти меня чуть дальше или высадить в более удобном месте. Они разрешали мне пользоваться своими мобильниками. Оставляли адреса и номера телефонов. На российско-монгольской границе пограничник даже остановил для меня машину и велел водителю перевезти меня на другую сторону. Женщина из иммиграционной службы, вместо того чтобы взять с меня штраф за отсутствие регистрации, несколько минут побеседовала со мной и отпустила. В любом транспорте по поводу меня часто возникали бурные дискуссии. Пассажиры горячо спорили, где мне следует выйти и по какой трассе ехать. Люди подходили ко мне на улицах, предлагая свою помощь. Моим большим рюкзаком интересовались продавщицы в киосках, персонал в магазинах, кондукторы и прохожие.

Безусловно, неверно было бы утверждать, что в России я встречалась только с доброжелательностью. В Екатеринбурге меня обругала кондукторша, у которой я спросила про маршрут трамвая. В Казани попытка купить билет на поезд закончилась неудачей, ибо цена возросла почти вдвое, после того как я предъявила польский паспорт. Хотя в рабочем общежитии в Кеми были свободные места, мне не удалось там переночевать: мой заграничный паспорт вызвал панику. Мне посоветовали идти ночевать на вокзал. Многие водители путали автостопщицу с проституткой и более или менее открыто делали мне гнусные предложения. Когда я выезжала из России, то долго никто не желал перевезти меня через российско-финскую границу, хотя, стоя под дождем с большим рюкзаком, я могла скорее вызвать своим видом жалость, чем кого-то напугать.

Мне кажется, большинство испытывало по отношению ко мне ту жалость, которую обычно испытывают к людям не совсем нормальным или не сознающим свои действия. То есть к тем, кого сложно понять, но нельзя и осуждать. «Лягушка-путешественница», — вздыхали они, глядя на меня. Со временем я привыкла к вопросу, который поначалу меня шокировал: «А у тебя что, умерли родители?» Люди с трудом осознавали, что мои родители могут спокойно спать, в то время как их дочь скитается в одиночку по Сибири. «Странная ты девушка», — сказал мне как-то на прощание один шофер.

ОЛЯ

На Большом Соловецком острове, на чердаке деревянного домика Лены Морозовой на Приморской улице, я встретила необыкновенного человека. Оля Блинкина — худенькая энергичная женщина, работающая в «Мемориале», она приезжает на Соловки уже не первый раз. Мы разговаривали с ней несколько часов подряд, пока я безуспешно пыталась собрать вещи (надо успеть на послеобеденный катер), а хозяйка, напоминая мне о времени, напрасно пыталась выпроводить.

Олина необычайность заключается в том, что она обладает огромной эрудицией и опытом в сочетании с невероятным чувством юмора и очень сдержанным отношением к миру. Она — одна из тех немногих встреченных мною людей, кто прекрасно понял мою страсть к путешествиям. Впрочем, можно ли ожидать чего-то другого от человека, побывавшего в самых отдаленных уголках России — от Мурманска до Магадана — и объехавшего автостопом пол-Европы?

Оля — замечательный собеседник, который прекрасно умеет и слушать, и рассказывать. Она объясняла непонятные мне вещи, которые видит не только с российской или польской позиции, но с какой-то всеобщей перспективы.

Как это замечательно — прихожу я к выводу — встретить, уехав так далеко, столь необыкновенного человека, из-за которого мне совсем не хочется покидать чердак деревянного домика Лены Морозовой на Приморской улице на Большом Соловецком острове.

РОССИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В России можно узнать массу совершенно неожиданных вещей. Например, что если тебе нет еще и двадцати лет, то ты должен иметь уже хотя бы одного ребенка, так что я, собственно говоря, уже довольно старая. Что в Мурманске хорошо быть долгожителем: в некоторых городских маршрутках, например, люди, достигшие ста лет, пользуются правом бесплатного проезда. И что если сумма трех первых цифр, напечатанных на троллейбусном билете, равняется сумме трех последних, то надо загадать желание и съесть этот билет. Что в России ездить на велосипеде в нетрезвом состоянии не запрещается, поэтому там создаются общества алкоголиков-велосипедистов (алкобайкеров). Что грузовик, который китайцы загружали в течение двадцати минут, русские будут разгружать пять часов.

Можно встретить много необыкновенных людей. Например, беззубого рабочего, утверждающего, что он — мастер тайского массажа, а заодно еще и всем известный глава мафии, у которого денег больше, чем у самого Абрамовича. Нео-язычника, который поклоняется Матери Земле и Богу Солнцу и прикладывается с поцелуями к половине встреченных по пути деревьев. Парижанина 54 лет, который всю жизнь мечтал о том, чтобы на машине доехать до Мурманска.

А в магазине «Сталин» в Красноярске продают изделия из стали.

О ПОЛЬСКИХ РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМАХ И ПУТИ К СВОБОДНОМУ РЫНКУ

Беседа с Лешеком Бальцеровичем

— Вы понимаете, что в 1989 году вы фактически совершили государственный переворот?

— Я бы этого так не назвал. У победившей «Солидарности» не было никакой программы экономических преобразований. Я решил принять предложение премьер-министра Тадеуша Мазовецкого и занять пост вице-премьера по вопросам экономики и министра финансов, потому что считал, что подобные радикальные преобразования, одновременно изменяющие роль государства в жизни общества, абсолютно необходимы. Для меня было также ясно, что индексация заработной платы, завоеванная «Солидарностью» в ходе переговоров «круглого стола», не может быть сохранена. Помню, что когда я сказал это Тадеушу Мазовецкому, тот даже охнул.

— Это как раз одно из доказательств тезиса о своего рода государственном перевороте. На переговорах «круглого стола» индексацию упорно отстаивали. Вся предпринятая вами операция была по сути дела единоличным проектом, осуществлявшимся без публичного обсуждения и даже, быть может, без полного понимания ее премьер-министром. Вы захватили власть и куда-то с ней сбежали.

— Всё было проведено вполне демократическим путем, у правительства была парламентская легитимность, Сейм подавляющим большинством голосов принял соответствующее законодательство, Сенат его одобрил. Это было сделано быстро и эффективно. Эффективность не означает отсутствия демократии.

— Одобрение, о котором вы говорите, было связано скорее с ощущением исторической миссии этого парламента, с его революционностью, а не с осознанием того, за что депутаты голосуют.

— Полностью предвидеть все последствия этого шага в то время не мог никто. Было лишь известно, что только капитализм с его конкуренцией дает возможность наверстать наше отставание от Запада. Кроме того, все переломные изменения осуществлялись чрезвычайно быстрыми темпами. Если что-то затягивалось, то это как правило заканчивалось неудачей.

— Когда вам предлагали войти в правительство, то ожидалось, что вы представите уже готовый план? Или были какие-то директивы, строго определенные границы, которые нельзя было переступать?

— Надо сказать, что тогда не было ни избытка идей относительно преобразований в экономике, ни людей, которые были бы готовы взять на себя роль координатора этих реформ. Что касается директив, то Мазовецкий просто сказал мне: «Я хотел бы, чтобы вы были моим Людвигом Эрхардом». А поскольку так сложилось, что я как раз занимался немецким опытом в области реформ, то вполне осознавал, что в Польше предстоит сделать гораздо больше, чем в Западной Германии после II Мировой войны. Там хватило двух этапов. Первый из них — это стабилизация, то есть обуздание инфляции, а второй — освобождение экономики от государственного регулирования, введенного в годы войны. Им не нужно было создавать институтов рыночной экономики, так как капитализм там не был уничтожен, а просто на какое-то время отменен. У нас же одной из важнейших задач стало создание и восстановление экономических институтов, разрушенных социализмом. Это приходилось делать параллельно со стабилизацией и либерализацией экономики.

— Чтобы взяться за такую задачу, вероятно, требовалось отсутствие воображения? Или, наоборот, необычайная самоуверенность? Вы были одним из немногих людей в мировой истории, перед кем поставили задачу полностью перестроить экономическую систему крупной страны, причем вы не имели никакого опыта в решении подобных задач.

— В свое оправдание я могу лишь сказать, что после первой встречи с премьер-министром я от предложенной мне роли отказался. Только после ночной дискуссии с участием всех моих близких я все-таки решил принять это предложение, причем вопреки собственной жене, которая до самого конца была против. Но мой двоюродный брат Марек Якубяк сказал: «Если ты сейчас откажешься, то всю жизнь об этом будешь жалеть». Думаю, это соображение и сыграло решающую роль.

— И как создавался сам план преобразований?

— Мы начинали не с нуля, и этот факт существенно повлиял на мое решение принять предложение Тадеуша Мазовецкого. Благодаря предшествующей работе, которую мы с моими сотрудниками вели уже много лет (разумеется, совершенно не представляя себе, что Польша в скором времени будет свободной страной), основные элементы стратегии были в общих чертах готовы. Еще в 1970-е мы пытались (в рамках тогдашних геополитических ограничений) реформировать социализм. Позже, уже в 1980-е, мы продолжали эту работу.

— Таким образом, общая идея уже существовала. Однако после прихода к власти множество вещей следовало уточнить. Где дела пошли хуже всего?

— Сегодня, в перспективе минувших лет, я думаю, что это была социальная сфера. Именно здесь в нашем плане мы допустили самые грубые ошибки. Например, мы не сумели вовремя отреагировать на предложенную концепцию выплат пособий по безработице, которая доходила до такого абсурда, что в результате выпускник вуза мог сразу записаться в безработные. Потом обнаружилось, что рост безработицы в первый период на две трети был прямо обусловлен этими пособиями.

— Вы считаете, что сохранили слишком много элементов патерналистского «государства всеобщего благосостояния»?

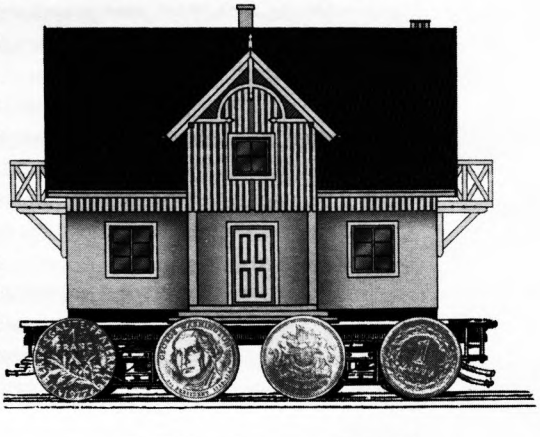
— Дело не в этом. Не должно быть так, что государство всеобщего благосостояния само создает клиентов служб социальной помощи и тем самым лишает их шансов начать жить лучше.

— Эту сферу курировал Яцек Куронь?

— В определенной степени. Я взялся за работу в правительстве, считая, что буду координировать всю экономическую программу. Поэтому для меня было важно, чтобы я одновременно был председателем Экономического комитета Совета министров. В беседе с премьер-министром я оставил за собой право выбора своих сотрудников.

— Какова была роль зарубежных консультантов, таких как Джеффри Сакс и Международный валютный фонд?

— Их роль не была решающей. Основные вопросы были для нас ясны с самого начала. В основе экономики должна лежать частная собственность, поэтому нужно было провести приватизацию. Нужно было быстро обуздать инфляцию, поэтому требовалась радикальная программа стабилизации. Нужно было также ввести конвертируемость злотого, что не было очевидным для большинства польских экономистов. Следующий пункт — это широкая либерализация цен. Джеффри Сакс укреплял нас в нашей убежденности. Он также сыграл существенную роль в проводившейся нами в США кампании по реструктуризации нашей внешней задолженности. Разумеется, важны были и переговоры с МВФ, с которым мы должны были согласовать план стабилизации. Бывают такие переломные моменты, когда реформы удается провести. Чаще всего это происходит после серьезного кризиса или после освобождения страны. У меня было сознание именно такого исторического момента — и что его нельзя упустить. Поэтому я исходил из того, что если уж мне доведется где-то совершить ошибку (что было вполне вероятно), то лучше уж в сторону слишком радикальных реформ, чем половинчатых или недостаточно глубоких. Всегда следует заранее решить, какого типа ошибок мы особенно сильно стремимся избежать.

— Валютный курс, налог на сверхнормативные выплаты из фонда заработной платы, ограничение бюджетного дефицита были краеугольными камнями программы стабилизации. Но какова была сама исходная ситуация, которую надо было стабилизировать? В каком состоянии находилась экономика?

— Уже через несколько дней после вступления в должность я узнал, что у государства просто нет больше иностранной валюты и что не хватит средств на закупку необходимых лекарств. Это была одна из первых проблем, которую я должен был решить, то есть получить промежуточный кредит на этот импорт. Еще через несколько дней я должен был принимать делегацию западных банкиров, которые требовали выплат по обслуживанию нашей задолженности «Лондонскому клубу». Но у нас для этого не было твердой валюты. Кроме того, бюджет, представленный предыдущим правительством Мечислава Раковского, не был одобрен новым парламентом, и мы должны были принять решение, как поступать дальше. Я решил, что сначала мы подготовим бюджет на следующий месяц, потом — до конца года, а за это время выработаем проект бюджета на следующий год, уже непосредственно связанный с радикальной программой экономических преобразований. А еще были переговоры за рубежом. Через две недели после вступления в должность я полетел в Вашингтон на заседание министров финансов западных стран и взял с собой набросок основных контуров нашей программы на нескольких страницах с ориентировочными датами. В последний момент мы шлифовали формулировки этих тезисов с Яном Новаком-Езёранским и Збигневом Бжезинским. Важным исходным условием была реструктуризация нашей внешней задолженности. Меня приняли хорошо, но ощущение у меня было такое, что они не очень-то верят, что мы свои планы сумеем осуществить.

— Что ж, их можно понять. Они же видели, что у нас пожар полыхает в каждом уголке дома.

— Самым страшным явлением была гигантская, усиливающаяся инфляция, достигавшая нескольких десятков процентов в месяц. Это полностью дезорганизовало экономику. У меня не было сомнений, что мы должны как можно быстрее ее обуздать. Основными инструментами должны были стать новый бюджет, налог на превышение фонда заработной платы и так называемый валютный якорь.

— Кто придумал налог на превышение фонда заработной платы?

— Мы позаимствовали его (с некоторыми изменениями) еще из эпохи социализма. Я считал его необходимым инструментом для переходного периода — во-первых, потому что на государственном предприятии директор не заинтересован в том, чтобы сопротивляться требованиям о повышении зарплаты, а во-вторых, в связи с инфляцией. Этот налог был устроен так, что за превышение предельных значений роста фонда заработной платы налагались высокие штрафные санкции в виде прогрессивного налогообложения прибыли предприятия.

— А откуда появилась идея фиксированного валютного курса в качестве антиинфляционного «якоря»?

— Возможно, это было предложение МВФ, но оно не вызвало у нас возражений. Отдельным, весьма сложным вопросом был уровень этого курса и то, как долго он будет удерживаться. Это было одно из труднейших решений, принимавшихся в очень узком кругу и с большой неуверенностью. Предлагавшиеся значения колебались в диапазоне от 6 до 12,5 тыс. злотых за доллар. Установить курс на уровне около 12 тыс. зл. за доллар предлагало министерство экономического сотрудничества с зарубежными странами. В конце концов, по согласованию с Польским национальным банком, мы решили, что он будет составлять 9,5 тыс. зл. за доллар.

— Оказалось, что это решение было удачным. А каким образом был установлен «час Ч», то есть момент начала реализации программы?

— Я считал, что по различным причинам, в том числе и чисто символическим, предельным сроком должно быть 1 января 1990-го. С этого момента мы работали наперегонки со временем.

— А до этого «часа Ч» вы боялись? Так просто, по-человечески?

— Я помню состояние очень сильного стресса. Мне помогало то, что я опирался не на слепую веру, а на расчеты. Мы подсчитывали, какие у нас есть варианты. Я был глубоко убежден, что иная стратегия была наверняка обречена на провал, а наша — была связана всего лишь с огромным риском. Это ослабляло стресс.

— Вы вели дискуссии о параметрах, законопроектах — но осознавали ли вы, что где-то там, в самом конце, находится простой человек со своими привычками, трудностями, ощущением грозящей опасности, то есть попросту тот факт, что все это может привести к событиям драматическим? Например, к уличным демонстрациям? Или, наконец, просто к голоду?

— Самым важным было осознать, что уйти от бесчеловечного социализма всё равно будет лучше, чем постоянно оставаться в нем. Самым худшим было бы продлить процесс гниения. Мы опасались массовых банкротств предприятий, но вместо этого происходило массовое и постепенное их «похудение». Под воздействием конкуренции и финансового давления они начали избавляться от своих запасов, резервов. Отсюда, в частности, появилась уличная торговля. Мы опасались и того, что банки, которые по-прежнему оставались государственными, будут проводить слишком мягкую политику по отношению к убыточным предприятиям. Здесь в краткосрочной перспективе я ничего не мог поделать, разве что пригласить на беседу директоров банков и твердо им заявить, чтобы они были требовательными по отношению к предприятиям.

— А чего сделать не удалось?

— Инфляция оказалась выше, чем мы предполагали, но она быстро снижалась. Экспорт рос быстрее намеченных темпов, благодаря чему в первый же год у нас выросли валютные резервы и Польша могла начать платить за импорт нефти по рыночным ценам в долларах. Это был приятный сюрприз. Падение ВВП тоже было более значительным, чем предполагалось в бюджете, и только впоследствии выяснилось, что статистический аппарат был неспособен адекватно измерять параметры быстро менявшейся экономики. Он измерял только то, что снижалось, но был не в состоянии оценить рост. Теперь нам известно, что снижение ВВП было на самом деле в два раза меньше, чем сообщалось вначале, и что на протяжении двух лет оно было самым низким во всем постсоциалистическом лагере.

— Однако вы забыли о сельском хозяйстве. Для этой сферы хорошей программы просто не было. Роспуск госхозов оказался ошибкой.

— Это был не роспуск, а прекращение государственного субсидирования. Я знаю, что даже сторонники реформы относятся к этому вопросу как к слабому звену реформ. Имеет смысл развеять иллюзии и показать, чем были наши госхозы и что в них происходило до 1989 года.

— После плана стабилизации наступил второй этап — приватизация социалистической экономики.

— Для нас было бесспорно, что приватизацию нужно провести быстро, но как этого достичь — это, разумеется, было предметом дискуссий. Закон о приватизации был рамочным, носил общий характер, и многие конкретные решения в нем отсутствовали. После его принятия в Сейме в июле 1990 г. все депутаты встали и начали аплодировать: все сознавали, что это исторический момент.

— Вероятно, это был последний такой момент, потому что после этого началась острая политическая борьба.

— С середины 1991 г. началась политическая расслабленность. Весь год вообще был чрезвычайно трудным. Чрезвычайное положение в политической жизни закончилось, а экономика ощутила новое потрясение в связи с распадом бывшего рынка СЭВ и переходом к расчетам в твердой валюте. Мы прошли через первый шок стабилизации и испытали второй шок. Да и для меня это время оказалось психологически особенно трудным.

— Вы надеялись на поддержку Леха Валенсы?

— У меня никогда не было ощущения, что Лех Валенса — противник нашего плана. В начале 1990 г., на съезде «Солидарности», куда я поехал, возникла целая очередь из людей, задававших мне такие вопросы, как: «А вам известно, что из-за вас пенсионеры от голода умирают?» Валенса тогда заявил, что это бандитский план, но на его языке это звучало как комплимент.

— А как зарождалась польская налоговая система? Это вы ее тогда изобрели?

— Признаюсь, что я вначале не занимался налогами. С сегодняшней перспективы я думаю, что можно было сразу ввести так называемый плоский, или линейный налог, с единой для всех ставкой. Если бы он был включен в первый пакет реформ, то прошел бы через Сейм. Реформа налогов и введение подоходного налога от доходов физических лиц были проведены в условиях консультаций с МВФ. Я сосредоточился на том, чтобы эта система была единой, и выдержал грандиозную битву с экс-коммунистами из Союза демократических левых сил, который хотел освободить от налогов пенсионеров.

— После ухода в отставку правительства Белецкого вы были уверены, что экономика уже движется по правильному пути?

— Нет, потому что выяснилось, что существуют проблемы, связанные с бюджетом, и пришлось увеличивать его дефицит. Самые первые сигналы появились довольно скоро, и их было легко заметить: исчезли очереди, улучшилось снабжение, вырос экспорт, снизилась инфляция. Однако в 1991 г. столь наглядных и впечатляющих эффектов уже не было, а следующие требовали больше времени. Зато обострилась политическая борьба.

— Существуют определенные упреки и обвинения, которые затем прочно вошли в язык общественной дискуссии и настойчиво повторялись в период правления партии «Право и справедливость», такие как «невидимая рука рынка оказалась рукой аферисты», упреки в проведении грабительской приватизации, создании сети тайных связей в бизнесе и «капитализма для избранных».

— В каждой стране, где проводятся трудные реформы, всегда найдутся люди, которые будут оперировать любой, даже самой позорной демагогией. У этих людей полностью отсутствовало чувство исторической и сравнительной перспективы.

— Это, однако, действовало на воображение людей, особенно тех, которые не сумели подняться на этой первой волне польского капитализма, а некоторые из них в ней просто захлебнулись.

— Следует сравнивать реальные данные, а не плоды воображения. Среди зажиточных людей, извлекших выгоду из преобразований, есть определенная группа тех, которые вышли из бывшего правящего класса. Но — в соответствии с имеющимися и доступными данными — доминируют здесь вовсе не они. Взгляните, например, на список самых богатых польских предпринимателей. Наверняка таких бывших номенклатурщиков было бы меньше, если бы мы совершили кровавую революцию, но я никогда не был и не буду ее сторонником. Если же служителей прежней системы не уничтожить физически, то придется предположить, что какой-то их процент извлечет из перемен выгоду.

— До завершения вашей первой миссии в двух правительствах вы не считали себя политиком?

— Я был человеком, нанятым для выполнения конкретной работы в особых исторических обстоятельствах. По крайней мере, я так к себе относился.

— В 1995 г. вы использовали партию «Уния свободы» для реализации своих целей?

— Да, действительно, я вступил в «Унию свободы» (чье название, между прочим, я сам ранее предложил) и выдвинул свою кандидатуру на пост председателя партии.

— Чего вы добивались?

— Я хотел создать более сильную партию, чтобы весьма достойная программа «Унии свободы» привела к более эффективным результатам. На парламентских выборах в 1997 г. мы получили вполне неплохой результат, около 14%. Тут следует учесть, что на политической сцене появился блок «Предвыборная акция Солидарность», поддерживаемая самим движением «Солидарность». Мы шли на выборы под лозунгом «второй план Бальцеровича» — это была инициатива профессора Бронислава Геремека.

— Если в политику не вкладывать всю страсть, все свое сердце, все амбиции, то она за это мстит. И вам она как раз отомстила, потому что как политик вы потерпели поражение. «Уния свободы» больше не существует, второго плана Бальцеровича — не было. Ну и как, вы разочарованы этим своим «политическим эпизодом»?

— Отнюдь. Взгляните на достижения правительства Ежи Бузека, в котором я вновь был вице-премьером, — это правительство по-прежнему не оценено по достоинству. Фундаментальная пенсионная реформа, основанная на широкой политической коалиции, — это огромное достижение. Ускорение приватизации — это еще одно. Прошу вас, только представьте себе, что было бы с польской экономикой, если бы в период правления ПиС банки оставались государственными? Проведенная нами реформа местного самоуправления могла иметь свои недостатки, но она была проведена. Мы начали реформу системы здравоохранения. Была ускорена реструктуризация горной промышленности и железных дорог. Это огромное достижение. Так что игра стоила свеч.

— И стоило потом потерпеть поражение на выборах?

— Это расхожая мудрость: все говорят, что поражение было результатом слишком большого количества реформ. По моему мнению, это не было основной причиной. Экономическая ситуация во время правления коалиции «Предвыборной акции Солидарность» и «Унии свободы» была более трудной. Но главнейшей причиной нашего поражения на выборах была чрезвычайная непрочность этой коалиции, в основном из-за центробежных тенденций в ПАС. У нас был выбор: либо всё пустить на самотек, либо вступать в конфликты с союзниками, борясь за реформы. Я выбрал второе. Премьер Бузек занимался внутрикоалиционными переговорами, а чем больше он вел переговоров, тем быстрее ПАС распадалась. А против нас выступала железобетонная экс-коммунистическая оппозиция во главе с Лешеком Миллером. Именно это, по моему мнению, и было основной причиной нашего поражения на выборах в 2001 году.

— Вы бы хотели еще раз вернуться в большую политику?

— Я не собираюсь ни занимать государственные должности, ни заниматься политической деятельностью. Зато меня чрезвычайно интересует возможность влиять на общественность. В частности, именно по этой причине я основал Форум гражданского развития (ФГР).

— По вашему мнению, препятствует ли политика проведению в стране рациональных реформ? Этому ли научил вас ваш опыт?

— Реформа государства всегда осуществляется посредством политики. А в политике, как и в любой профессии, есть разные люди. Есть такие, с кем можно многое сделать, и такие, которые только вредят.

— А какие из них у власти сейчас?

— Огромное качественное изменение к худшему — с точки зрения как направления, так и стиля политики — наступило после прихода к власти партии братьев Качинских. Появилась этакая мораль Кали* в квадрате. Мой грех — это добродетель, ваш грех — это преступление. Вот основной лозунг этой политики.

— Вы понимаете, что означал лозунг создания Четвертой Речи Посполитой?

— На мой взгляд, в то время усилились самые худшие в политике явления: поиски внутренних врагов и тенденциозное использование государственного аппарата, что, как я надеюсь, будет еще доказано конкретными фактами.

— Вас считают основателем польского либерализма. Вы либерал?

— Если под этим определением понимать сторонника ограниченной роли государства в обществе и — благодаря этому — значительной роли рынка и гражданского общества, то да. Кроме того, с течением времени я становлюсь всё более, а не менее либеральным. Дело в том, что можно без труда продемонстрировать, что причина крупнейших социальных катастроф — чрезмерно разросшееся государство. Термины «либерал», «либерализм» были скомпрометированы, но либеральное направлении побеждает.

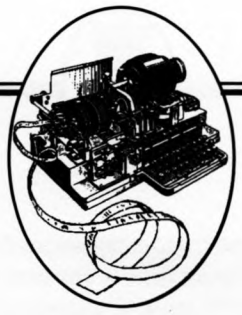
— Ощущаете ли вы сегодня гордость за то место, где сейчас находится Польша?

— Достаточно даже поверхностного знакомства с польской историей, чтобы осознать, что период после 1989 года — лучший за последние 300 лет. Что касается будущего, то, если исключить какой-нибудь исключительно мрачный сценарий, можно сказать, что наша главная проблема сводится к тому, сумеем ли мы использовать тот шанс на развитие, который дает нам свобода.

Беседу вели Ежи Бачинский и Янина Парадовская

POLITYKA

* «Мораль Кали» — вошедшая в пословицу «философия» мальчика-африканца Кали, одного из действующих лиц книги Г.Сенкевича «В пустыне и джунглях». Кали формулировал ее так: «если кто-то у Кали украсть коровы, это плохо. Если Кали у кого-то украсть коровы — это хорошо» — *Пер.*

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

В Познани проходит конференция ООН по вопросам изменения климата (COP-14), в которой участвуют более 8 тыс. человек из 185 стран. Начатая здесь работа над новым соглашением продлится год и завершится в декабре 2009 г. в Копенгагене, где должен быть подписан документ, который придет на смену Киотскому протоколу. В Познани у Польши нет отдельной делегации. От имени нашей страны и остальных 26 стран ЕС выступает общая делегация Евросоюза. Конференцию открыли премьер-министры Польши и Дании Дональд Туск и Андерс Фог. Важнее всего будут два последних дня, 11 и 12 декабря, когда сюда прибудут премьер-министры, президенты и министры охраны окружающей среды из 150 государств, а также генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. Конференция проходит на территории Познанской международной ярмарки, обладающей экстерриториальным статусом, — за порядком следят службы ООН. А на улицах ежедневно дежурит тысяча полицейских. ***(«Газета выборча», «Жечпосполита», 1 дек.).***

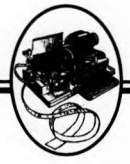
«Самые богатые страны ЕС уже давно инвестируют в технологии, снижающие выброс CO_2 в атмосферу. Новые страны ЕС считают, что не могут позволить себе серьезного ограничения выбросов (...) На экологические планы западных стран новые члены ЕС налагают вето. Во главе их стоит Польша, которая грозит заблокировать весь климатический пакет, если не будет принята во внимание специфика стран бывшего восточного блока (...) Если мы существенно увеличим лимит выброса CO_2, наша экономика потеряет конкурентоспособность». *(Рафал Вось, «Дзенник», 1 дек.)*

«В этом году, впервые за несколько десятков лет, импорт угля в Польшу превысит экспорт. Экспорт энергии также впервые сравняется с импортом. Для страны, которая 95% электроэнергии и тепла производит из угля (...) это плохая новость. В польском энергетическом балансе нефть составляет лишь 5%». ***(«Политика», 6 дек.)***

«Рубикон перейден, у нас будет атомная электростанция. Официально правительство объявит о ее строительстве в январе (...) Станция будет построена на севере или на востоке страны, так как инфраструктура там находится в особенно запущенном состоянии (...) Судя по всему, современный атомный реактор мы купим у Франции, мирового лидера в этой технологии (...) Электроэнергия потечет из реактора уже в 2021 году (...) «Я могу подтвердить, что в настоящий момент программа обсуждается с депутатами (...)» — сказал депутат от Гражданской платформы (ГП) Анджей Червинский». *(Генрик Соколовский, «Польска», 6-7 дек.)*

В Брюсселе принят «энергоклиматический пакет». В переходный период с 2013 по 2020 г. польские электростанции должны будут покупать разрешения всего лишь на 30% выбрасываемого углекислого газа. За весь объем выбросов они начнут платить только с 2020 года. Кроме того, мы, как и другие небогатые страны ЕС, получим дополнительные квоты на выброс углекислого газа, которые мы сможем перепродать за 60 млрд. злотых в течение семи лет. Эти деньги могут быть предназначены на модернизацию электроэнергетики. По мнению эксперта Всемирного фонда дикой природы Стивена Сингера, в действительности до 2020 г. ЕС ограничит выброс углекислого газа лишь на 4%. Неофициально французские дипломаты говорят: соглашение достигнуто, но расплатился за это климат. ***(«Дзенник», «Газета выборча» и «Жечпосполита», 13-14 дек.).***

«Бакинская энергетическая встреча президентов Польши, Украины, Литвы, Грузии и Азербайджана завершилась подписанием декларации, одобряющей экспорт в Европу нефти и газа из каспийских месторождений. Декларацию поддержали Болгария, Венгрия, Италия, Литва, Румыния, Турция, Швейцария, Эстония, а также Европейская комиссия и США. Воздержались от ее подписания Молдавия, Казахстан и Туркменистан. Это была уже четвертая встреча президентов стран Восточной Европы и прозападных постсоветских государств,

посвященная поставкам каспийского сырья в Европу. Первый такой саммит был организован по инициативе президента Леха Качинского в Кракове, а следующие прошли в Вильнюсе и Киеве». *(«Газета выборча», 15-16 ноября)*

«Министр охраны окружающей среды проф. Мацей Новицкий сообщил, что к 2020 г. Польша ограничит выброс углекислого газа на 30% по сравнению с 1990-м (...) Неправительственные организации подчеркивают, что от саммита в Познани они ожидают не только декларации стран об ограничении выбросов углекислого газа, но и проектов, сдерживающих вырубку леса и облегчающих передачу чистых технологий в развивающиеся страны». *(Петр Боярский, «Газета выборча», 6-7 ноября)*

Проф. Мацей Новицкий, основатель «Экофонда», министр охраны окружающей среды: «Больше половины поляков уверены, что климатические изменения обусловлены деятельностью человека. Участвуя в многочисленных дискуссиях, я часто слышу вопрос: «Что я могу сделать?» На это я всегда отвечаю: прежде всего экономить. Экономить энергию, воду, горючее. Пользоваться общественным транспортом, сортировать мусор, сажать деревья. Между тем, как показывают исследования, только треть из нас экономит электроэнергию и воду. Лишь очень немногие добираются до работы не на машине (...) По данным наших опросов, поляки предпочитают, чтобы проблемой глобального потепления занималось правительство, а не они сами (...) С 1988 г. мы ограничили выбросы углекислого газа на 30%, а ведь за это время национальный доход Польши вырос на 100%! Причина — постоянная модернизация нашей промышленности, которая во всё большем объеме использует новейшие мировые технологии, отличительная черта которых — как раз экономия сырья, энергии и воды». *(«Газеты выборча», 28 ноября)*

«Запасы поверхностных вод в Польше в пересчете на человека в три раза меньше среднеевропейских и примерно в 4,5 раза меньше мировых. В Польше они составляют 1530 кубометров в год (в сухие годы — около 1000 кубометров), в Европе — 4560, а в мире — около 7200 кубометров в год (...) Нынешнее потребление воды не гарантирует экономической стабилизации, особенно в области сельского хозяйства, однако уже сейчас нарушает экологическое равновесие». *(Леонард Щигельский, «Бунт млодых духем», сентябрь-ноябрь).*

«В Брюсселе состоялась первая встреча т.н. группы мудрецов, членом которой является Лех Валенса. Группа обсуждает будущее ЕС в мире». *(«Газета выборча», 5 дек.)*

««Под предводительством Леха Валенсы возникло движение, которое привело Польшу к свободе», — сказал в пятницу в Гданьске духовный лидер тибетцев Далай-лама XIV на торжествах по случаю [25-й] годовщины вручения Леху Валенсе нобелевской премии мира. «Мы прекрасно боролись и добились больших изменений», — сказал бывший президент Польши. Кроме других нобелевских лауреатов и многих выдающихся поляков, на торжества прибыли, в частности, президент Франции Николя Саркози, председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу, а также премьер-министр Дональд Туск и министр иностранных дел Радослав Сикорский». *(«Жечпосполита», 6-7 дек.)*

3 декабря канцелярия премьер-министра, МИД и Минобороны получат посылки в виде пакетов со взрывчаткой. В этот день более ста стран, в т.ч. большинство членов ЕС, подпишут в Осло конвенцию, запрещающую кассетное оружие. Польши среди них не будет. Поэтому неправительственные организации (в частности, польский «Красный крест» и «Международная амнистия») организовали этот необычный протест (...) Пресс-секретарь генштаба полковник Сильвестр Михальский подчеркивает, что оборонная доктрина предусматривает применение этого оружия лишь в целях отражения атаки на территории страны (...) «Сначала ограничение должны поддержать крупнейшие производители этого оружия», — объясняет МИД. Дело в том, что США, Россия и Израиль не собираются подписывать конвенцию. *(«Ньюсуик-Польша», 30 ноября)*

«Польша — один из производителей кассетного оружия. Его изготовляют на Металлозаводе в Краснике, где производятся минометные кассетные снаряды калибра 98 мм и артиллерийские снаряды калибра 122 мм. Зона поражения — несколько десятков метров. Один снаряд стоит несколько десятков тысяч злотых. Производитель заверяет, что не продает кассетных снарядов за границу. Их покупает исключительно польская армия. Они имеются, например, у польского контингента в Афганистане, хотя, как утверждается, ему до сих пор не приходилось их использовать (...) «Мы считаем, что пока такое оружие есть у наших соседей, отказ

от него был бы преждевременным», — говорит министр иностранных дел Радослав Сикорский». *(«Газета выборча», 4 дек.)*

▮ «Поляки массово покупают облигации. В ноябре объем продажи государственных ценных бумаг составил 1,12 млрд. злотых. Это самый высокий месячный показатель за последние пять лет. С начала года министерство финансов продало ценных бумаг на сумму 5,2 млрд. злотых, в то время как за весь 2007 год объем продажи составил 8,6 млрд. зл., а за 2006 г. — 4,2 миллиарда. Из-за трудного положения на рынках поляки чаще покупают надежные и безопасные бумаги». *(«Жечпосполита», 14 ноября)*

▮ **Януш Янковяк, главный экономист Польского совета бизнеса: «В Польше мы имеем дело с растущим дефицитом текущего счета, с уменьшением доли иностранных инвестиций в финансировании этого дефицита и с самой острой в регионе — если не считать России — потребностью во внешнем финансировании в 2009 году. Все это, в сочетании с быстро ухудшающимися макроэкономическими условиями в стране и за рубежом, означает растущую вероятность продолжительного ослабления злотого». *(«Жечпосполита, 18 ноября)***

▮ «По данным Главного статистического управления (ГСУ), в октябре средняя зарплата на предприятиях со штатом более девяти человек составила 3241,81 злотых до вычета налогов. Это самая высокая зарплата за всю историю, приблизительно на 70 зл. выше, чем месяц назад (...) Зарплаты на предприятиях растут значительно медленнее, чем месяц назад, но рост всё еще значителен. По сравнению с прошлым годом он составил 9,8%. Сегодня на предприятиях зарабатывают на 290 зл. больше, чем год назад, при занятости на 183 тыс. человек больше. Уже несколько месяцев уровень занятости удерживается приблизительно на одном уровне — более 5,4 млн. человек. За последний месяц она выросла на 3 тыс. человек». *(«Жечпосполита», 19 ноября)*

▮ **Президент подписал дополнения к закону о Банковском гарантийном фонде. Если банк обанкротится, хранящиеся в нем депозиты до суммы 190 тыс. злотых будут полностью возвращены вкладчикам. *(«Жечпосполита, 25 ноября)***

▮ «Как сообщило ГСУ, всё новые данные подтверждают, что польская экономика продолжает резко замедляться. К низкому уровню производства в октябре (по сравнению с октябрем прошлого года его объем вырос лишь на 0,2%) и слабому росту трудоустройства (рост на 3,6%) прибавилось значительное падение динамики розничных продаж. Поляки покупали только на 7,9% больше, чем год назад, в то время как еще в сентябре этот показатель составлял 11,6%». *(«Дзенник», 27 ноября)*

▮ **«Совет монетарной политики неожиданно снизил ставки. Вопреки ожиданиям экономистов процентные ставки снизились на 0,25%. Теперь кредиты в злотых будут дешевле (...) В настоящее время основная процентная ставка составляет 5,75%. Предпринятое в среду снижение ставок было первым за почти три года». *(«Жечпосполита», 27 ноября)***

▮ «На предприятиях прошла новая волна массовых увольнений. Только в октябре 104 фирмы объявили об увольнении 6 тыс. человек». *(«Жечпосполита», 28 ноября)*

▮ **«По данным статистической службы ЕС Евростат, уровень безработицы снизился в Польше с 6,5% в сентябре до 6,4% в октябре. Он ниже среднего уровня по ЕС (7,1%) (...) Данные Евростата отличаются от подсчетов ГСУ, согласно которым безработица в октябре составила 8,8%. ГСУ опирается на данные центров занятости, а Евростат учитывает также теневую экономику». *(«Дзенник», 29-30 ноября)***

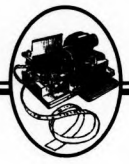
▮ Вчера премьер-министр Дональд Туск и министр финансов Яцек Ростовский сообщили, что ВВП вырастет в будущем году на 3,7% вместо запланированных 4,7%. *(«Дзенник», 1 дек.)*

▮ **««Мерил Линч» снизил прогноз польского экономического роста в 2009 г. до 1,8%. До сих пор он оценивался в 3,3%. В этом году, по мнению «МЛ», рост ВВП составит 4%». *(«Дзенник», 5 дек.)***

▮ ««Standard & Poor's» повысил оценку риска национального банковского сектора для Польши (B1-CRA) (...) Наша страна поднялась из 6-й группы в 5-ю (из десяти существующих)». *(«Дзенник», 5 дек.)*

▮ **«В Польше инфляция почти в два раза выше, чем в зоне евро. Значительно быстрее растут у нас также оплаты и кредиты. В октябре инфляция составила 4,2%. По оценкам министерства финансов, в ноябре ее уровень должен составить 3,8%». *(«Газета выборча», 5 дек.)***

▮ «Банки предлагают рекордно высокие проценты по вкладам — до 9-10% годовых (...) В большинстве банков доля кредитов почти так же велика, как

доля вкладов, поэтому они не могут допустить оттока средств с вкладов. Финансовая стабильность важнее сиюминутной прибыли». *(«Газета выборча», 8 дек.)*

«Впервые за несколько лет в Польше снизилось потребление электроэнергии. На прошлой неделе ее понадобилось на 500 МВт меньше. Всего Польша потребляет (...) около 23 тыс. МВт. Меньше электроэнергии стали потреблять крупные фирмы, которые ввиду отсутствия заказов сокращают производство». *(«Газета выборча», 11 дек.)*

«Управление Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору сообщило в понедельник, что после трех лет запрета Россия снова разрешит импорт польских продуктов растительного происхождения (...) Запрет на импорт польских растительных продуктов был введен Россией в 2005 году». *(«Дзенник», 12 ноября)*

««Мы не намерены разрешать России размещать у нас ракеты «Искандер» в ответ на элементы американской ПРО. Но мы хотим иметь их на вооружении нашей армии», — заявил пресс-секретарь белорусского МИДа». *(«Газета выборча», 18 ноября)*

Из итогового документа саммита министров иностранных дел НАТО в Брюсселе: «Мы призываем Россию отказаться от провокационных заявлений, в частности о сферах влияния, а также от угроз в адрес союзников и партнеров НАТО — в т.ч. от размещения ракет ближнего радиуса действия в Калининградской области». *(«Жечпосполита», 4 дек.)*

Дмитрий Рогозин, постоянный представитель России при НАТО: «Если не будет американских баз в Польше и Чехии, не будет и «Искандеров» в Калининграде». *(«Жечпосполита», 5 дек.)*

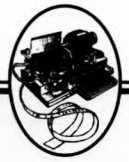
«Осетинские солдаты задержали вчера в Ахалгори колонну автомобилей президентов Польши и Грузии Леха Качинского и Михаила Саакашвили. В отдалении прогремело три автоматных очереди в воздух (...) Президенты ехали в деревню Метехи, где собирались посетить грузинских беженцев из Южной Осетии. Они выбрали дорогу через расположенное в Осетии Ахалгори, где все еще стоят российские войска». *(«Газета выборча», 24 ноября)*

Депутат Павел Залевский, бывший член «Права и справедливости» (ПиС), бывший председатель парламентской комиссии по иностранным делам: «Президент верит, что он прав. Во внешней политике он романтик, воспитанный на Варшавском восстании. Не думаю, чтобы он использовал внешнюю политику инструментально, чтобы поднять свой рейтинг в стране. В то же время окружение президента прекрасно понимает, что такая позиция может помочь ему перед выборами. И, возможно, они, видя, что президент переходит некоторые границы, не пытаются его переубедить». *(«Газета выборча», 25 ноября)*

«Ахалгорский район (...), расположенный в административных границах Южной Осетии, — это область компактного проживания грузин. Но россияне оттуда не ушли, а осетины наводят свои порядки (...) В Польше сейчас можно услышать, что президент Качинский «переиграл» (...) Если бы в 1963 г. президент Кеннеди послушал такого рода советов, он не полетел бы в Западный Берлин, у которого тогда был спорный юридический статус. Теоретически он должен был попросить разрешения на въезд у СССР (...) В Ахалгори, как и в других поселениях, названия которых европейские политики уже позабыли, на Леха Качинского смотрят как на одного из тех немногих, кто спасает честь Европы». *(Войцех Пенчак, «Тыгодник повшехный», 30 ноября)*

«На основании предварительного изучения инцидента в обнародованном правительством отчете однозначно утверждается, что он не был попыткой покушения, зато с грузинской (и нашей) стороны имело место нарушение элементарных правил безопасности, а грузинская сторона вместе со своим президентом повела себя крайне безответственно (...) Президент — не частное лицо (...) Подвергать его жизнь опасности — не его лично дело (...) Каковы последствия этих геройских действий в зоне конфликта? Грузия дальше от членства в НАТО, чем была. Российско-польские отношения после — как выяснилось, безосновательных — обвинений Леха Качинского ухудшились еще больше. Запад, который хочет поддерживать с Россией отношения (не только торговые), смотрит на нас с некоторым раздражением. В стране очередная война по линии правительство — президент». *(Ян Видацкий, «Пшеглёнд», 7 дек.)*

Никита Михалков: «Я видел «Катынь», и хорошо, что Вайда наконец снял этот фильм. Что касается наших трудных двусторонних отношений, то у нас нет выхода. Мы обречены на сосуществование,

каким бы оно ни было — хорошим или плохим. Эта геополитическая ситуация не оставляет нам выбора. Мы можем ссориться, делать фильмы, обвиняющие другую сторону в подлости и жестокости, но в конечном итоге мы ведь друг с другом связаны». *(«Впрост», 16 ноября)*

«В компьютерной базе данных министерства культуры и национального наследия находится список из 1917 предметов, награбленных Красной Армией во время II Мировой войны. В рубрике «место хранения» значится Россия. Хотя еще в 2004 г. мы передали российской стороне десять заявлений о возвращении утраченного имущества, которые касались объектов, найденных на российском сайте (...) Польша до сих пор не получила ответа. В период II Мировой войны Советский Союз дважды вывозил произведения искусства и ценности с территории Польши. В первый раз, когда 17 сентября 1939 г. советская армия, в соответствии с пактом Молотова—Риббентропа, захватила польские восточные земли. Во второй раз, когда уже союзная Красная Армия вывозила военную добычу из побежденной Германии, со складов, на которые свозились ценности из польских музеев и церквей». *(«Наш дзенник», 29-30 ноября)*

«Хоругвь гетмана Ивана Мазепы, один из важнейших символов украинской государственности, в течение года находилась на реставрации у польских специалистов. Флаг из Харьковского исторического музея — одна из трех известных в мире казачьих гетманских хоругвей (...) Он сшит в 1686-1687 гг. в царских мастерских в Кремле» *(«Пшеглёнд православный», октябрь)*

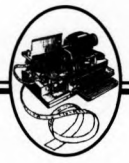
«Вышла книга выдающихся русистов Виктории и Рене Сливовских. Ее больше интересует история, его — литература. Это, впрочем, неважно — ведь у них общий взгляд на мир. Называется книга «Россия, наша любовь» («Искры», 2008). Что ни говори, а чтобы так озаглавить книгу во времена, когда русофобия стала чуть ли не официальным показателем патриотизма (...) нужна определенная смелость. И наверняка это демонстрация благородной интеллектуальной независимости (...) Их книга не только учит экуменическому пониманию и смирению. Это также рассказ о том, как, даже идя против жестокого ветра истории, можно не поддаться соблазну ненависти». *(Людвик Стомма, «Политика», 6 дек.)*

«В России появилась своя «Солидарность» (...) Демократы выбрали вчера делегатов на съезд основателей нового движения «Солидарность» (пишется кириллицей с трехцветным флажком), запланированный на 13 декабря». *(«Газета выборча», 24 ноября)*

««Несмотря на серьезные разногласия по вопросу ПРО, Польша и Россия должны разговаривать, — сказал министр иностранных дел Сергей Лавров на вчерашней встрече с иностранными предпринимателями. — Мы разговариваем с Польшей, так как это одна из ведущих стран ЕС», — заявил он (...) Россия объявила вчера, что отводит около 900 танков из Калининградской области». *(«Жечпосполита», 11 дек.)*

«Пекин протестует против планов назвать площадь, расположенную на пересечении улиц Мартина Каспшака и Примаса Тысячелетия, площадью Свободного Тибета. В польский МИД поступил официальный протест (...) С инициативой присвоить такое название одной из площадей Варшавы выступили депутаты района Воля. Предложение было принято большинством голосов (...) Городская управа Варшавы должна заняться этим вопросом в феврале». *(«Дзенник», 10 дек.)*

Лех Качинский встретился с Далай-ламой. Встреча с тибетским духовным лидером — официально носившая частный характер — состоялась вчера вечером. Сегодня Далай-лама по специальному приглашению маршала Сената Богдана Борусевича посетил парламент. Потом он встретился с президентом (мэром) столицы Ханной Гронкевич-Вальц. Во второй половине дня в Варшавском спорткомплексе он выступил перед 5 тыс. слушателей с докладом «Всеобщая ответственность в современном мире». Интерес был столь велик, что городские власти установили перед спорткомплексом большой телеэкран. Это событие освещали 280 журналистов. Было установлено 20 телекамер. Теле- и радиостанции транслировали встречу в прямом эфире. В Гданьске Далай-лама встретился с премьер-министром Дональдом Туском, в Кракове получил звание почетного доктора Ягеллонского университета (...) а во Вроцлаве — почетного гражданина города. *(«Дзенник», «Газета выборча», «Польска», «Жечпосполита», 11 дек.)*

▮ «Идет трагический по своей мстительности и мелочности процесс генерала Войцеха Ярузельского. Обвиняемый предоставил суду более обширную и полную документацию, чем прокуратура. Это свидетельства, о которых могут спорить историки, но не суд (...) Впрочем, генерал зря старался. Он стоит не перед теми, кто будет утруждать себя вниканием в его мотивы или хотя бы в мотивы геополитики и истории. Он стоит перед этим всё более могущественным «ничто», на которое нет ответа, перед интеллектуальным тоталитаризмом, который не ищет, потому что знает. И честно скажу, я этого «ничто» ужасно боюсь». *(Людвик Стомма, «Политика», 11 ноября)*

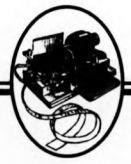
▮ **Апостольский нунций в Польше архиепископ Юзеф Ковальчик рассказал в интервью, что «Папа Иоанн Павел II относился к генералу Войцеху Ярузельскому с некоторым уважением, поскольку знал, что в этом человеке есть какой-то дух патриотизма, дух добра, какая-то воля защитить Польшу». *(«Дзенник», 20 ноября)***

▮ «Даниэль Ольбрыхский, актер: «В декабре 1981 г. я не сомневался, когда доктор Юзеф Рыбицкий попросил меня подписать письмо протеста против военного положения. Точно так же и теперь я полностью согласен со статьей Квасневского и призывом к защите генерала Ярузельского». Казимеж Куц, режиссер: «То, что происходит вокруг генерала после стольких лет, — дело рук Института национальной памяти (ИНП). Генерал был обвинен в уголовном преступлении «вооруженными силами братьев Качинских»». Владислав Фрасынюк, бывший лидер явной и подпольной «Солидарности», бывший политзаключенный: «Для того чтобы ввести военное положение, нужна была смелость, но еще бóльшая смелость нужна была для того, чтобы сесть за стол переговоров и пожать руку человеку, которого ты притеснял. «Круглый стол» — это важное обстоятельство для оценки Ярузельского»». *(«Пшеглёнд», 16 ноября)*

▮ **Ольга Липинская, многолетний директор варшавского театра «Комедия», создательница кабаре, а также множества театральных и телеспектаклей: «Под возвышенным лозунгом нравственного очищения и национальной памяти создана могущественная организация, а скорее политическая сила. Я говорю об ИНП. Эта организация использует террор, манипулирует папками с досье спецслужб. Она выбирает только некоторые — по принципу уничтожения неугодных (...) Никто не хочет, чтобы на него навесили ярлык коллаборациониста, тайного агента или сотрудника органов безопасности. Ведь из-за этого можно потерять работу, сделаться изгоем общества. Люди боятся и оправдываются в том, что им довелось жить и работать в тех, а не иных условиях (...) Это месть посредственностей по отношению к тем, кто чего-то достиг (...) Человеческий страх делает ИНП могущественной силой. Но мы не можем поддаться сумасшествию. Нельзя бояться, оправдываться. Нужно это высмеять, и высмеять тех, кто к этому поливанию грязью относится всерьез (...) Уничтожаются все научные, творческие и политические авторитеты. Это не очищение, а террор, и так это и нужно называть». *(«Пшеглёнд», 30 ноября)***

▮ Музей истории Польши объявил в Интернете плебисцит «Иконы [межвоенного] двадцатилетия». «Икону» музей определил как «символ и образец для подражания». В голосовании приняли участие около 20 тыс. пользователей сети. Первое место занял Юзеф Пилсудский (5541 голосов), второе — Станислав Игнаций Виткевич (2340 голосов), третье — св. Фаустина Ковальская (1426 голосов). *(«Газета выборча», «Жечпосполита», 10 дек.)*

▮ **«Своей властью в возрожденной Польше Пилсудский обязан немцам (...) Если бы германское правительство, а точнее военная разведка, не выпустили его из тюрьмы в Магдебурге (...) и не организовали ему поезд в Варшаву (как, прошу прощения, Ленину), то в столице сформировалось бы другое правительство (...) Собраны улики, свидетельствующие о многолетнем сотрудничестве Пилсудского с разведкой Австро-Венгрии (...) Свидетели погибли при обстоятельствах, недвусмысленно указывающих на политические убийства. Это касается не только смерти генерала Влодзимежа Остои-Загурского — когда-то офицера австро-венгерской военной разведки, который был убит, вероятно, именно потому, что слишком много знал (...) По меньшей мере полтора десятка офицеров Войска Польского, а также свидетели по делу гибели Загурского, пали в это время жертвами таинственных несчастных случаев, пищевых отравлений и, наконец, убийств — по официальной версии, бандитских. Особенно мор коснулся тех, кто осмелился стать на пути Пилсудского в период формирования Легионов (...) Список не исчерпывается удушением польского парламентаризма [путч 1926 г. со смертельными**

жертвами. — *Ред.*], попиранием независимости судов, брестским процессом [против депутатов оппозиции] и Березой-Картуской [дисциплинарный лагерь для политических противников], а также цензурой, в т.ч. законом, предусматривавшим наказание за порочение доброго имени Пилсудского (...) До самой смерти он блокировал развитие авиации и бронетанковых войск». *(Рафал А. Земкевич, «Жечпосполита», 22-23 ноября)*

▮ «В субботу на 82-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался многолетний редактор еженедельника «Политика» Мечислав Ф. Раковский. С сентября 1988 по июль 1989 г. он был последним премьер-министром ПНР, затем первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии, вплоть до последнего ее съезда в январе 1990 года. Будучи премьером, он допустил свободу хозяйственной деятельности и создание первых в ПНР частных банков (...) В 1968 г. Раковский отмежевался от развязанной тогда антисемитской компании». *(«Газета выборча», 10-11 ноября)*

▮ **Президент Лех Качинский пока что не дал согласия на принятие Ханной Гронкевич-Вальц (президентом Варшавы), Казимежем Марцинкевичем (бывшим премьер-министром) и Павлом Залевским (депутатом, бывшим председателем парламентской комиссии по иностранным делам) орденов, присужденных им иностранными государствами. *(«Политика», 15 ноября)***

▮ Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, за ГП готовы проголосовать 52% поляков (что соответствовало бы 277 местам в Сейме), за ПиС — 27% (152 места), за коалицию Союза демократических левых сил (СДЛС) и «Унии труда» — 7% (30 мест). В Сейм не прошли бы крестьянская партия ПСЛ (4%), «Лига польских семей» (2%), «Польская социал-демократия» (2%), «Самооборона» (2%) и «Уния реальной политики» (2%). *(«Газета выборча», 10 дек.)*

▮ **Бригида Кузняк, кандидат юридических наук, депутат Краковского городского совета трех созывов, в настоящее время депутат воеводского сеймика: «Пагубная «политизация» местного самоуправления заключается в том, что политические партии относятся к нему как к своего рода добыче (...) На первые места в избирательных списках часто попадают не столько нужные местному сообществу люди, сколько те, кто по каким-то причинам важен для самой партии (...) Забота об общественном благе подменяется заботой о благе партийных деятелей. Городская уп рава часто используется как учебно-испытательный полигон для будущих депутатов Сейма или как теплое местечко для верных, но посредственных деятелей второй категории (...) Депутаты часто отличаются партийной, квази-племенной лояльностью (...) и никого не интересует, как такое поведение отразится на интересах гмины и жизни ее населения. «Специализация» же в органах самоуправления имеет мало общего с «профессионализацией» и подготовкой депутата к исполнению его обязанностей, а скорее с тем, что должность эта является единственным платным занятием занимающего ее человека. Депутатство часто становится способом выживания и источником доходов, как бы профессией (...) Деградация органов самоуправления идет быстро (...) Всех настоящих самоуправленцев, множество прекрасных людей, которых я все-таки встретила в органах местного самоуправления, прошу меня извинить и не принимать на свой счет». *(«Пшеглёнд», 23 ноября)***

▮ Тадеуш Гадач, философ и религиовед, научный сотрудник Collegi um Civitas и Польской Академии наук: «В Польше никто не протестует против лжи политиков. Во многом это вытекает из того, что наша религиозность, в отличие от американской, интенсивна главным образом в сфере символов. Намного хуже обстоит дело с соблюдением нравственных принципов на практике». *(«Жечпосполита», 19 ноября)*

▮ **«В Третьей Речи Посполитой духовная элита, способная влиять на общество, исчезла с общественной сцены. Политические верхи ее игнорируют, лишь по особым случаям используя наиболее выдающихся ее представителей в качестве украшения для ищущих популярности политиков. Вместо них пришла псевдоэлита — назначенная и рискующая «увольнением» за слишком явную независимость. Правящие верхи стали самодостаточны ми, интеллектуальной же элите претят придворные обязанности (...) В польском сознании не существует иной элиты, нежели политическая. Аристократическая элита была уничтожена при ПНР. Интеллектуальная элита маргинализована. Хозяйственная и финансовая элита еще не сформировалась. Нет всеми признанной нравственной элиты, поскольку нет всеми признанной, стихийно**

сложившейся системы нравственных норм. Нет чиновничьей элиты, так как для формирования устойчивой структуры карусель должностей крутится слишком быстро. Так что у нас есть исключительно политическая элита, да и та не элита, а всего лишь группа наибольшего политического влияния». ***(Мацей Рыбинский, «Жечпосполита», 8 дек.)***

▮ Опрос ЦИОМа показал, кого поляки считают авторитетом (то есть человеком, которого любят, уважают и с чьим мнением считаются), а кого относят к антиавторитетам (то есть к тем, кого не уважают и с чьим мнением несогласны). Первое место среди авторитетов занял Ежи Овсяк, создатель Большого оркестра праздничной помощи, получивший 55% голосов (и 5% в качестве антиавторитета). За ним идут Анджей Вайда — соответственно 49 и 2%, кардинал Станислав Дзивиш — 48 и 5%, Владислав Бартошевский — 41 и 6%, Лех Валенса — 35 и 12%, Тадеуш Мазовецкий — 31 и 7%. Далеко от начала списка оказались Лех Качинский (12 и 38%), Ярослав Качинский (8 и 42%) и Тадеуш Рыдзык (6% и 53%). *(«Политика», 29 ноября)*

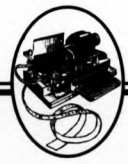
▮ **«В Польше модель участия в общественной жизни интеллектуалов — то есть, в нашем представлении, элиты среди интеллигенции — пока что только формируется. Для наших правых, как и для наших левых, ниспровержение авторитетов иногда бывает самоцелью. Правые уничтожают авторитеты левых и либералов, левые платят той же монетой правым. О каком-либо взаимопроникновении не может быть и речи. Обе стороны ведут свои культурные войны на глазах у всё менее заинтересованной ими общественности (...) Всё это развивается в нехорошем направлении (...) Нам нужно что-то серьезное. Что-то, что упорядочит нашу действительность, будучи в то же время свободно от воинственной односторонности. Интеллектуалы-борцы были нужны нам во времена холодной войны. Диссиденты в Польше и СССР показывали словом и делом, добросовестным описанием, критическим анализом и личным примером, что всё не так, как говорит официальная пропаганда. Эта их миссия кончилась вместе с крахом коммунистического блока. Что, впрочем, не означает, что демократия не требует независимого критического осмысления и гражданского отношения».** ***(Адам Шосткевич, «Политика», 15 ноября)***

▮ Томаш Яструн, писатель и литературный критик: «Мы дожили до времен, когда, желая быть независимым от своей среды, человек попадает в зависимость от бедности или коммерции». *(«Дзенник», 6-7 дек.)*

▮ **Три культуры — польская, еврейская и украинская — вот уже десять лет встречаются на осеннем фестивале во Влодаве. Наполняются зрителями две синагоги (в которых размещается музей Ленчинско-Влодавского Поозерья — организатор фестиваля), влодавские костелы и православная церковь. 12-14 сентября в 15-тысячный городок съехалось больше полутора десятков тысяч человек из разных уголков Польши. Прибыло также множество звезд польской сцены.** ***(«Пшеглёнд православный», октябрь)***

▮ «Уже 11 лет общество «Дети Катастрофы» окружает заботой польских «Праведников среди народов мира». Для своих подопечных оно покупает протезы, инвалидные коляски, присылает вспомоществование на лекарства и еду. На попечении каждого члена общества полтора десятка человек. И хотя «детям» по 60-70 лет, они регулярно ухаживают за «Праведниками», которые старше их на 20 лет. Кроме того, дважды в год общество оплачивает полутора десяткам своих подопечных праздничную поездку на отдых (...) На Рождество и Пасху «Дети Катастрофы» готовят подарки. Перед праздниками спасшиеся от уничтожения разносят коробки с кофе, сладостями, фруктами, ветчиной, паштетом и черносливом (...) В этом году впервые не хватило денег. Ряды общества редеют (...) Общество, действующее с 1991 г., объединяет несколько сот людей, спасшихся от Катастрофы, которым к началу II Мировой войны было не больше 13 лет». *(Божена Аксамит, «Газета выборча», 5 дек.)*

▮ **«20 октября в Хелме началось двухдневное поминание в 70-ю годов щину самого трагического для Польской православной Церкви события — варварского уничтожения 127 православных храмов по распоряжению польских властей. Участники ждали, что́ скажут польские власти (...) Лех Качинский написал (...): «Как президент Польши я сознаю важность восстановления памяти о несправедливости, коснувшейся православных граждан нашей страны (...) Поэтому я принял решение взять под почетное покровительство издание книги о разрушении церквей в 1938 г., а также направить письмо участникам сегодняшних памятных торжеств в честь этой**

годовщины (...) Сожалея о винах наших предков, мы хотим с особой силой подчеркнуть наше стремление строить такую Польшу, в которой равноправие вероисповеданий будет общеобязательной и безоговорочно соблюдаемой нормой»». *(«Пшеглёнд православный», ноябрь)*

▮ Эугениуш Чиквин, депутат Сейма от СДЛС: «Что касается отношений государства с православной Церковью и другими некатолическими Церквями и религиозными объединениями, то прошедший год можно оценить положительно (...) Среди вопросов, решенных позитивно, следует упомянуть принятие поправок к бюджету на 2008 г., предусматривающих выделение 1,5 млн. злотых на продолжение ремонтных работ в Супрасльской лавре. Принятие этой поправки может войти в историю Сейма. Наверное, впервые из четырехсот внесенных оппозицией поправок к бюджету Сейм проголосовал только за одну, касающуюся Супрасля». *(«Пшеглёнд православный», ноябрь)*

▮ **«Сегодня трудно говорить о светском характере польского образования. Во многих школах учебный год начинается и заканчивается мессой. В классах висят кресты (...) На школьных праздниках присутствуют религиозные элементы (...) В то же время более 50% родителей считают, что местом преподавания Закона Божия должен быть приход (...) У религии в школе экстерриториальный статус. Содержание и форма обучения зависят от Церкви. Министерство образования может только молчать. Выбор учителей Закона Божия зависит исключительно от епископа. Но в другую сторону эта независимость не всегда действует. Во многих школах учитель Закона Божия играет роль офицера по идеологии, который следит, чтобы церковные рекомендации претворялись в жизнь (...) Почему неприемлемо возвращение Закона Божия в приходы? Михал Барольд из [католического] журнала «Знак» предлагает какое-то объяснение: деньги. Классы для занятий Законом Божиим давно арендованы, а для Церкви это источник доходов. Зарплаты учителей финансируются из государственного бюджета. В прошлом году они поглотили почти 1 млрд. злотых». *(Иоанна Подгурская, «Политика», 15 ноября)***

▮ «Пилотный образовательный проект, который должен противодействовать дискриминации и пропагандировать терпимость, называется «Шавим», что на иврите означает «равные». Это первая такая программа в Польше. Подготовила его варшавская еврейская община. С сентября в десяти специально отобранных классах варшавских и подваршавских гимназий проводятся занятия на тему жизни в многокультурном обществе (...) Продлятся они до 18 декабря. Следующий тур программы «Шавим» начнется, вероятнее всего, осенью (...) Участие в финансировании программы принимает министерство культуры и национального наследия, а также столичное бюро образования». *(«Газета выборча», 12 дек.)*

▮ **«В Польше всего 28% детей от 3 до 6 лет ходят в детские сады. В ЕС этот показатель составляет 84% (...) Если детсадовская подготовка не будет поголовной, то реформа, вводящая школу с 6 лет, обречена на неудачу». *(«Дзенник», 6-7 дек.)***

▮ «Согласно подсчетам Европейского общества репродукции человека и эмбриологии, 3 млн. взрослых поляков безуспешно пытаются родить ребенка — по несколько месяцев, а иногда и лет. Это полтора миллиона пар (...) Всемирная организация здравоохранения признала бесплодие социальной болезнью». *(«Ньюсуик-Польша», 14 дек.)*

▮ **«Только за последний год 70% детдомовских детей были обворованы, каждый третий — избит, каждый десятый — изнасилован (...) Учреждения, в которых живут дети, перенаселены. К таким выводам пришла Верховная контрольная палата, проверив состояние 49 детдомов. В каждом из них пребывает в среднем 55 воспитанников, хотя по правилам должно быть не больше 30-ти. Стало практикой помещать в интернаты молодежь с судебными приговорами, для которой не хватило места в воспитательных учреждениях. Санитарно-эпидемиологические и противопожарные условия в детских домах не соответствуют нормам». *(«Газета выборча», 24 ноября)***

▮ «В Польше можно без разрешения и возрастных ограничений купить пневматическое ружье (...) Низкие цены на пневматическое оружие позволяют подросткам хладнокровно убивать множество кошек и собак, которые погибают в мучениях (...) Полиция прекращает большинство следствий по таким делам (...) из-за отсутствия доказательств (...) Полицейские находят в среднем 7 из 10 виновных в издевательстве над животными. Только в прошлом году полиция направила в прокуратуру 631 заявление о подготовке обвинительного акта. «Донесений о такого рода случаях из года в год

всё больше, — говорит прапорщик Малгожата Голашевская из пресс-службы Главного комиссариата полиции. — В истекшем году почти каждый третий подозреваемый был бездомным. Среди подозреваемых было также 119 школьников и 6 студентов». *(Войцех Анджеевский, фелинологический ежемесячник «Кот», декабрь)*

«Сначала охотники, среди которых были и сотрудники Бюро охраны правительства, (...) джипами согнали кабанов вместе, ослепляя их мощными фарами, а затем всех перестреляли», — рассказывает житель поморского города Турск». *(Матеуш Венсерский, «Польска», 11 дек.)*

«В Польше уже есть неправительственная полиция по охране животных, но, хотя ее полномочия велики, отсутствие финансирования и кадров ограничивает ее работу (...) Полиция по охране животных должна быть, как и обычная, государственным учреждением. Пока этого не произойдет, наши дороги будут усеяны убитыми животными, а сами мы будем становиться все более бесчувственными. Я не представляю себе светлого будущего у общества, которое спокойно смотрит на автотрассы, полные трупов наших братьев меньших (...) Наверное и лучше, если животное погибает на месте: в 90 случаях из ста машина даже не снижает скорости. (...) Мы пишем законы о том, можно ли купировать собакам уши и хвосты. Мы возвышенно говорим об эвтаназии животных, живущих с человеком, но спокойно проносимся мимо сбитой собаки и едем по трупу кота — не обязательно черного, потому что таких чаще всего убивают намеренно». *(Дорота Суминская, «Политика», 15 ноября)*

«Еще 20 лет назад в Польше жило лишь 80 пар орланов-белохвостов. Сегодня их около 800 (...) В прошлом причиной огромных потерь среди польских хищных птиц было массовое применение инсектицида ДДТ (дихлордифенилтрихлорметилметана). Именно ДДТ был виноват в недоборе кальция и хрупкости скорлупы птичьих яиц (...) Во время высиживания яйца давились (...) Сегодня число пар, которым удалось вырастить потомство, достигает в Польше 70% (...) Отказ от употребления ДДТ — лишь одна из причин успеха (...) Еще в 1980-е за орлов и других птиц заступились их любители, основав Комитет охраны орлов, одну из старейших неправительственных организаций в Третьей Речи Посполитой (...) Они убедили власти окружить гнезда орланов защитными зонами. «Сегодня в радиусе 200 м от гнезда нельзя даже шишки поднять, не говоря уже о рубке деревьев», — рассказывает вице-председатель КОО Тадеуш Мизета из Познанского университета природоведения». *(Якуб Хелминский, «Дзенник», 24 ноября)*

«Спасение камышевки вертлявой — большой успех. Но его не было бы, если бы не ЕС, предназначивший на эту цель 5,5 млн. евро (...) Мы работаем над восстановлением мест, где селятся камышевки (...) Эта гигантская инвестиция уже начала приносить плоды, потому что камышевки стали возвращаться в места, откуда много лет назад исчезли (...) Наблюдения подтверждают, что из года в год их становится все больше». *(Катажина Текень, «Дзенник», 19 ноября)*

«Еще полтора десятка лет назад в Пенинах было всего 20 аполлонов. Сегодня их уже больше тысячи (...) В 1993 г. проф. Збигнев Вилковский собрал куколки самой большой и красивой польской бабочки в ее последнем пристанище (местоположение ученые держат в тайне). В Словакии обнаружилось два таких же места. В результате нескольких лет работы удалось привезти оттуда куколки в Польшу. Популяция бабочки стала восстанавливаться (...) По мнению ученых, кризис позади». *(Яцек Боркович, «Дзенник», 4 дек.)*

«Тонны мусора (...) ежедневно свозят в деревушку Бяловежа, расположенную в самом сердце Беловежской пущи. Отходы сваливаются всего лишь в 300 м от заповедника. И ничего нельзя предпринять, потому что все делается по закону. Каждое утро мусоровоз проделывает 18-километровый путь вдоль границ природного заповедника. Ежемесячно в Беловежскую пущу попадает 150 тонн отходов». *(Якуб Хелминский, «Дзенник», 26 ноября)*

«Комиссары ЕС хотят вернуть свободу в мир овощей и фруктов (...) Кривые огурцы, до последнего времени дискриминированные из-за формы, смогут вернуться на полки магазинов (...) Будут отменены 26 предписаний, касающихся, в частности, баклажанов, абрикосов, вишни, чеснока, порея, гороха, арбузов, шпината и огурцов. Согласно директиве ЕС от 1988 г., кривизна огурцов может составлять максимум 10 мм на каждые 10 см длины, а огурцы, весящие больше 0,5 кг, должны иметь не менее 30 см в длину. В силе остаются еще 10 предписаний». *(«Впрост», 16 ноября)*

СИЛА ЛИЧНОСТИ

Беседа с Анной Лашук о феномене ТОК-ФМ — первого информационного радио

— ТОК-ФМ — это третья по популярности межрегиональная радиостанция в Польше. Раньше она называлась «Инфорадио» и вещала в типовом информационном формате, с дикторами, читающими новости. Когда появилась эта первая радиостанция?

— В 1993 г., но лицензию нам дали в 1996-м. Однако настоящий старт был двумя годами позже. Вскоре название поменялось на «ТОК-ФМ — разговоры» — это лучше соответствовало интерактивному характеру передач. Я пришла на радиостанцию в 2000 году.

— С 1999 г. радио получило сохранившееся по сей день название «ТОК-ФМ» и уже официально приобрело информационно-дискуссионный характер. Почему произошло это изменение?

— Насколько я знаю из разговоров с коллегами и дирекцией, это произошло под влиянием успеха американских радиостанций «news and talk». В США такой формат был очень востребован — хотя бы потому, что американцы много времени проводят в пути, когда едут на работу, и предпочитают разговорное радио, которое вызывает много эмоций, так как обсуждаются вопросы, важные для каждого. Так должно было быть и у нас.

— Это был прообраз вашего радио? Вы ориентировались непосредственно на эту формулу?

— Думаю, да. С нами даже работал специалист по «news and talk», который обучал всю нашу команду, «настраивал» это всё, давал указания ведущим, говорил, как они должны руководить этим шоу, потому что передачи действительно должны были иметь форму и характер шоу. Надо было привлечь слушателя эмоциями и накалом дискуссий.

— Перемена оказалась очень серьезной и успешной?

— Да, мы стали тогда известны. Точно не помню, какой тогда был рейтинг, но в определенных кругах, и не только в Варшаве, это была в то время очень популярная радиостанция. Так что новая форма определенно себя оправдала.

— Что было импульсом к созданию такого радио? Ниша на рынке СМИ или необходимость нового способа подачи информации?

— Откровенно говоря, не помню. Наверное, и то, и другое. Об этом лучше спросить создателей радиостанции, а особенно тогдашних директоров Анджея Шозду и Марека Яцкевича. С начала вещания главными акционерами радио были «Политика» и «Агора». Так и остается, хотя доли немного изменились.

— ТОК-ФМ принимают в 10 крупных городах Польши. К каким общественным группам вы преимущественно обращаетесь?

— Скажу так: наши слушатели — это образованные люди, в статистике это фиксируется как «люди высокого профессионального уровня». Как вы отметили, наша лицензия предусматривает вещание преимущественно в больших городах, хотя нас можно слушать и через Интернет. По данным нашей

рейтинговой службы, наш слушатель — это прежде всего житель крупного города, со средним или высшим образованием, с доходом свыше 1800 злотых на члена семьи, то есть можно сказать, что это средний класс.

— А по возрасту?

— Большинство наших слушателей — в возрасте от 30 до 40 и от 50 до 60 лет. Довольно большая группа — 40-50 лет. То есть это, безусловно, взрослые слушатели, интересующиеся тем, что делается на свете, со сформированным уже мировоззрением. Мы расширяем спектр программ. Хотим, чтобы наших слушателей становилось все больше.

— Вы планируете вещание на всю Польшу? Я слушаю ваши передачи и знаю, что такая потребность существует. Вам звонят люди с периферии и жалуются, что не могут принимать ваше радио.

— Это вопрос лицензии. Лицензию выдает Всепольский совет по телевидению и радиовещанию. Расширить вещание даже на один или два города — это был бы уже большой успех. Изменить же лицензию, чтобы вещать на всю страну, будет очень трудно.

— С 2005 года ваш основной акционер — «Агора», издатель ведущей ежедневной польской газеты. Не снижает ли это доверия к вам как к информационной радиостанции?

— Ну, всех кто-то финансирует. Нет ни одного медийного проекта, на который деньги падают с неба. И государственные средства раздают политики. Так что если какая-то польская или зарубежная компания выделяет деньги, то за этим что-то стоит. Вопрос — что? Ответ в каждом случае разный. Акционер каким-то образом представляет себе работу того СМИ, в которое вкладывает деньги, иначе быть не может. Не думаю, что в этом есть что-то подозрительное. Другой ситуации попросту не бывает.

— Значит, вы выражаете взгляды «Газеты выборчей»?

— Любая редакция объединяет людей с определенными взглядами. Не думаю, что в «Газету выборчу» придут работать ярые сторонники «Права и справедливости» или крайние консерваторы и откровенно правые. Им такое и в голову не придет. То же и в ТОК-ФМ. В этом смысле мы с «Выборчей» похожи. Это, скажу так, некий общий дух. Мы проводим общие акции, тесно сотрудничаем. Многие журналисты «Выборчей» участвуют в наших программах. Если же вы имели в виду какие-то ограничения и директивы, то их нет.

— А почему в ваших утренних передачах большинство участников обсуждений — из «Права и справедливости»?

— Не знаю, почему вы так считаете. Мы разговариваем со всеми. Очень часто в «Утре с радио ТОК-ФМ» бывают люди из правительства. В программе «После девяти» Мартина Грачика — «для равновесия» много представителей оппозиции, не только из ПиС, но и из Союза демократических левых сил. Если говорить о ведущих, то единственная консервативная (можно ее так охарактеризовать) утренняя программа — это передача Игора Янке. Вот и всё. Мы приглашаем прежде всего собеседников, готовых к публичной дискуссии, и это самое важное. И важно, чтобы выражались разные позиции. Мы ведь не можем разговаривать сами с собой. То есть можем, но это не имело бы никакого смысла. Очень часто можно слышать упреки, что некоторые СМИ кого-то приглашают чаще, а кого-то «не замечают». Но нередко случается, что политики сами отказываются приходить на некоторые каналы, например на ТВН.

— А на ТОК-ФМ так бывает?

— Скорее, нет. Иногда кто-то откажется. Возможно, времени нет. Возможно, нас не любит. Но это единичные случаи. Бойкота никогда не было. Вот что интересно. Некоторым нашим слушателям, независимо от их взглядов, кажется, что мы приглашаем больше противников. Например, кто-то с либеральными взглядами говорит: «Почему столько этих, из ПиС?» А более консервативный слушатель заявляет: «У вас одни либералы и левые». Я думаю, что каждый испытывает определенный дефицит солидарности со своими суждениями, со своим взглядом на мир. В этом причина. Но мне кажется, что мы удерживаем некое равновесие.

— А какой взгляд вы пропагандируете, когда идет речь о политике Польши по отношению к России? Россия — «несчастная бесприданница» или держава с имперскими поползновениями?

— Мы никакого взгляда не пропагандируем. Мы приглашаем экспертов из разных организаций и иностранных корреспондентов. Среди них, например, Владимир Кирьянов из варшавского «Русского курьера», который представляет довольно специфическую позицию. Мне кажется, что мы достаточно уравновешенны, то есть очень редко бывает, чтобы кто-то из гостей демонстрировал крайние взгляды по отношению к России. Хотя высказываются и довольно резкие суждения. Но мы не ведем никакой внешней политики. Мы всего лишь проводим дискуссию, но именно дискуссию, в которой могут иметь место самые разные мнения. У меня вообще нет впечатления, что какое-либо из польских СМИ пропагандирует некий взгляд на Россию. Это дело политиков, т.е. они какой-то взгляд демонстрируют.

— Опросы показывают, что слушатели ценят ТОК-ФМ прежде всего за оперативность информации. Но также, что необычно и удивительно для информационного вещания, в выборе вашей радиостанции решающую роль у слушателей играет «аффективный элемент», т.е. эмоции.

— Ну, это не удивительно, поскольку информация перемежается у нас живым словом — публицистикой, дискуссией. А дискуссия всегда эмоциональна, если есть разные точки зрения. В этом всё дело. Думаю, что в политике, общественной жизни и вообще в жизни нас всегда сопровождают эмоции. Это значит, что наше радио живое и отражает реальные проблемы, которые обсуждают люди у себя дома, на работе, на улице.

— Возможно, в этом случае центр тяжести приходится не на информацию, а на дискуссию?

— Информация — это, конечно, трамплин. Мы передаем новости каждые 20 минут. На этой базе все строится. Темы для дискуссии не берутся с потолка. Они всегда завязаны на том, что происходит в Польше и в мире. Конечно, поздно вечером можно послушать джаз и несколько отойти от глобальных проблем. Однако основа всего и «главное блюдо» — это события, а хорошо проведенный разговор покажет прежде всего, насколько они нас затрагивают.

— Спектр ваших программ весьма широк для информационного радио. Передачи о музыке, кулинарии, культуре, о религиях...

— Наше радио не исключительно информационное. Мы называемся информационно-публицистической радиостанцией, но такое название не слишком нас ограничивает. Оно лишь ориентир. Название в большей мере отражает то, что идет в эфир. Но прежде всего это личностное радио. Всё, что у нас появляется, вырастает из интересов всех ведущих и всех, кто здесь работает. А также из широкого кругозора главного редактора. Тематика наших передач формируется не вычислениями. Мы придерживаемся открытого взгляда на мир. Мы, скажу без ложной скромности, разумные люди и интересуемся всем, что несет с собою жизнь. Не только политикой, но и общественными делами. Импульс идет от наших индивидуальностей. Программы охватывают широчайший спектр жизни, т.е. и культуру, и бизнес, и автомобили, и самые разные интересы. Я, например, недавно начала цикл «Внутренняя жизнь», посвященный психологии. Если у кого-то из нас возникает новый замысел, увлечение, которое хочется реализовать, это всегда приветствуется с энтузиазмом. Важно, чтобы предложение было интересным и удачно воплощенным. «Информационно-публицистический» формат нас ничем не ограничивает. Хотя, конечно, существуют пропорции: прежде всего объективная, полная и профессионально поданная информация, а также публицистика.

— Добавила бы еще и просвещение. Интересно, что на ТОК-ФМ идет первая в Польше передача о половом просвещении, а также единственная, наверное, в Польше программа, дающая возможность высказаться феминисткам и сексуальным меньшинствам. В вашем эфире прошли первые публичные каминг-ауты. Это нашло очень широкий публичный отклик.

— Да, можно сказать, что это было впервые. Но, с моей точки зрения, здесь нет ничего необычного. Если иметь в виду нашу общеевропейскую перспективу, то мы должны отдавать себе отчет, что как государство, в котором, во-первых, имеется гражданское неравенство по сексуальной ориентации и которое, во-вторых, делает из нее серьезную культурную или общественную проблему, мы в Западной Европе в абсолютном меньшинстве. Достаточно поехать на поезде в Чехию, полететь в Берлин или куда бы то ни было еще. Сорок минут или час. Там существуют партнерские союзы, имеют какие-то права родители-гомосексуалисты. Никто ни на кого не показывает пальцем и не

устраивает бешеных проблем. Конечно, существуют разные взгляды, разные мировоззренческие подходы к этой тематике. Но там нет такой взвинченности, такой ненависти. Мы считаем, что у нас положение ненормальное.

— ТОК-ФМ удалось несколько разрядить эту атмосферу?

— Мне кажется, ситуация во многих отношениях никак не меняется. Мы были первыми. И стремились не к сенсационности, а к тому, чтобы в СМИ сложился нормальный подход к этой теме. Мы затрагиваем важные для этой группы вопросы как совершенно нормальные, и оказывается, что люди, которые нам звонят, не видят никакой проблемы. Их это не шокирует, не поражает *(смеется)*. Поэтому, откровенно говоря, я думаю, что это искусственно раздуваемая проблема.

— Однако это несколько изменило восприятие вашей радиостанции. Можно иногда услышать, что ТОК-ФМ — это рупор взглядов сексуальных меньшинств.

— Главный выразитель таких упреков — газета «Жечпосполита». Вскоре после каминг-аута Якуба Янишевского в нашем эфире они напечатали статью, где утверждалось, что он не должен был этого делать. Речь тогда шла о конкретном событии. В один из варшавских лицеев не пустили Роберта Бедроня, председателя Движения против гомофобии, на ранее назначенную встречу с учащимися, так как была Страстная среда. Директор школы во время разговора в эфире сказал, что в этот день геям, т.е. Роберту Бедроню как гею, нет входа в школу. Куба Янишевский спросил тогда: «Возможно, в таком случае я тоже не должен сегодня работать, поскольку я гей?..» Но это было очень б propos включено в комментарий всей ситуации. Мол, не пришел на работу и сказал, потому что такое настроение: «Я гей». Всегда, когда говорят о ком-то, кого не знают, мы слышим «эти гадкие геи» и «эти ужасные лесбиянки», но обычно никто или почти никто не отдает себе отчет, что и выступающий по радио или телевидению может быть этим геем или этой лесбиянкой. Это был прорыв: мы показали, что такие люди есть и в СМИ и, возможно, лучше бы говорить об этом корректно — с какой позиции комментируются определенные вопросы или кто есть кто. Это совершенно не носило характера провокации с целью придать известность радиостанции.

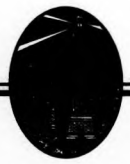
— А не давит, что вас считают пропагандистами таких взглядов?

— Не думаю. Откровенно говоря, мы не обсуждали между собой в редакции, кто как себя в связи с этим ощущает. Этому не придается ранг «особой важности», как и всем другим темам. Мы не спорим ни о чем без необходимости. Война в Ираке, стихийное бедствие или чрезвычайные политические события — вот вопросы, которые обсуждаются на редколлегии: то есть как представить, как часто давать в информационном блоке или в комментариях. Но это вовсе не та тема. Для нас она нормальная. Когда я писала книгу, то решила, что там совершу каминг-аут. Я не сделала этого в эфире, хотя понятно (поскольку я автор книги и одновременно журналист ТОК-ФМ), что это было каким-то образом связано с моим публичным каминг-аутом. И не столкнулась ни с каким остракизмом. Наоборот. Я печатаюсь в той же «Жечпосполитой», хотя, например, редактор Томаш Терликовский считает, что ни я, ни Янишевский не должны были делать каминг-аут. Но это не мешает мне печатать в этой газете различные тексты, и не только о сексуальных меньшинствах.

— Но ведь вы патронируете и поддерживаете разные акции такого типа — например, «Манифы»*.

— Мы патронируем огромное число самых разных акций, которые, по нашему мнению, имеют правильную цель. Например, сейчас мы поддерживаем общественную акцию, организованную фондом «Итака» и связанную с поиском погибших. Феминизм и «Манифы» — это, по моему убеждению, то же самое. Они отличаются лишь отношением. К ним поляки относятся, по данным опросов, как к чему-то чрезвычайному. У нас и у наших слушателей (а это более образованные, хорошо зарабатывающие люди, в известной мере относящиеся к интеллектуальной и деловой элите) это не вызывает таких эмоций. Это и в самом деле другие люди, чем те, у кого экономические трудности, недостаточное образование, кто не интересуется культурой или никогда не бывал за границей. Это попросту

* «Манифа» — ежегодная феминистическая демонстрация, организуемая в Варшаве неформальным объединением «Альянс женщин 8 Марта».

разные миры. В СМИ нельзя универсализировать, создать типовую модель того, что приемлемо для конкретной аудитории, и того, что шокирует. У разных СМИ разная аудитория. То, что может шокировать или кажется нормальным на радио «Мария», — это совсем не то, что может шокировать у нас. Думаю, прямо противоположное *(смеется)*. Некоторые вещи, которые бывают в их передачах, шокируют, возможно, даже большинство поляков...

— Однако слышатся упреки, что не все события вы трактуете одинаково. И немного в вашем эфире можно услышать, например, о Папских днях.

— Возможно. Не знаю. Откровенно говоря, я не обращала на это внимания. А о политике радиостанции в целом мне трудно говорить. Сама я агностик и в своей программе определенно не говорю о Папских днях, считая, что светской Польши и так маловато. Права или чувства людей нерелигиозных очень часто ущемляются. Их чувства не принимаются в расчет. В связи с этим я вообще не занимаюсь вопросами религии, так как с моей — назовем ее универсальной — точки зрения они не представляют собой чего-то особо важного. У нас у каждого ведущего много свободы. Он не должен быть лояльным по отношению к общему «имиджу» радио. Думаю, что если придет кто-то с консервативными взглядами и каким-то чрезвычайно интересным предложением, которое вписывается в цивилизованные рамки и общую культуру, это может найти себе место. У нас никто не обязан высказываться «по поводу», и не только о Папских днях. О чем говорить, решает руководитель программы. Я имею в виду публицистику, потому что в информационных блоках есть место и для Папских дней, и для «Манифы». Информируем обо всем.

— А как с упреками, что журналисты ТОК-ФМ агрессивны и субъективны? Откуда такое мнение?

— Не знаю. Я считаю, что мы разные. Я не считаю себя агрессивной, но все же дотошной. Конечно, это не вписывается в стереотипный образ милой дамы, которая знает свое место в очереди и будет, не перебивая, вежливо дожидаться, пока кто-то окончит предложение. Это живой эфир, на такое нет времени. Однако не думаю, что все наши журналисты и ведущие одинаково держат себя в эфире. У каждого свой темперамент. Наверное, есть какой-то стереотип. Не знаю, кто его создает, но если говорят, что все у нас такие, то и это стереотип, безусловно *(смеется)*.

— Возможно, это желание провоцировать?

— Мы над этим не задумываемся. Провокаций не планируем. Мы задумываем и создаем радио в соответствии с нашим пониманием и определенными представлениями о добросовестности. Должна быть информация, ее контекст, но также и субъективное мнение, чем, собственно, и является публицистика. Человек — это сумма субъективных мнений и взглядов. А разнородность есть: среди наших ведущих — либеральные, левые, консервативные.

— В последний понедельник состоялась премьера первого спектакля Театра радио ТОК-ФМ. Я слушала спектакль и потрясена высоким уровнем. Это поразительный замысел.

— Особенно для частной радиостанции. Этот проект разработал художественный руководитель театра Миколай Лизут. И, как у нас бывает, кто-то вынашивает свою мечту некоторое время, она приобретает формы, а затем следует конкретное предложение. В данном случае Эва Ванат, наш главный редактор, у которой многое в жизни связано с театром, очень увлеклась этим замыслом и убедила продюсера. Оказалось, что потребность в таком театре огромна. Многочисленные отзывы слушателей свидетельствуют о том, что театра в радиоэфире мало, а ведь казалось, что это «исчезающий вид».

— Это должно стать продолжением традиций Театра Польского радио или, скорее, его противоположностью?

— Мы не обязаны ни с кем себя сравнивать. Просто хотим делать у себя радиотеатр. Мы никак не связаны с Театром Польского радио и не собираемся с ним соревноваться.

— Какие тексты вы планируете инсценировать?

— Насколько я знаю, это главным образом современная драматургия. Не могу сейчас называть наперед то, что будет, но всё это очень интересно. Высокий художественный уровень, прекрасные актеры и режиссеры. Каждый понедельник после восьми вечера будет очередная премьера. Это, конечно, еще через несколько месяцев, но я думаю, что всё получится.

— Вы планируете какие-то провокационные тексты?

— Провокационные? Давайте будем слушать.

— Несмотря на многочисленные упреки в субъективности, радио ТОК-ФМ трижды выдвигалось на премию Дариуша Фикуса, присуждаемую за журналистскую добросовестность, правдивость и независимость.

— Да. И это о чем-то говорит. Это очень важная премия, и мы все рады, что нас столько раз выдвигали. Наверное, это подтверждает, что мы сохраняем некое равновесие.

— Вы достигли безусловного успеха. В чем же секрет информационного радио?

— Как я уже говорила, успехом, думаю, мы обязаны тому, что это радио настоящих личностей. Прежде всего, такая личность — Эва Ванат, главный редактор. Такие личности — несомненно, ведущие «Утра с радио ТОК-ФМ» и их гости. У нас прекрасные репортеры и новостные редакторы. Думаю, что у меня, Кубы Янишевского или Миколая Лизута получаются небесцветные программы. На нашем радио всегда «жарко». Это радио интересных людей, которые придерживаются журналистских стандартов, и это дает эффект.

— А как вы думаете, почему у ТОК-ФМ нет конкурентов в эфире?

— Откровенно говоря, я не заинтересована, чтобы они были, но особо над этим не задумываюсь *(смеется)*, хотя, конечно, разнообразие, в том числе в СМИ, — это приятно. Но мы больше сосредоточены на себе и на том, чтобы делать свое дело как можно лучше.

— У вас удобное положение...

— Не знаю, почему нет похожих радиостанций. Частные вещатели, видимо, не верят, что можно заработать на таком некоммерческом деле. Наверное, нельзя, но это не значит, что будут убытки. У нас все больше слушателей и все больше рекламы, т.е. наша популярность растет. Но здесь все не так просто. Государственное радио уже имело такой замысел, но не вышло, хотя об этом многократно говорилось. Не думаю, что это вопрос денег. Во всяком случае, у нас так не было, потому что акционеры, можно сказать, рискнули, сразу создавая информационную радиостанцию. Так что это, скорее, вопрос ви́дения, умелого подбора команды и уверенности в том, чего ты хочешь.

— А планы на будущее? Театр уже есть, теперь, может быть, камерный оркестр?

— Не имею представления, но думаю, что, конечно же, кто-то из нас вскоре что-то новое придумает. Это мы гарантируем нашим слушателям. Как в банке! Хотя во время финансового кризиса это звучит уже не так, как когда-то *(смеется)*.

Беседу вела Агнешка Устинская

Анна Лашук — публицист, писатель, один из самых активных журналистов радиостанции ТОК-ФМ. Ведет в прямом эфире ежедневную программу «Комментарии», а также цикл «Внутренняя жизнь», посвященный психологии. Автор изданной в 2007 г. книги «Девушки, выходите из шкафа», в которой собраны ее беседы с польскими лесбиянками.

Мартин Войцеховский

ЛУЧШАЯ РОССИЯ

Эпиграфом к этой книге послужили слова Рышарда Капустинского: «Россия была, есть и будет. Была, есть и будет великой — в хорошем и плохом». Иногда полезно бывает прочесть о чём-то хорошем — плохое и так доходит до нас почти ежедневно.

Они встретились в студенческие годы в сталинском Ленинграде, приехав туда учиться. Он приехал в Россию из Франции, она — из разрушенной Польши, уже пройдя весь ужас пребывания в варшавском гетто; затем она скрывалась в занятой немцами Варшаве и подростком видела своими глазами Варшавское восстание. Их объединили общие интересы, трудности повседневной жизни, но прежде всего любовь. Любовь друг к другу и к стране, с культурой которой они начинали знакомиться.

Это вовсе не пересказ мелодрамы на фоне реалий послевоенной Европы, где начиналась холодная война, — это знакомство с книгой супружеской пары, прекрасных знатоков России Виктории и Рене Сливовских. Она — историк, занимается, в частности, историей ссыльных поляков в Сибири («Новая Польша» обязана Виктории Сливовской замечательной публикацией отрывков из дневника Сократа Старынкевича в №10 за 2004 г. — *Ред.*), он — литературовед, переводчик, популяризатор произведений русских писателей, знаток творчества Чехова и русской поэзии рубежа XIX-XX веков.

Оба они профессора, связанные с Варшавским университетом и Институтом истории Польской Академии наук. Сегодня, будучи уже в очень солидном возрасте, они пишут о своих встречах с Россией, о людях, с которыми там познакомились, о том, что там видели в разные годы и в разных местах, о кулисах функционирования пээнэровской русистики и о некоторых аспектах «польско-советской дружбы», не для каждого сегодня очевидных. О том, что наряду с официальной скукой и штампами эта дружба действительно существовала, благодаря сотням самых обычных людей, поддерживавших дружеские контакты, благодаря общим научным, семейным, профессиональным интересам.

Можно назвать эту книгу исповедью. Для меня это скорее документальный репортаж в форме воспоминаний, чем некое подведение итогов. Возможно, немного сентиментальный, немного забавный, иногда трудно воспринимаемый теми, кто рос в условиях свободы. Эта книга наверняка затрагивает важные аспекты, помогающие понять послевоенные отношения между поляками и русскими, а также напряженность сегодняшнего дня. Ибо сегодняшнее неприятие России поляками, страх перед ней, недоверие к ней — это, в частности, несомненный результат «принуждения к дружбе», которое культивировалось почти полстолетия. Однако сегодня можно на некоторые проблемы взглянуть несколько отстраненно, хоть и не до конца это удаётся.

Сливовские приступили к своей книге — во всяком случае начали работать над ней — во времена, когда страну возглавила партия «Право и справедливость», и признаваться тогда в контактах с Россией было немодно — это грозило навешиванием ярлыка агента разведки, «пятой колонны». Поэтому Сливовские предпослали своей книге предисловие, в котором говорится: «Наступило время, когда прежние энтузиасты стыдятся признаться и скрывают, где учились, даже в том случае, когда их учителями были всемирно известные дирижеры и композиторы».

Волна примитивной русофобии всегда может вернуться, но Сливовские не пытаются скрывать, что левые традиции в их семьях существовали. Он, например, не стыдится того, что его отец состоял, правда недолго, в компартии и после репатриации из Франции работал в воеводском комитете

в Белостоке. Она пишет о левых традициях в своей семье, о Польской социалистической партии, о своём интересе к социализму еще в лицейские годы, о чтении Маркса и Каутского.

Тем интереснее выглядит столкновение этих двух людей, выходцев из польских интеллигентских семей, отличавшихся левыми взглядами, с Ленинградом сталинских времен, где проходила их студенческая жизнь в конце 1940-х.

Иллюзии, если таковые еще были, развеялись довольно скоро. Уже первые партийные собрания в вузе сразу показали, что действительность имеет мало общего с идеалами коммунизма. Царят доносы, поклёпы, всевозможные инсинуации, карьеризм. Сливовские — тогда они ещё не были супругами — не приняли таких правил игры. Они скорее наблюдали и делали выводы, хотя и не пытались выступать с резким протестом. На протяжении нескольких лет учебы оба они прошли колоссальную школу жизни и, в отличие от части своих коллег, выбрали порядочность вместо карьеры или хотя бы нейтралитет. Впрочем, фортуна — дама изменчивая, в чем могли убедиться некоторые описанные в книге Сливовских карьеристы, когда из-за одного опрометчивого жеста или слова рушилась их карьера, как это случилось с одним их польским коллегой, исключенным из университета, ибо он забыл, куда спрятал купленный на членские взносы аккордеон. И даже его революционный энтузиазм не помог.

Годы после учебы — это непрестанные возвращения Сливовских в СССР, новые знакомства и дружбы, знаменитые разговоры «на кухнях», где можно было себе позволить свободу высказывания, научные и частные контакты. Им удалось также не утратить контактов с близкой Рене ещё со времен его детства Францией. Так и переплетаются нити польской истории, а Франция и Россия часто идут в них рука об руку. Так было и у скончавшегося недавно бывшего министра иностранных дел Стефана Меллера, так было и у Сливовских.

Кого встретили в России Сливовские? Писателей, ученых, цвет русской интеллигенции. Сливовским повезло, они познакомились с замечательными русскими людьми, которые были гораздо лучше, чем просто среднестатистические личности. Благодаря им они могли почти не замечать, что́ представляет из себя СССР как государство.

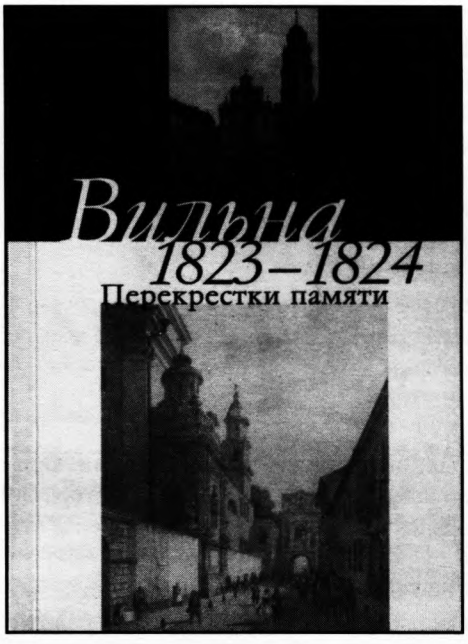
Таких знакомств и возможности увидеть такую Россию, пожалуй, стоило бы пожелать каждому поляку. Книга Сливовских словно призывает к тому, чтобы независимо от того, кто и как правит в Кремле, не отдаляться совсем от России и уж тем более не отдаляться от русских и их культуры.

Виктория и Рене Сливовские. **Россия, наша любовь**. *Варшава: «Искры», 2008. — На польск. яз.*

gazeta WYBORCZA

Наталья Горбаневская

ИОАХИМ ЛЕЛЕВЕЛЬ И ИВАН ЛОБОЙКО

Парадоксально, но первое из этих двух имен — поляка — русскому читателю нередко знакомо хотя бы понаслышке. Второе же — русского профессора Виленского университета в 1820-е годы Ивана Николаевича Лобойко — известно только узкому кругу специалистов. Рецензируемая книга, ничуть не теряя в своей научности, представляет это малоизвестное лицо не одним только ученым читателям — его впервые публикуемыми воспоминаниями (фрагменты их когда-то печатались в польском переводе) и письмами к Лелевелю. Впрочем, и Иоахим Лелевель поворачивается к нам неизвестным документом: впервые в русский обиход введена его записка о процессе филоматов «Новосильцов в Вильне».

«Состав книги далеко не случаен, — пишет Александр Федута во вступительной статье, названной «Один из узлов нашей общей истории». — Мы попытались предоставить читателю возможность посмотреть на события 1823-1824 годов глазами их современников и участников. (...) Умный поляк и умный русский, люди честные и порядочные, Лелевель и Лобойко оставили потомкам свидетельства случившейся трагедии». К этому Федута прибавляет: «По случайности, даже мемориальные доски в честь обоих ученых, расположенные во внутреннем дворике современного Вильнюсского университета, находятся рядом, отчего совпадение дат жизни — оба родились в 1786 и умерли в 1861 году — кажется просто фантастическим».

Трагедия в общих чертах известна каждому, кто интересовался тем, как и почему Адам Мицкевич попал в Россию. Но Лелевель не случайно поначалу собирался назвать свою записку «Война с детьми» — первыми репрессированными «бунтовщиками» были не собственно филоматы, студенты и выпускники Виленского университета, а гимназисты, арестованные в мае 1823 г. (за несколько слов на классной доске о польской конституции 3 мая) и через два месяца отданные в солдаты. Затем начались аресты участников всяческих «кружков и сходок»: тайного, а заодно и официально существовавшего обществ в Свислочской гимназии; «Лучистых» — легального общества виленского юношества и составлявших его часть тайных союзов филаретов и филоматов; школьников, распространивших листовки в Кейданах и Поневеже... Отдали в солдаты шестерых школьников из Крож, создавших «Общество Черных Братьев». К концу года было арестовано более 70 человек, «в следующие месяцы, — пишет Лелевель, — и до самого конца следствия число это сохранилось, несколько увеличившись» (Лобойко, говоря о числе арестованных, указывает «до 100 человек»). Кстати, при перечислении различных гонений у Лелевеля встречается имя профессора Лобойко:

«Прелат Шантыр, ненавидящий кальвинистскую школу в Слуцке, обвинил ее в том, что ее администрация покровительствует тайному обществу учащихся. Ректор университета повел себя активно и смело, направив туда с проверкой профессора литературы Лобойко, выяснившего, что это были только учебные занятия, проводимые учителями сверх предписанных уроков. Преподавателям было предложено ограничить свое педагогическое усердие, и школа уцелела».

Сам Лобойко рассказывает в своих воспоминаниях о «первой напасти» в Виленском университете, еще в 1822 г., когда у большого числа студентов были отобраны бумаги и попечитель университета князь Адам Чарторыйский назначил следственную комиссию, в которую входил и автор воспоминаний. Тогда всё кончилось благополучно, не в последнюю очередь благодаря разумности членов комиссии, добросовестно изучивших изъятые материалы, включая устав филаретов, и не нашедшие в них оснований для преследования. Но это было до Новосильцова...

Когда Лобойко получил предложение принять участие в новой следственной комиссии, где его намеревались «употребить (...) для разбора бумаг, отобранных у содержащихся под арестом», — он «уклонился от сей чести»:

«Я не имел ни малейшего убеждения в справедливости этого следствия. Я подозревал в нем тайные и своекорыстные виды. (...) Другая причина, которая заставляла меня жертвовать моими личными выгодами, было самое откровенное обращение со мною поляков, начиная от князя Чарторижского и патриота Яна Снядецкого (...). Целый год уже преподавал я спокойно многочисленным слушателям русский язык, литературу и знакомил их с Россиею (...). Я не встречал в поляках ни малейшего сопротивления и твердо был уверен, что на сем пути успею содействовать к примирению обоих народов. Став на сторону Новосильцова, я потерял бы всё доверие ко мне поляков, и тогда все мои усилия остались бы навсегда тщетными».

Более того, когда при сравнительно мягком приговоре по делу студентов из университета были изгнаны несколько профессоров, в том числе и Лелевель, Лобойко, находившийся в тот момент в Петербурге, пошел защищать их к министру народного просвещения Шишкову, руководствуясь не только возмущением перед лицом несправедливости и не только дружескими чувствами, но еще и солидарностью, присущей братству ученых-гуманитариев:

«Если бы я предвидел поражение невинно исключенных из университета виленских профессоров, я непременно предварил бы Шишкова принять их сторону и действовать в их защиту: но я был в тех мыслях, что следствие Новосильцова касалось только одних студентов (...). Но дело кончено, и поправить его было невозможно. Я вознамерился по крайней мере представить министру скоропоспешность, необдуманность и несправедливость этого приговора. (...) Министр, выслушав меня терпеливо, дал точно такой ответ, какого я ожидал: «Я всему этому, что вы говорите, верю. Но что мне было делать против двух сильных противников; я в следствии не участвовал. При допросе был один Новосильцов; его мнение поддерживал Аракчеев. Мог ли я им противоречить?» После этого силился я доказать министру, сколько теряют любимые его науки от этого изгнания и что все мои надежды на то, что я мог бы сделать в союзе с Лелевелем, Даниловичем и Бобровским для русской филологии, древней русской и славянской словесности, — рушились».

Далее Лобойко долго и подробно перечислял Шишкову научные заслуги изгнанных профессоров. «Министр не скучал моею беседою и заключил ее сими словами: «Даниловичу я дам место в Харьковском университете, но прочим помочь не могу»».

«После сих услуг, оказанных государству, — с тихой иронией начинает Иван Николаевич следующую главку своих воспоминаний, — Новосильцов стал еще выше в мнении Государя».

А самая последняя главка воспоминаний И.Н.Лобойко называется «Вольное общество любителей российской словесности в Петербурге в 1824 году перед его кончиной». Рассказывая о своей последней встрече с Рылеевым, тоже членом общества, в августе 1824 г., Лобойко пишет, что он «в обращении с нами был скромен; в разговорах никогда не горячился; никогда не намека ни о политике, ни о преобразованиях и, декламируя свои стихи, кажется, забывал всё на свете».

«Кто бы подумал, — восклицает затем Лобойко (может быть, вполне — или почти — искренне), — что этот человек тогда уже питал в глубине души своей преступные чувствования и спустя почти год стал во главе заговора, которому назначил он разразиться на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Рылеев увлек за собой в погибель из членов Общества российской словесности Александра Бестужева, старшего его брата Николая, капитан-лейтенанта, Вильгельма Кюхельбекера, Александра Корниловича и барона Владимира Штейнгеля. Более сих никто из членов участником в заговоре не

был и не навлек на себя и тени подозрения правительства (...). А потому правительство не закрыло Общество, но после открытия возмущения в столице и в армии мысли и чувствования каждого обращены были на опасности, которым подвергались престол и отечество, на судьбу подсудимых, в ожидании приговора (...) и на глубокое уныние, поразившее их семейства, а потому Общество с декабря 1825 года и замолкло».

Похоже, что все-таки особенно глубокими и искренними были у автора «мысли и чувствования», связанные с судьбой подсудимых, и то «уныние», которое поразило не только их семейства, но и значительную часть русского образованного общества.

До польского восстания записки Лобойко не доведены, его переписка с Лелевелем оборвалась в 1828 г., кстати на невеселой ноте: «Литературные мои обязательства и проекты забрасываю. Положение мое в Унив[ерситете] и до сих пор тяжелое. Должен скрываться и остерегаться». Что было в тот момент конкретной причиной тяжелого положения профессора, неизвестно. Известно лишь, что, став выше «в мнении Государя», Новосильцов, как пишет Лелевель, «получил в дар 50 000 серебряных рублей, слонимское староство на все последующие годы и сам был назначен куратором Виленского университета, с тем чтобы довел свое дело до конца». Университет еще до восстания 1830-1831 гг. лишился прав и свобод, дарованных ему Александром I.

Что думал Лобойко о польском восстании (после которого университет, уже разгромленный Новосильцовым, был закрыт) — тоже неизвестно. Но нет сомнения, что писать о Лелевеле то, что написал о Рылееве, Лобойко не стал бы. Может быть, поэтому он и не продолжил свои воспоминания.

Иоахим Лелевель писал свою брошюру в Варшаве во время восстания (первое издание было анонимным). С одной стороны, это сухой исторический труд, с другой, как показывает публикатор, — острый памфлет, вместе с «Дзядами» Мицкевича легший в основу польской легенды о филоматах и их гонителе.

В заключение надо бы отметить, что книга о «перекрестках истории» — сама живой пример «перекрестка», сотрудничества ученых из Минска, Вильнюса и Москвы с опорой на польские, литовские и российские архивы.

Вильна. 1823-1824. Перекрестки памяти: Иоахим Лелевель. Новосильцов в Вильне.; Иван Лобойко. Мои воспоминания. [Приложение: Письма И.Лобойко И.Лелевелю]. [Сост. Александр Федута. Подгот. текстов, публикация, вступит. статьи, комментарии — Павел Лавринец (Вильнюс), Абрам Рейтблат (Москва), Александр Федута (Минск). Пер. с польского — Максим Иващенко, Дмитрий Матвейчик. Науч. ред. Татьяна Автухович]. Минск: Лимариус, 2008. 242 с., именной указатель.

Марина Кучинская

СТИХИ

Польша

Бред мой разбуженный, Польша! —
Душный, горячечный бред:
Я опоздала на сотню,
Может быть, тысячу лет.

Имя твоё неустанно
Просится мне на уста;
Rzeczpospolita — чуть слышно
Шелестом шепчет листва.

Шум мазовецких кварталов,
Тишь шафарнийских полей...
Польша! — второе рожденье
Памяти бренной моей.

Сколько бы ни сбывалось
Песен, поэм и стихов,
Вихри Шопеновских вальсов
Были блаженнее слов.

Бред мой разбуженный, Польша! —
Душный, горячечный бред —
Мне, опоздавшей на сотню,
Может быть, тысячу лет.
1996

rys. Paulina Zielona

***

Ни о чём не спрашивай сегодня,
ни о чём со мной не говори.
Рыбьими, печальными зрачками
смотрят из тумана фонари.

Благодарна глянцевым фасадам,
равнодушной сырости, дождю
за непотревоженное эхо,
за покой, сиротство, немоту.

Есть слова, которые не надо
беспокоить звуками, для них —
о, для них довольно только взгляда,
только глаз, бездонных, голубых.

Есть миры, где проще и уютней
жить, мечтать и, может, умирать,
на обетованных перекрёстках
с чашей переполненной стоять.

И пока они не достижимы,
те миры и те слова любви, —
ни о чём не спрашивай сегодня,
ни о чём со мной не говори.
1997

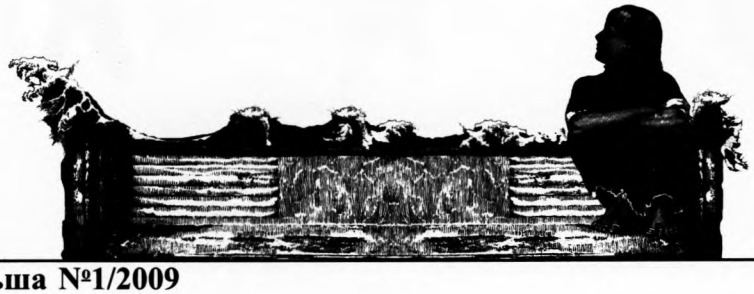

***

Я три года измерила днём одним —
скоро майская ночь заметёт метелью.
До России отсюда путём прямым,
и до Гданьска ходит паром в неделю
раза три... Двоедушие! Не спасусь! —
между градом, затерянном в воеводствах,
и твоим крестом на Ваганьковском, Русь,
пролегло моё кровью шитое родство.

Не жалеет и море солёных брызг,
и по пристани можно ходить вразвалку,
даже крикнуть: «Правее земли держись!»
и сойти на берег, купив фиалки.
И закатится в щель рыжеватый грош,
и шофёр такси сонно спросит: «На двожец?»
А волна смеётся под бризом: «Л-о-о-жь!»
мне гримасами ярких солнечных рожиц.

Можно стать сухопутнее старых крыс
и в купе убаюкать свой мир мечтами,
и в московской толпе под вокзальный визг
ощутить себя пилигримом в храме.
Вот и здесь двоедушие — не спасусь...
расстояния могут прощать и жалить:
между домом и домом длиннее грусть,
но короче дорог не отмерит память.
1998

***

Krótkie dni,
Krótkie noce,
Krótkie lata.

Czesław Miłosz

[Короткие дни,
Короткие ночи,
Короткие годы.

Чеслав Милош]

Знаешь, ведь мёртвых с погоста не носят.
Ночи коро́тки
да дни коротки.
Кончится лето. Испуганно осень
в окна пустые дождём постучит.
«Эй, человече!» —
заголосит.

Ржавчина точит железо годами,
выточит камень терпеньем вода.
Над распростёртыми берегами
порваны ветром плывут облака
из ниоткуда и в никуда.

Вечер осенний тёмен и учит
мужеству быть, уменьшаясь в веках.
С озера ветер доносит уключин
скрип. Это нежить пирует в кустах
с пеной забвения на устах.

Трением времени съедена память.
Слепо и глухо, лишённое сил
тело старается душу избавить
от неизбежности вечных могил.
Слышишь, поёт человек,
расставаясь:
«Мало я прожил, но долго я Жил!»
1998

Небо Катыни
Quo jure?

По стеклу расплылась васильковая высь,
и слова утопают в латыни.
Я не знаю теперь, как назвать тебя, жизнь, —
потому что мне снится отныне
страшный сон, где отчаянно-сине,
сквозь сирени, сквозь пулей пробитую кисть
смотрит небо весенней Катыни.

Это небо одно по прошествии лет
сохранило свой звук, высоту и свой цвет.
Это небо, где мчатся в века облака
и до них дотянуться не может рука.
Это небо зрачками ослепнувших глаз
видит больше, чем зрячий, чем каждый из нас.
Ни дождей, ни снегов — только вечная синь
проплывает, скорбя, над тобою, Катынь.

Здесь, на падшей земле, снятся страшные сны
и свирепствует бешеный Хронос.
Мне даровано право — бояться весны,
обретая от ужаса голос.
1999

***

...а кому мало прощается, тот мало любит.

От Луки, 7,47.

О, святой — Марины — не бывает!
Вы — одноименницы мои,
то есть тёзки, — время убывает,
лжецарицы, грешницы земли!

Первую, что не смогла излишек
власти утопить в своей крови,
сандомирский воевода Мнишек
продавал отрепьевской любви.
За другую — нищую и прачку —
я готова искупить грехи.
Самозванки, польские гордячки!
Пир — так пир, стихия — так стихи!

О Святой Марине поминаю...
Светлый лик... За стёклами витрин
цифры антикварные мелькают
серебра, икон, монет, картин.
Мученица! Видишь, твою тёзку
сирые метели замели —
потому склоняются берёзки
до сырой Елабуги-земли.

О, святой — Марины — не бывает!
Мир не приспособлен для святых.
Велика любовь. Прости.
Прощает
в горестях и в радостях земных.
1999

Ślepowron

Kuczyński, herbu Ślepowron. Florjan z Gąsiorowa, otrzymawszy w zasługach od Witolda książęcia Litewskiego dobra Kuczyn, pierwszy Kuczyńskim zwać się począł.

(Herbarz Polski i imionospis zasłużonych w Polsce ludzi wszystkich stanów i czasów. Lwów, 1855 r.)

[Кучинский, герба Слеповрон. Флориан из Гонсёрова, получив за заслуги свои от Витольда, князя Литовского, имение Кучин, первый Кучинским стал именоваться.

(Польский гербовник и список имен людей всех времен и сословий, заслуженных перед Польшей. Львов, 1855)]

Буду тебя ненавидеть, жизнь, если смогу,
а не смогу — буду любить тебя против воли.
Пали герои мои в напрасных боях, врагу
не уступив и пяди заморской земли, и болью
переполнялись их души в глубоком рву,
бледный восток обливался, как солнцем, кровью.

Войско! Тебе ли тужить о своих сынах,
с низким заслуги смешав и с молитвой — порох?
Был скромный парень, гончар из Газёрова, нынче — прах.
Во поле чистом кружит мой ослепший ворон.
В клюве его золотое горит кольцо.
Так бы за жизнь ухватиться мертвецкой хваткой,
да из ларца извлекает судьба яйцо —
хищная птица на падаль и славу падка.
Слёзы янтарные верных литовских дев,
доблесть и подвиги ради добра и мести,
милость, богатство, достоинство, зависть, гнев,
стали приметами имени, рода, чести.

Ветхих легенд переплавив подковы в стих,
я продолжаю играть не с огнём, так с речью
пусть в одиночку, и голос не громок — тих,
но и слова обжигают порой картечью.
Буду тебя ненавидеть, жизнь, если смогу,
а не смогу — буду любить тебя против воли.
Словно написано древними на роду
вороном чёрным кружить мне на белом поле.
2003

***

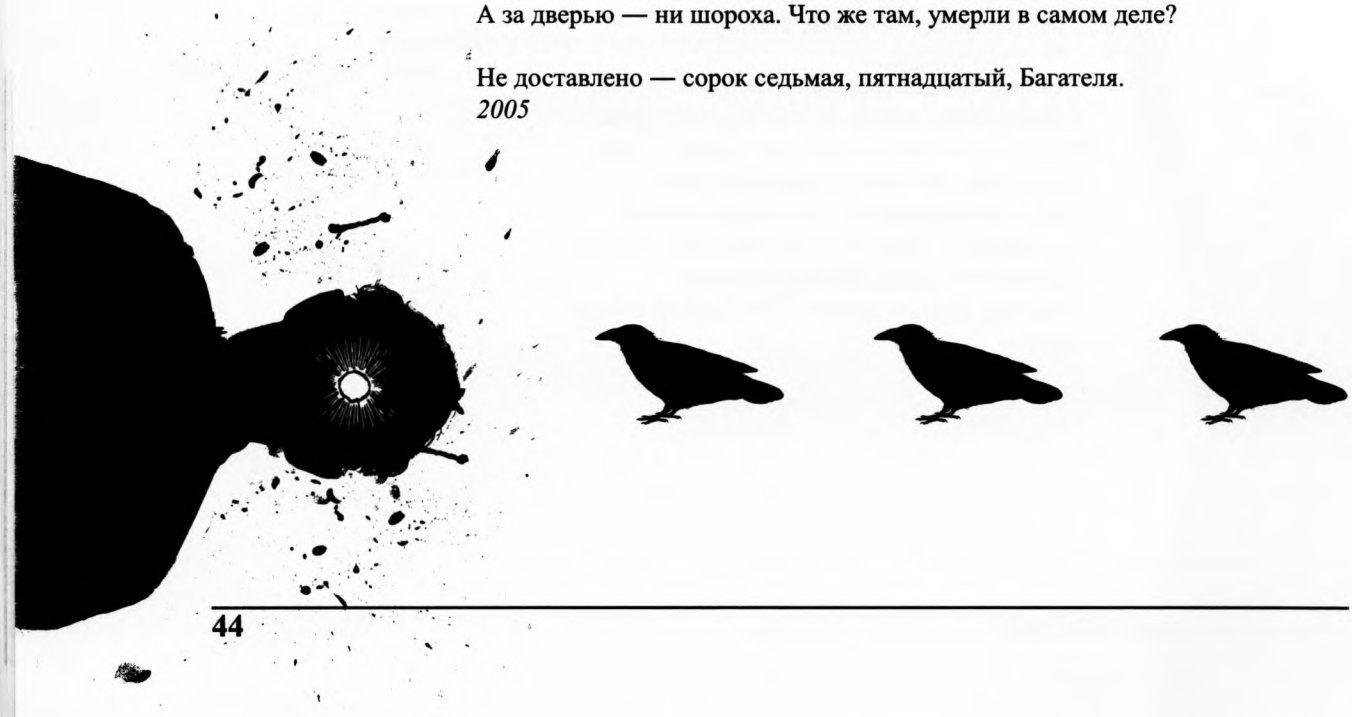
СООБЩЕНИЕ Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров
9. На трупе № 53: Неотправленная почтовая открытка на польском языке в адрес: Варшава, Багателя 15 кв. 47 Ирене Кучинской. Датирована 20 июня 1941 г. Отправитель Станислав Кучинский.

Напечатано в «Правде» 26 января 1944 г.

Неотправленная открытка — улица Багателя 15, Варшава.
О, Смоленщина, не оттого ли
так густы твои вешние травы?

Что там было, в открытке? — *плохо, милая, ох, как плохо,*
но увидимся, правда, сердечко? — цалуе — кохам.
Не пришлось. Вот и рай его — кличут в народе как Козьи Горы,
не вершина — а пропасть, в которую скопом, с отчаньем взоры
отведя от земли, поскольку меж про́клятой ней и небом
заблудились, попали в немилость, как будто бы не был
светлый день, воскресенье Христово, костёл, молитвы
за спасение душ, всей родзины, за то, чтоб в битве
не престало доспехами бряцать ни тем, ни этим,
чтобы жизнь обрывалась не выстрелом на рассвете,
чтоб спешил почтальон поутру: — *7, 11... Багателя...*
вот пятнадцатый, сорок седьмая, на той неделе
уже был — видно, любят — дай каждому, Свенты Боже,
пусть поженятся — времечко мирное, дети, может,
народятся. Откуда же пишет? — глазам не верю:
Рай небесный! такая же улица! — Багателя!..
видно, спятил совсем... но вот штемпель — размыта дата...
быть не может! — прострелено? Господи! — от солдата!
А за дверью — ни шороха. Что же там, умерли в самом деле?

Не доставлено — сорок седьмая, пятнадцатый, Багателя.
2005

Яцек Шлёнский

ЭМИГРАЦИЯ ДУХА

Когда-то главным пристанищем польских мыслителей и художников был Париж. Теперь это уже в прошлом — с недавнего времени его место занял Берлин.

Ушли в прошлое длинные очереди на пограничных переходах, колонны потрепанных «малюхов» (маленьких польских «Фиатов». — Пер.) с польскими номерами, курсировавших с товарами: колбаса, сыр, водка и сигареты — в одну сторону, дешевые телевизоры, одежда и обувь — в другую. Никто не гонит больше через границу годящиеся только на свалку западные автомобили, восстанавливавшиеся в польских мастерских где-то во дворах, а потом выгодно продававшиеся. Прошло время, когда в Германию ездили исключительно на заработки. Женщины, согласные убирать в лофтах и офисах хорошо зарабатывающих фрилансеров, и мужчины, циклюющие полы и способные быстрее западных коллег уложить плитку и смонтировать кухонную мебель. Первые 15 лет после краха специфического польского социализма отношение поляков к Германии определялось торговлей и работой. Слишком уж велика была разница в уровне жизни у двух соседей, слишком сильно было по восточную сторону Одера желание «наверстать». Привлекали скорые деньги, часто простейший для поляков способ отхватить кусок от западного пирога. Нужно было дешево предложить себя на рынке товаров и услуг — в Германии в то время всё чаще считали деньги, потому что и на Западе не все было гладко: немецкие специалисты становились слишком дорогими, а дешевый бензин и сигареты были для немцев лучшим стимулом для путешествий на восток.

Все эти 15 лет на отношения между поляками и немцами накладывался экономический и политический процесс, разыгрывавшийся у нас на глазах кадр за кадром. Его можно было почти что почувствовать, ощутить на собственной шкуре. Польские базары, дешевые сигареты, преступность, контрабанда машин и проституция. За короткое время легальный и нелегальный экономический обмен, а также политическое безразличие, например в вопросе энергетической политики или изгнанников с бывших немецких территорий, осложнили отношения и укрепили стереотипы, получившие статус почти обязательных, хотя появились они совсем недавно и вовсе не обязательно должны были укорениться навсегда. Другим фактором польско-немецких отношений была эмиграция. Со времен войны можно выделить несколько этапов польской эмиграции в Германию. Одни оказались в ГДР, другие должны были уехать после событий 1968 г., к ним прибавились беженцы по экономическим мотивам, искавшие лучшей жизни. А во времена «Солидарности» и военного положения появились политически обусловленные выезды. Под конец приехали экспатрианты, поляки немецкого происхождения, которых в Германии привлекала легкая натурализация со всеми ее преимуществами. Эти волны эмиграции наложились на Германию, как плетёнка, и вместо однородного польского меньшинства появилась разрозненная картина. Люди с самыми разными биографиями, семейным положением и мотивами включались и интегрировались в немецкое общество. Возможно, это не была классическая модель эмиграции, однако ее всегда формировали экономические или политические условия.

В последнее время эмиграция приобрела новое качество. Можно даже говорить о некоей смене парадигмы — возможно, это наиболее радикальный переворот в польско-немецких отношениях после II Мировой войны. Имеется в виду эмиграция духа. В Польше идет бурная внутренняя борьба. Общество еще не нашло способ примириться со своим прошлым и настоящим: слишком много ран еще не затянулось, слишком многое еще нужно уладить. После смены строя перед страной вдруг встал вопрос: что дальше? Сорок лет социализма оставили катастрофические следы, а стремительно ворвавшийся капитализм принес новые проблемы. Многие не смогли вписаться, просеялись сквозь

социальное сито. Вошедшие в кровь правила социального поведения со дня на день утратили силу, образовался нравственный вакуум. С одной стороны, распоясалась коррупция, с другой — появилось религиозное рвение. Польский микрокосм стал похож на карусель. Всё смешалось.

В это же время радикальный переворот переживал весь мир, но поляки были так сосредоточены на собственных проблемах, что почти не заметили глобальной тенденции. А ведь Польша уже была частью мира, а не герметически закрытым сателлитом за железным занавесом. Когда пришли глобализация и Интернет, когда отошло в прошлое классическое соотношение труда и зарплаты, которым когда-то жила Европа, понадобилось немало времени, чтобы и Польша присоединилась к остальным. Так что страна переживала состояние двойной трансформации — национальной и глобальной.

Сегодня эти процессы и степень развития стали ясно видны — по крайней мере, появилась возможность оценить положение. Естественно, самым большим «катализатором» перемен стало молодое поколение, которое вошло в общественную жизнь только в последние годы. По ним, молодым полякам, волна новых тенденций развития ударила со всей силой, и именно она формирует сейчас их жизнь и будущее. Они испытывают на себе негативные последствия этого развития, но в то же время благодаря ему они и выигрывают. Перед 20-30-летними поляками стала вдруг дилемма, составляющими которой были, с одной стороны, экономические трудности, нравственное безразличие и сильные семейные связи, с другой — непредвиденные возможности, свободное развитие личности и безграничная мобильность. В силу различных проблем нормальная жизнь в Польше значительно затруднилась. Почти невозможной стала карьера, доступная их родителям, конкуренция усилилась и ужесточилась, а будущее становилось все более шатким. Однако глобализация принесла и некоторые сдвиги, которые на Западе появились задолго до этого. Внезапно личность стала цениться выше, чем когда бы то ни было. В сталинские времена люди были согласны вести ничем не выделяющуюся жизнь, теперь же стала важна собственная индивидуальность. Нужно было усвоить новые умения и качества. Хорошее сообщение с городом и семья потеряли значение. Планирование жизни дальше, чем на пять лет вперед, оказалось вдруг невозможным, зато перед человеком открывался весь мир. С этого времени основное влияние на повседневную жизнь оказывали средства сообщения и мобильность.

В такой ситуации инакомыслящие, субкультуры и меньшинства получают особый статус. Изгои общества традиционно более чувствительны к новым явлениям, они иначе реагируют, иначе себя ведут и, возможно, становятся авангардом некоего процесса, первопроходцами нового этапа не только в польско-немецких, но и в европейских и даже в глобальных

Лешек Шаруга

ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИЙ ЖУРНАЛ «ДИАЛОГ»

О том, что всё не так просто, свидетельствует подзаголовок журнала. В польском варианте он звучит: «Польско-немецкий журнал», в немецком — «Deutsch-polnisches Magazin», то есть «Немецко-польский журнал». Каждое явление из области пограничья видится с двух сторон, причем эта картина никогда не совпадает. Такую разницу перепектив надо принимать во внимание, и редакторы «Диалога» это прекрасно понимают. Тем более что его издатель — Всенемецкий союз немецко-польских обществ.

Издание «Диалога» — инициатива отнюдь не новая. Этот журнал появился двадцать с лишним лет назад, когда Германия еще была разделена. Тогда он выходил в Западной Германии и не касался проблем Германской Демократической Республики, с которой Польская Народная Республика поддерживала пропагандистские «узы дружбы»

отношениях. Этой социальной группе пришлось в последние годы нелегко. В трансформирующемся государстве росло ощущение духоты, ограниченности общества, недоверия по отношению к другому. Это характерно для молодых демократий, которые еще не вполне развились и не смогли создать собственную систему амортизации. Тем сильнее переживают всё это инакомыслящие. Поэтому они стали искать новые возможности, места, где они могли бы жить по собственным представлениям. Любопытно, что важную роль в этом процессе сыграл Берлин. Это счастливое стечение обстоятельств, а может, даже символ примирения и своего рода гуманности. Берлин, столица Третьего Рейха, место, где родился план нападения на Польшу и превращения поляков в народ рабов, несколько десятков лет спустя стал местом, где инакомыслящие поляки почувствовали, что их понимают, где они смогли жить собственной жизнью так, как сами того желали. Берлин стал для них местом духовного становления.

Когда-то главным пристанищем польских мыслителей и художников был Париж. Туда отправились Роман Полянский и Кшиштоф Кеслёвский, там же редактор и издатель Ежи Гедройц благодаря своим публикациям высоко держал знамя свободной Польши. Но теперь это уже в прошлом — с недавнего времени место этого исторического прибежища занял Берлин, город, который и сам переживает процесс интенсивной трансформации, в котором слились Запад и Восток, город с экономическими проблемами, но в культурном смысле ставший важнейшим организмом Европы. То, что возможно в Берлине, трудно повторить в другом мегаполисе — разнородность, богатая культурная жизнь, низкие расходы на проживание и свободная атмосфера. Никакого сравнения с такими нервными столицами, как Лондон или Нью-Йорк. Впрочем, Берлин таков лишь потому, что таковы люди, которые в нем живут. В том числе и поляки. Художники, мыслители, писатели, гомосексуалисты, музыканты и предприимчивые люди открыли для себя этот город как духовное прибежище, увидели в Берлине место, где они могут жить своей жизнью, находясь при этом на расстоянии нескольких часов езды от родины. Впрочем, несущественно, где живешь, намного важнее — как.

Однако еще до того, как всё это случилось, сюда приехали панки. Конечно, в Берлине и раньше жили активные польские мыслители и художники, которые впоследствии формировали поколение местной «Солидарности». Появлялись такие журналы, как «Архипелаг» и «Диалог», кафе вроде «Охотничьего» на Шлезише-штрассе, устраивались выставки, авторские встречи и дискуссии, но эти, хоть и очень важные, процессы катились в Берлине еще по рельсам, проложенным традиционной эмигрантской культурой. Не хватало фактора времени, не хватало мобильности, ну и, конечно, причины переезда были тогда другими.

(как со всеми странами «нашего лагеря»), но в которой и речи не могло быть о создании таких организаций, как Немецко-польские общества. И хотя одним из соредакторов журнала до изменений 1989 г. был публицист варшавской «Политики» Адам Кшеминский, некоторых границ, обусловленных требованиями коммунистической идеологии, на страницах «Диалога» нарушать было нельзя. Сегодня в немецко-польском и польско-немецком диалоге никаких табу, в сущности, уже нет.

Неудивительно, что когда главным редактором стал выросший в Польше, но уже много лет живущий в Берлине (когда-то Западном) политолог и эссеист Базиль Керский, который несколько лет сотрудничал с парижской «Культурой», диапазон тем значительно расширился. Тем более что отношения между немцами (снова живущими в объединенной стране) и поляками вписаны в более широкий контекст, связанный как со вступлением Польши в Евросоюз, так и с необходимостью выработки членами ЕС общего сценария действий по отношению к внешним партнерам. Как раз об этом и идет речь в последнем номере (№82, 2008), в значительной степени посвященном отношениям с соседями, о чем свидетельствует заметка «От редакции».

Керский пишет: «Вступление Польши в Шенгенскую зону повлекло за собой не только отмену контроля на польско-немецкой границе, но и повышенный интерес европейской общественности к странам за восточной границей ЕС. Восточное соседство Польши отличается качеством политической жизни и динамизмом: открытая граница с членом ЕС Литвой и дружественные отношения между Вильнюсом и Варшавой; проблемы с пересечением польской границы у граждан Украины, стратегического

Предвестниками эмиграции духа были именно панки. Нахальные, запущенные, вонючие, гнездящиеся в занятых ими домах вместе с собаками. Это была первая значительная в количественном отношении группа, прибывшая в Берлин из Польши из чистого гедонизма. Подвигли их на это не политические или экономические причины (они ведь и в Берлине не планировали обогащаться). Тем, что привлекало их в Берлине, был стиль жизни, какой они могли здесь вести. Даже если он сводился к наркотикам, нищете, холоду и алкоголю. Бедой польских панков было, возможно, то, что они не смогли организоваться по примеру альтернативных берлинцев из западной части города и после долгого хождения по учреждениям легализовать свой стиль жизни в форме социализирующих проектов и т.п.

Однако фундамент был заложен — Берлин открылся перед поляками как дружественное жизненное пространство, в котором можно себя реализовать. Символом этого было открытие Клуба польских неудачников, проект столь же ироничный, сколь и значительный, призванный нанести «иных поляков» на ментальную карту Берлина. Это было посольство и польский культурный центр в одном флаконе, где на концертах и встречах с польскими артистами можно было выпить польского пива. Это место стало первым адресом для новоприбывших, здесь можно было завязать знакомства, отсюда сделать первые шаги в новый большой город.

Вскоре к этому прибавились галереи, кинопроекты и рестораны, открытые молодыми поляками. Основу составляли студенты, которые могли перевестись в один из берлинских университетов и жить в Берлине. Действительно ли они здесь учились — это уже другой вопрос. Приехали писатели, чтобы тут работать. Одно из самых удивительных явлений — владельцы ресторанов из Варшавы, которые появились в Берлине, чтобы открывать тут под тем же названием филиалы своих процветающих варшавских заведений, нацеленных на клиентов из определенной среды. Неожиданно на Берлин стали смотреть как на инвестицию в области субкультур! Первым такого рода проектом стало «Между нами», смесь клуба, галереи и первоклассного ресторана, где подавались блюда современной польской кухни. Потом появилась «Карма» (по-польски, как и по-русски, «карма», но в то же время еще и «корм». — *Пер.*), тоже многофункциональное место, где наряду с отличным кофе выставлялись работы польских художников. В польских мегаполисах на Берлин смотрели почти как на еще один польский город, дальше всего выдвинутый на запад, — альтернативу Варшаве или Кракову. После вступления Польши в ЕС границы совсем стерлись, и жить или не жить в Берлине было вопросом желания, а не бюрократических препятствий. Гомосексуалисты, обреченные в Польше на враждебную атмосферу, могли пользоваться берлинской терпимостью, а художники и кураторы — работать над своими

партнера Польши на востоке; холодная отстраненность по отношению к режиму Лукашенко; наконец, предпринимаемые польским правительством попытки оживить диалог с путинской Россией. В последние годы наш журнал часто писал о европейской политике соседства, а также о развитии ситуации в России и на Украине. За «оранжевой революцией» 2004 г. последовали три бурных для украинской внутренней политики года. После последних парламентских выборов 2007 г. ситуация в Киеве по-прежнему остается напряженной, но внутренняя политика стала более прозрачной, — а значит, сейчас хороший момент, чтобы оценить процесс украинской демократизации. Немецкий публицист Вольфганг Темплин [один из самых активных и подвергавшихся самым жестоким гонениям оппозиционеров в бывшей ГДР. — Л.Ш.] и украинский журналист Владимир Павлив представляют в этом номере две точки зрения на развитие ситуации на Украине. Темплин подчеркивает общественную динамику молодой демократии, в то время как Павлив выражает глубокое разочарование в «оранжевых» политических лидерах. Впервые мы публикуем эссе и аналитические статьи о Белоруссии, практически неизвестной на западе Европы. Люблинский историк Лукаш Ясина пишет о различных аспектах долгой и богатой истории белорусского народа. Живущий в Минске немецкий политолог Астрид Зам анализирует изменения в системе власти Лукашенко. Минский архитектор и художник Артур Клинов открывает нашу подборку текстов о Востоке размышлениями о духовном пейзаже своего родного города».

Помимо подборки текстов о пограничье Польши, Евросоюза и восточноевропейских стран в журнале,

проектами. При этом неважно было, приезжали они в Берлин на два месяца или на два года, а может, постоянно курсировали между двумя странами, работая здесь и одновременно заканчивая учебу в Польше. Решение уже не нужно было принимать раз на всю жизнь. Оно касалось только какого-то отрезка — кто же сегодня планирует далеко вперед?

Так постепенно распад восточного блока, смена государственного строя, глобализация и упразднение границ стерли давние предубеждения и раздоры. Появилось новое качество польско-немецкого сосуществования, возникла эмиграция духа. Пока непонятно, каковы будут ее последствия для польского общества, для будущего Польши — слишком уж быстро меняется ситуация в нестабильной польской политической структуре. Но для отдельных людей она будет более чем значительна. Это фирменный знак Европы, о которой говорится в политике претенциозно и часто лишь теоретически. Эмиграция духа, взаимопроникновение идей и двусторонний симбиоз в микрокосме Берлина (да и где бы то ни было) — символ будущего объединенной Европы.

Яцек Шлёнский — сотрудник берлинского журнала «tip» и нескольких радиостанций (в частности, NDR, WDR, «Дойчландрадио»). Владелец (совместно с художницей и архитектором Анной Кренц) берлинской галереи «Зеро».

DIALOG

как обычно, есть статьи, посвященные польско-немецким отношениям. Мария Элизабет Роттер пишет об изменении взаимоотношений после смены польского правительства, а Анджей Стах в обширном репортаже анализирует явление польских поселенцев в Восточной Германии: «Несмотря на рост инвестиций в сектор жилищного строительства, в крупных польских агломерациях по-прежнему трудно купить квартиру по разумной цене. Нынешняя цена квадратного метра польской квартиры превысила максимальные цены во многих немецких городах, а из-за высокой квартплаты многие (прежде всего многодетные) семьи не в состоянии найти себе подходящее и соответствующее их финансовым возможностям жилье. Все больше поляков (в основном молодых) из Щецина и окрестностей считают, что лучший выход из положения — переезд в Германию, особенно в населенные пункты, расположенные невдалеке от польско-немецкой границы».

Как видно, опасения, что немцы начнут расселяться на своих бывших землях, появившиеся у некоторых поляков после объединения Германии, оказались напрасными. Более того, это поляки поселяются на землях своих западных соседей — точно так же, как многие немцы находят себе место для жизни в Италии или Испании, что становится в Евросоюзе нормальным явлением.

В культурной части «Диалога» можно прочитать две рецензии на фильм Анджея Вайды «Катынь», а Яцек Бурас пишет о программе Фонда S.Fischer Stiftung, который призван увеличить количество переводов немецкоязычной литературы на польский язык.

Марта Замбжицкая

ЛЕТОПИСЦЫ И МИСТИКИ

Наивное искусство силезских художников

Родом они из деревушек, провинциальных местечек, больших городов, а происхождением — из самых разных кругов. Соседи считают их немного смешными и даже «не такими, как все». Часто это люди больные или увечные, нередко — одинокие. Это непрофессиональные художники-самородки, а творчество их не поддается никаким классификациям и развивается по своему собственному, узкому и совершенно «отдельному» сценарию. Историки и теоретики искусства говорят о живописи наивной, примитивной, «иной» или самородной, подчеркивая с помощью таких эпитетов отсутствие у этих художников академического образования и особую интуитивность такого рода художественной активности. И действительно, своеобразная детская непорочность и наивность, с которой они воспринимают мир, составляет основную черту творчества самоучек, которые чаще всего, не зная обязательных в живописи принципов, «изливают» в своих картинах совершенно искренние эмоции и ощущения, не отфильтрованные через канон. Примитивные? Может быть, и так, но настоящие, подлинные и потому часто столь трогательные.

Возникает вопрос: что заставляет одинокую деревенскую женщину, рядового служащего или шахтера-пенсионера проводить долгие часы за смешиванием красок и составлением разноцветных композиций, почему, несмотря на то что он уже и так слывет чудаком, старый крестьянин вечера напролет выстругивает всё новые деревянные фигурки святых, зверьков и т.п.? Причин, разумеется, много, и лишь источник один и тот же — индивидуальные ощущения и переживания художников. Александр Яцковский, автор книги «Искусство, называемое наивным», утверждает, что источник непрофессионального творчества — с одной стороны, боль, одиночество и отчаяние, а с другой — великий восторг и особая восприимчивость, которая побуждает человека воплощать красоту в картине или скульптуре. Искусство это может, таким образом, служить приручению бесов или быть жизнеутверждающим, но самое главное в том, что художники-самородки творят исключительно под влиянием внутренних импульсов, а их произведения существуют «вне круга проблематики, тенденций и образцов официального или иного искусства, характерного для определенной группы или общественного слоя» (Яцковский).

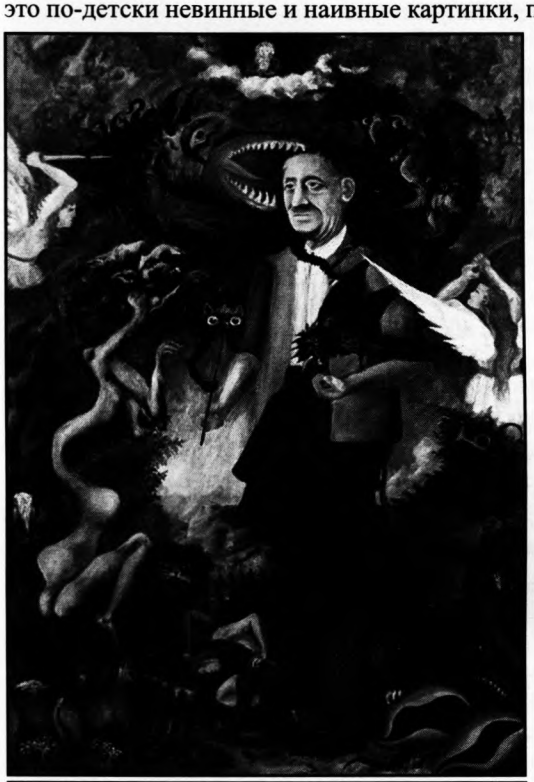
Павел Врубель. Барбурка

Может ли такое сугубо индивидуальное, личное и «многоплановое» творчество стать чем-то гораздо большим, нежели всего лишь отражением внутренних переживаний художника? Может ли оно отразить в искусстве специфику региона, выразить неповторимость родных мест, стать свидетельством истории? Думается, что несмотря ни на что всё-таки может, а доказательством этому тезису пусть послужит феномен силезских наивных художников — «самобытных» с точки зрения творческой восприимчивости и художественной экспрессии, однако творящих в широком символическом и историческом контексте культурной специфики Силезии.

Эвальд Гавлик, Павел Врубель, Павел Соляж, Эрвин Сувка или Францишек Кужея — этих художников можно назвать «хроникерами малой родины», которые запечатлевают в своих картинах богатство силезских традиций и специфику повседневной, шахтерской жизни. Их наполненные насыщенным цветом картины запечатлели все то многообразие культур, которое складывалось веками, включая верования, обычаи, предрассудки и суеверия, сосуществовавшие со столь суровыми реалиями жизни горняков. Силезский цикл обрядов и семейного уклада, специфическое понимание сакрального, особая система нравственных и житейских принципов, детерминированная тем огром-

ным значением, которое придавалось семье и традициям. Характерная, отчасти народно-бытовая, чувственная религиозность — всё это в красочной ностальгической форме проступает в произведениях силезских примитивистов.

Картины Павла Врубеля, Бронислава Кравчука или Герхарда Урбанека — это прежде всего «сон о мире, которого больше нет», картины онирические, полные фантастических красок и волнистых линий, насыщенные буйной растительностью и детским восторгом. Их Силезия — вовсе не грязная, задымленная и мрачная, она для них символ малого рая, где всё на своем месте. Это творчество, мифологизирующее действительность, облекающее ее важнейшие элементы в форму красочного знака. Силезия, увиденная глазами примитивистов, — это сказка о счастливой жизни. О трудах и праздниках, о любви и семье, о Боге и бесах, о святых покровителях, о водяных и домовых. Ночь на этих картинах — зелено-фиолетовая, рассветы и сумерки пылают алым цветом, в окнах кирпичных домов загораются желтые огоньки, а маленькие фигурки — это шахтеры, возвращающиеся после работы домой. Присматривает за ними св. Барбара, она в этих местах обладает специфическими чертами: она и покровительница, и защитница, но может принимать и мрачный облик подземной богини... Всё это по-детски невинные и наивные картинки, представляющие мир, в котором повседневность и банальность беспрерывно переплетаются со святостью и метафизикой. Это самая обычная повседневность, погруженная в таинственную, сонную ауру легенды, действительность, приобретшая значение символа.

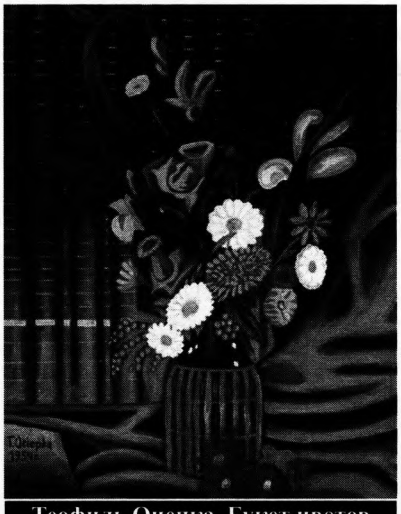
Теофиль Оцепка. Автопортрет

Творчество силезских примитивистов — это и хроника ежегодных праздников и обрядов, и запечатлённые важнейшие события из жизни семьи и общества, и иллюстрация обычаев и традиций. Массивные фигуры, облаченные в самые лучшие наряды, стоят перед большим кирпичным костелом, огромные белые бусы на шее силезской толстухи приковывают взгляд на фоне окружающих ее темных фигур шахтеров, крестный ход словно переливается золотым и алым, вокруг крутятся собачки, кот сидит на подоконнике одного из домов, молодая пара выходит из костела. И все это происходит в нереальном пространстве сказки, являя собой красочную фабулу легенды о преходящем счастье.

Изображаемый силезскими художниками-самоучками мир, погруженный в символику, почерпнутую из народных преданий и религиозных верований, — это одновременно мир, проникнутый метафизикой, которая у некоторых художников становится мотивом главенствующим, придавая их картинам значение своего рода мистических аллегорий. К наиболее известным силезским художникам-мистикам относится Теофиль Оцепка, один из лидеров общины оккультистов в Янове и основатель яновской группы непрофессиональных художников. Слава этого художника почти равна славе Никифора, хотя его произведения, весьма неровные с художественной точки зрения, ничем не напоминают деликатных, отличающихся изысканным вкусом с точки зрения использования цвета работ криницкого самоучки. Картины Теофиля Оцепки — нечто вроде моралите, зашифрованного в живописной форме послания о состоянии мира и роли человека в нем. Вдохновленный тайным знанием и таинствами оккультизма, простой шахтер пытается посредством своего творчества передать фундаментальную истину: наша действительность, словно говорит он, эта действительность повторяющихся семейно-обрядовых циклов, эти повседневно перемежающиеся труд и отдых, и само спокойствие нашего мира — всё это иллюзия. А по сути действительность — это

арена непрекращающейся борьбы духов добра и зла. Борьба идет непрерывно — как в сказочных лесных чащах, которые с размахом изображает художник, так и в наших сердцах, а отражением ее служат тот выбор и те решения, которые мы делаем и принимаем ежедневно.

Картины Оцепки увлекают своим сюрреалистическим размахом, многоцветием мощных, насыщенных красок, невероятной фантазией в изображении мистических и сказочных существ. Наивно смешными выглядят его синие и красные драконы, борющиеся на лесной поляне, трогательны ползающие по зеленым джунглям печальноокие полузмеи-полуптицы, недоумение вызывает «Летающая коровка с Сатурна», некое космическое создание с голубой мордой собаки, глазами человека и крыльями, оканчивающимися когтями. В нашем восприятии это выглядит забавно, любопытно, необычно, однако для художника это была не только метафора, но и реальная действительность, замкнутая в форму символа.

Теофиль Оцепка. Букет цветов

Александр Яцковский, которого мы уже цитировали, подчеркивает, что Оцепка, воспитанный на сказках и легендах Силезии, а потом основательно погрузившийся в тайное знание и увлекшийся идеалами розенкрейцеров, свято верил как в водяного и прячущегося в шахтах домового, так и в летающих коров и голубых медведей, населяющих планету Сатурн. Трудно сказать, сколько в этом правды, но здесь, пожалуй, следует сослаться на один из фрагментов книги «Искусство, называемое наивным», так как из него становится ясно, как глубоко творчество Оцепки проникнуто спецификой силезских обычаев и характерных для этого региона верований: «Он верил в Бога и в чудеса, которыми богат горняцкий фольклор. Верил в призраков, появляющихся в шахте, верил дяде, который рассказывал, как однажды он вместе с товарищами поймал маленького водяного (...) Верил, что дух, которого отец увидел в шахте, был предвестником его смерти, случившейся в результате катастрофы. Он воспитывался на сказках и легендах Силезии».

Марта Фидеркевич определяет непрофессиональное искусство Силезии как искусство пограничья, ссылаясь на специфическую для этого региона ситуацию своеобразного культурного горнила, дающего в результате новое качество традиций и обрядов. Действительно, в картинах силезских самоучек эта неповторимость бросается в глаза — как в способе отражения действительности, так и в выборе мотивов и тем. Творчество силезских примитивистов как бы колеблется, находясь на границе сна и яви, банальности и святости, реализма и демонологии. В каком-то смысле «пограничным» становится и само наивное искусство как таковое, которое развивается по своим собственным канонам, между искусством профессиональным и народным.

ПЛЕВОК В ВЕЧНОСТЬ

Беседа с Иолантой Дылевской, кинооператором, режиссером документальных кинокартин и автором фильма «По-лин. Крохи памяти»

Иоланта Дылевская

— «По-лин» — на иврите «здесь мы поселимся», что у польских евреев означало Польшу. Герои снятых еще до войны любительских фильмов, показанные в этой кинокартине, граждане Курова, Калушина, Кольбушовой и других местечек, находившихся в довоенных границах Польши, подходят к камере, улыбаются, смотрят нам в глаза. Поражает дружелюбная, безмятежная атмосфера.

— То же самое ощущала и я, впервые просматривая эти ленты в разнообразных архивах по всему миру, и это чувство хотела сохранить для будущих зрителей. Делая фильм, я очень следила за тем, чтобы ничего не утратить из этой атмосферы. В этом я усматривала возможность сегодняшнего зрителя установить эмоциональный контакт с людьми из этих довоенных кинолент, с тем уже не существующим миром польских евреев. Может, кому-то станет жаль его, а кто-то, может, по нему затоскует. Так я думала.

— Это мир 30-х годов, Катастрофа появляется только в комментарии.

— Уничтожение евреев продолжалось так недолго, а на кинопленке от него осталось больше, чем материалов про несколько сот лет нашего лучшего или худшего, но совместного существования. К сожалению, братья Люмьер не поторопились, поэтому больше остаться и не могло. То, что все знают и помнят, — это ужасающие сцены из гетто, из концлагерей, которые механически показывают по телевизору к любым годовщинам. Думаю, что почти каждый человек в нашей части мира знает хотя бы некоторые из этих кадров и смотрит их уже слегка машинально. Поэтому мне было так важно подать другие, зачастую вообще неизвестные материалы.

— Раньше ты сделала картину «Children of the Night» и знаменитую «Хронику восстания в варшавском гетто по Мареку Эдельману», основанные на архивах военного времени. Благодаря кропотливой работе, нивелированию контрастности, покадровому просмотру ты извлекла и выставила на обозрение лица, обычно невидимые. Кое-кого удалось даже опознать.

— Писали, что из массы я извлекла человека, что это моя заслуга, а я где-то внутри испытывала чувство вины. Да, я показала конкретных людей, но ведь их снимали в экстремальных ситуациях, в унижении. Никому не хочется, чтобы его видели в такой момент, а я их показала. Скажем, показываю пожилую женщину на подводе в каком-то маленьком местечке. Но она же едет не кататься и не на рынок. Видно, как собрали еврейских жителей, и мы знаем, что будет дальше. Их поведут в ближайший лес и там расстреляют или же запихают в грузовики и отвезут в гетто, откуда после нескольких месяцев мучений отправят в лагерь уничтожения. Люди еще не долго стоят, они пока не очень устали. Видно, что не всем приходит в голову, что будет плохо. Однако уже начинаются неприятности: например, к пожилой женщине подходит эсэсовец и хлыстом поднимает ей голову, а другой снимает это на пленку. Видно, что ей это мучительно. И что она страшно стыдится. Это всё снято так называемым средним общим планом. А что сделала я? Сделала крупный план лица, и она несколько мгновений смотрит прямо в камеру.

— Это помогало делу.

— И я так считала, но чувствовала себя неуютно, а потому, когда нашла такие светлые, безмятежные любительские фильмы, то почувствовала, что их-то мне и хочется показать. Если раньше я провинилась, то теперь это будет своего рода искуплением. Сразу видно, что ленты 30-х годов снимал кто-то из родных, кто-то близкий; впрочем, потому они и уцелели: эти люди взяли их с собой в Америку.

— Тебе ясно, кто стоит за камерой?

— Я быстро ориентируюсь, кто вел съемку: полнейший любитель, человек с некоторыми знаниями или профессионал. Вижу, какие применялись объективы или что оператор сменил фильтры. Кто-то, например, снимает человека, умирающего с голоду; первый эпизод снят с одним фильтром, а второй — с другим, то есть снято профессионально, совершенно извне, без всякого контакта с тем, на что и на кого оператор смотрит. Говорят, что поначалу в варшавском гетто съемки делали самые лучшие немецкие операторы-документалисты, которые раньше работали с Лени Рифеншталь, — это были превосходные сцены, снятые объективной камерой. Временами, однако, видно, как человек, стоящий за камерой, меняется.

— Как ты это распознаешь?

— Однажды я наткнулась на катушку, подписанную «Депортация еврейского населения из местечка». Я считаю, что снимал все это немец, военный. Это видно по реакциям людей. Я вижу, что вначале он фиксирует происходящее извне, то есть представляет событие, строит раскадровку так, чтобы описать его. Камера стоит на штативе, движется правильно. Оператора не интересует внутреннее действие, то, что эти люди переживают, и что с ними происходит. Так — на первых порах, но потом что-то меняется: оператор, глядя в камеру, начинает кое-что видеть. Я распознала это, потому что внезапно съемки стали передержанными. Чтобы выдержать первоначальный объективный стиль, оператору уже давно надо бы выключить камеру. Но он этого не делает, а просто смотрит на какого-нибудь человека, смотрит, смотрит и смотрит. Я заметила, что с какого-то момента он начал подходить к людям поближе, искал контакта с ними. Я чувствовала, что в этом человеке произошла перемена. Этот материал поразителен. Или те операторы, которые вели съемки в лагерях...

— В ходе их освобождения?

— Да. С красноармейцами, которые освобождали Аушвиц, был оператор. Помнишь знаменитый эпизод, когда выходят дети в полосатых робах, задирают рукавчики и показывают номера на ручках? Когда я сидела в подмосковном архиве и смотрела этот материал, то вдруг увидела, что эту сцену отсняли во многих дублях. Оператора уже не было в живых, но я начала искать всё, что он написал о своей работе, и нашла. Он писал, что был потрясен, знал, что происходит нечто невероятно существенное, и до того боялся, что в этой сцене что-то не выйдет или пленку испортят в лаборатории, что снял несколько дублей. Что интересно, тот же самый оператор, когда снимал людей уже свободных, хотя и полумертвых, почему-то ни разу не сделал дубля. Мне страшно близок этот оператор, его образ мыслей, выбираемые им планы и подход к человеку. А еще я просматривала в Вашингтоне архивные материалы, снятые при освобождении Бухенвальда.

— Они были похожи?

— Камеру держал, вероятно, какой-то американский парень со жвачкой во рту. И вдруг перед этим парнем, смотревшим на груды трупов и на полуживых людей, разверзалась преисподняя. Там есть такие сцены и эпизоды, где камера почти не движется, потому что этот парнишка замирал и камера, которая была продолжением его тела, тоже замирала. Я чувствовала, что́ в нем творилось. В Лондоне я смотрела пленки Хичкока, который пытался сделать документальную ленту о лагерях.

— Он применял свою прославленную формулу о землетрясении в самом начале?

— Нет, это должна была получиться кинокартина, на сто процентов составленная из архивных материалов. Хичкок говорил: «В художественном кинематографе режиссер — бог, а в документальном Бог — режиссер». Кошмар, который он представлял на экране, должен был рассказываться pianissimo. Так я полагаю, потому что видела, какие сцены он отобрал, а я знаю экстремальные. Мог получиться очень хороший фильм, однако Хичкок его не закончил. И я его понимаю: страшно тяжело работать с такими кадрами. А может, он с самого начала знал то, что до меня дошло лишь по завершении моих картин: что ими можно так легко злоупотребить?

— В твоем «По-лине» есть и современные высказывания поляков, которые помнят своих еврейских соседей. Тоже дружелюбные, симпатичные. Как выглядели твои посещения этих местечек?

— Почти в каждом есть кто-то, кто старается сохранить следы еврейских жителей, — эти люди мне помогали. Я ехала спустя 60 лет, с маленькой камерой, эквивалентом тогдашних любительских, чтобы не смущать людей. Тамошнюю довоенную жизнь я знала по съемкам, по «Книгам памяти» тех

городков. Через эти книги трудно было продраться без чужой помощи; их составляли чаще всего на идише, причем своеобразно: немногие спасшиеся писали о тех, кто погиб страшной смертью. Это не язык журналиста — это язык дочери, с любовью рассказывающей об уничтоженных родителях. Это вносит некоторый пафос, который я стремилась сохранить в дикторском тексте к картине.

— Он не особенно чувствуется.

— Со своим текстом я пошла за указаниями к Ханне Кралль, мне хотелось избежать лишних слов. Она сделала важное замечание: надо поменять время с прошедшего на настоящее: на пленке эти люди еще живы.

Читая «Книги памяти», где подробно описана жизнь местечек, иногда не догадаешься, что там рядом жили поляки, украинцы или еще кто-то.

— Еврейские жители, бывало, составляли две трети населения... Как ты сегодня смотрела на эти места?

— Теоретически я знала, что не найду там того, что было когда-то. И всё-таки я в большинстве случаев пережила настоящий шок, ибо осознала, увидела собственными глазами, что эти местечки остановились в своем развитии или даже отошли назад. До войны где-то там имелись, например, два фотоателье, кофейни, я знала, кто был их хозяевами. Чаю или кофе можно было выпить у этого, а самые лучшие пирожные купить — у того. Но когда я приезжала, часто оказывалось, что там ничего нет. Какой-то магазин типа сельпо, и никакой надежды на кофе.

— Столько лет прошло, у нас капитализм.

— Но кафе никто не открыл. Там попросту не хватает половины населения. Я ощущала, что эти местечки по сей день не пришли в себя после этого страшного потрясения. Один житель сказал мне: «А у кого теперь шить, раз остался один портной-поляк, да и тот халтурщик». Пропали целые профессии. Мы говорим о местечках, но я не знаю, не так ли обстоит дело со всей Польшей и пришла ли Польша в себя после всего этого.

— Твои собеседники с симпатией вспоминают евреев, рассказывают, к примеру, как поляки пытались подражать еврейской кухне, но у них не выходило. Спрашивают ли тебя зрители, почему твои польские герои не напоминают поляков из книг Яна Т. Гросса?

— Меня мороз по коже подирает, когда ты спрашиваешь об этом, и я с беспокойством жду откликов. Мне бы не хотелось, чтобы вместо размышлений о кинематографических материалах, о содержании «По-лина», люди стали обращать внимание на то, чего мои герои не сказали, потому что кто-то сочтет, что они говорят слишком хорошее. В мои намерения не входила дискуссия с Гроссом: с фактами не спорят. Разница — в основе: Гросс пишет о том, что происходило во время и после войны, а моя картина касается того, что происходило до войны. Я поехала в эти местечки, нашла там таких поляков, и так они со мной разговаривали. Я не спрашивала их, как оно было во время и после войны, потому что и так знала, в частности по записям рассказов спасшихся евреев из этих местечек, которые сохранились в архивах Еврейского исторического института. К счастью, там их не жгли в овинах. Меня не интересовало, кто мои собеседники, — меня интересовала их память, которую я хотела зафиксировать. Некоторые спрашивают меня, а не лгут ли мои собеседники. Заявляю: нет, не лгут. Я знаю это, потому что, стоя за камерой, чувствую, лжет человек или нет. С одной женщиной я почувствовала, что она говорит неправду, и ее в фильме нет. Я благодарна этим людям: старые, зачастую больные, они уделили мне время. Один мой собеседник сказал: «Послушайте, да ведь все евреи были грязнули». На это я ему в ответ: «Ну, так расскажите о ком-то конкретном». Но он, конечно, ничего не мог рассказать.

— Но в фильме этого нет?

— Нет, потому что это было глупо, и только. Мне рассказывали самые разные вещи. Нет в фильме и женщины, чьи родители прятали еврея и были расстреляны, а она осталась сиротой, польские соседи разворовали всё имущество, и ей маленькой девочкой пришлось скитаться по людям. Встретился мне и человек, который, выйдя на пенсию, за собственные деньги поставил евреям памятник — «памятничек», как он сам говорит, — так как не мог примириться с тем, что евреи жили там 400 лет, а теперь от них не осталось и следа. Еще я познакомилась с женщиной, которая зажигает свечи в память о евреях, которые жили на ее улице. Повстречался мне также один господин, который пишет стихи о евреях. Если о евреях пишут стихи, значит, их помнят; а еще это может означать, что каким-то образом ощущается их отсутствие. Точно так же, как если евреи снятся.

— У тебя две профессии: режиссер и оператор, ты работала, в частности, с Мариушем Гжегожеком, с Пшемыславом Войтишеком, в последний раз — на съемках фильма «Made in Poland».

— Операторская работа — это мой заработок, и я ее люблю, а режиссура — это хобби. «По-лин» я делала так долго, потому что постоянно откладывала этот фильм в сторону и занималась съемками для кинофильмов, которые меня интересовали как оператора. И наоборот. Если бы не «Children of the Night», я была бы оператором во многих кинокартинах, от которых была вынуждена отказаться.

— Свои фильмы, такие, как «По-лин», ты делаешь годами...

— Последний художественный фильм, где я была оператором, «Тюльпан», мы делали с Сергеем Дворцевым четыре года. В общей сложности я провела в казахской Голодной степи полтора года. И это прекрасно — так работать. Если бы одна съемочная группа на протяжении всей своей жизни делала один фильм, может быть, это занятие имело бы наибольший смысл. Снимать фильм — это как жизнь. За время съемок «Тюльпана» двое наших актеров умерли, народились дети.

— У кого есть время снимать фильмы таким путем? В Польше бывает, как правило, полтора десятка съемочных дней.

— Чтобы снять окот овцы, мы две недели ходили за отарой, за стельными овцами, ожидая, пока они к нам привыкнут. И постепенно уменьшали расстояние, чтобы потом, в процессе окота, овцы позволили нам приблизиться. В одну сторону мы с моим ассистентом и со звукооператорами шагали пешком, а за нами ехал съемочный автомобиль, на котором мы возвращались, потому что сил уже больше не оставалось. В автомобиле стоял счетчик пробега — оказалось, что мы проходили в день по 25 км, а овцы — еще по столько же. Благодаря этому у нас всё вышло. Потом понадобилось изменить сценарий, переделать все под эту сцену окота, которая предопределила более документальный стиль.

— «Тюльпан» — это дебют в области художественного кинематографа, но Дворцевой — опытный документалист.

— Думается, Сергей в своей работе представлял то, что было самым великим в советском кино. Он подходил к работе так же, как Тарковский: когда требовалось засы́пать озеро, его засыпа́ли. Мы ничего не засыпа́ли, это скорее нас песок засыпа́л, но существовал точно такой же тип напряженности. Это было нечто фантастическое, хоть и очень трудное. Сергей приводил нам слова одной великой русской актрисы: «Помните: плохо снятый эпизод — это как плевок в вечность». И я для себя думаю так (в том числе и под воздействием этих любительских фильмов из «По-лина»): вот мы вроде бы сейчас что-то там снимаем, но не перестанет ли через мгновение существовать весь этот мир? Не кажется ли нам, как и людям из тех довоенных кинолент, что у нас есть какое-то будущее, к которому мы стремимся, пенсия, на которую мы копим деньги, а ведь весь наш мир тоже может погибнуть в один миг — моргнуть не успеешь. И, может быть, после нас останутся всяческие фильмы, новости, а другие люди придут на наше место и будут стараться узнать из них что-то про нас. Для меня каждая сцена, каждый эпизод очень важны, надо их сделать хорошо, потому что, ведя съемки, мы на самом деле посылаем нечто в вечность. Мы как будто всегда сможем сделать дубль, но это не так: не всегда поймаешь это нечто во второй раз. По правде говоря, мы постоянно недооцениваем, насколько необычное устройство — кинокамера. Мы с Сергеем делали кино так, будто речь шла о жизни и смерти, будто это была война. Повторяли дубли до бесконечности, по несколько десятков раз. Одна из сцен заняла у нас четыре года, в ней всё время не было надлежащей энергии. Я имею в виду эпизод, в котором герой выбегает с чемоданом в степь. Чтобы вообще дойти до того, что он выбегает, мы сделали с видеокамерой несколько десятков проб и репетиций.

— «Тюльпан» — это, в конце концов, простая история о мечтах парнишки, который после того, как отслужил во флоте, хочет поселиться в степи, в родном Казахстане. Чего же вы не могли уловить?

— Фальшивила энергия.

— Людей или мест?

— Та, которую из эпизода черпают люди. Эпизод генерирует энергию. Мы сосредотачивались на том, чтобы удерживать эту энергию на высоком уровне, но в длинных сценах она проседала. Места тоже обладают своей энергией, она чувствуется — интерьеры, стены, улицы, деревья обладают какой-то памятью, камера это вылавливает и передает в подсознание зрителя. Такие формы энергии могут сообщаться только через подсознание того, кто смотрит. А камера это передает.

— Эта пустая степь в Казахстане ассоциируется с бедностью, горем, голодом, с местом ссылки. А у вас молодой герой не хочет в город, хочет жить только там, в пустынном месте, в небытии.

— А знаешь, если бы я поехала туда раньше, прежде чем осесть здесь, в Варшаве, то осталась бы там. Я нигде не чувствую себя укорененной. Так уж сложились судьбы моей семьи, что ни о каком месте я не могла бы сказать: «Мы находимся здесь испокон веков, и это наше место на Земле». В книгах пишут, что вот ты ходишь-ходишь и внезапно чувствуешь, что наткнулся на свое место. Сколько-то лет назад я его даже искала, хотела построить дом. Это тянулось два года, в конечном итоге я отказалась, бросила поиски: почувствовала, что ничего из этого не выйдет. А в Голодной степи, которая на самом деле вроде полупустыни, где людям, отделенным друг от друга большими расстояниями, живется трудно и даже овцы околевают с голоду, потому что им приходится пройти много километров, чтобы чего-нибудь пощипать, — там я внезапно почувствовала, что это могло бы стать моим местом на Земле.

— И что ты бы там делала?

— Жила бы.

— Ты много работаешь, режиссер привлекает тебя для работы над кинолентой, которая снимается в тяжелых условиях, а когда-то говорилось, что оператор — это не профессия для женщины.

— Для «Тюльпана» меня выбрал не Сергей — это было предложение немецкого продюсера Раймонда Гебеля из фирмы «Пандора-фильм». Было поставлено условие, что оператор должен знать русский. Я поехала встретиться с Сергеем на фестиваль в Роттердам и почувствовала, что он не хочет со мной работать. Расспрашивала его о разных вещах, хотела выяснить его мнение о фильме, а он постоянно твердил мне о скорпионах да пауках и как там будет тяжело. В результате мне тоже не хотелось с ним работать, но продюсеры настаивали, чтобы мы встретились еще раз в Берлине. Мы договорились, что привезем туда свои фильмы и будем о них разговаривать. И, знаешь, мы оба почувствовали, что сделаем эту картину вместе.

— Твой пол играл какую-то роль или нет?

— Сергей мне позже рассказал, что не хотел соглашаться, потому что не мог себе представить работу с женщиной. Перед встречей он думал, что я буду в брюках, буду выглядеть по-мужски, а я была такой же, как всегда, выгляжу-то я скорее как снабженка, чем как оператор. А еще он боялся, что казахи не станут меня слушаться, но оказалось совсем не так. Условия были тяжелые, вся европейская часть съемочной группы сбежала, осталась одна я.

— Ты подчеркиваешь роль кино как исключительного средства коммуникации, но теперь все что-нибудь и чем-нибудь снимают. Что в кинематографе по-прежнему остается особенно важным?

— Кажется, китайцы говорят: сердце не такое быстрое, как мысль, но мысль не проникает так далеко, как сердце. Если собрать в кинозале человечество целиком и крутить там по-настоящему хороший фильм — все будут тронуты. Это вовсе не характерно для искусства вообще. Если в том же зале запустить самую лучшую музыку, прочитать самую лучшую книгу — не до всех это дойдет. Живопись — тоже нет. А в кино безграмотный может сидеть около величайшего профессора и испытывать в точности такие же чувства. Это место, где люди могут встретиться. Киноискусством мы занимаемся недолго, и я думаю, что все самое интересное еще перед нами.

Меня завораживает, что можно сделать картину, которая потрясает, как жизнь.

Беседу вела Катажина Беляс

gazeta WYBORCZA

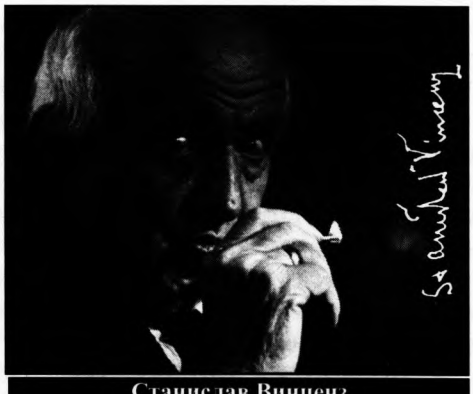
Лешек Шаруга

ЛИРНИК

К 120-летию со дня рождения Станислава Винценза

Читая трехтомный прозаический цикл «На высокой полонине», я всегда испытывал желание наделить Станислава Винценза званием лирника. А лира отсылала к Гомеру, о котором он писал: «Перефразируя слова польского поэта, мы можем сказать о Гомере, что он страдал за оба враждовавших народа, в войне которых стояла альтернативой гибель одного или другого. Но и более того — что он впитывал полной грудью жизнь многих народов, многих тысячелетий и преданий, возникших до него. Он черпал как из великих рек и течений культуры, так и из малых ее ручьев и ручейков — и даже можно сказать, из тихих, укромных родников». По правде говоря, трудно дать лучшую характеристику самого́ автора этих слов. И трудно вместе с тем не думать о том, что его сочинения разделят судьбу сочинений Гомера, оставаясь памятником словесности, который читают немногие, хотя ценится он высоко.

Если задуматься над причинами такого положения дел, то самой важной из них, наверное, придется признать ритм времени той вселенной, которую создает писатель. Это ритм, не согласующийся с ритмом нашей современности, а может, даже ему противоречащий. Это ритм эпохи «коптящих ламп», который еще появляется у Ивашкевича или Милоша, но исчезает в резком свете галогена, не дающего возможности сосредоточиться и задуматься, так как он скользит по поверхности явлений, не проникая в глубину.

Станислав Винценз

Центр этой вселенной Винценз располагает в треугольнике, очерченном территориями Покутья, Черногорского хребта и Буковины. Это местность, пейзаж которой очень точно и четко набросал много лет спустя Юрий Андрухович: «Вокруг нас леса, леса и горы, Горганы, горы и леса, этот-то пейзаж и должен был некогда породить европейского человека, но где он теперь, этот человек, чёрт его знает». Можно рискнуть и предположить, что человек этот поселился в пространстве творчества Винценза, во времени с замедленным ритмом. Но вместе с тем, когда я читаю современную украинскую прозу, у меня складывается впечатление, что я всё чаще обнаруживаю его и на ее страницах. И, может быть, теперь, когда после многих лет подавленного голоса можно приступить к свободному рассказу, вполне естественными представляются новые поиски европейского человека в своем — пока еще не разнесенном в пух и прах современной цивилизацией — пейзаже, значение которого в формировании человеческой истории подчеркнул Винценз в замечательном очерке «Ландшафт как фон истории».

Ландшафт несомненно играет решающую роль в ощущении времени, то есть в способе его проживания. Но вместе с тем он остается незаметным. Это подчеркивает Винценз, комментируя историческое и поэтическое повествование: «Наверно, и у летописца, и у певца стоял перед глазами фон, эти поля и эти воды, на которых совершались воспеваемые ими деяния, эти дома с пристройками и галерейками, где он сам пел и рассказывал. Однако при этом он считал, что их знает каждый, так зачем же описывать сам по себе ясный фон ландшафта, фон занятий, фон труда». Для Винценза этот фон не ясен и не может быть ясен «сам по себе». Это заметит каждый читатель «На высокой полонине» — собранные здесь повести и сказания в совершенстве укоренены в пейзаже; для автора этот фон — прежде всего сокровищница историй, которые тут разыгрывались и записаны в нем, как палимпсест, последовательными слоями.

Но речь, конечно, идет не только о ландшафте, а еще и о народе — в данном случае о гуцулах, — который сформирован этим пейзажем и который, если воспользоваться словами Збигнева Херберта, «будет нести Город в себе по дорогам изгнания». Этот символический Город — особое место, центр мира, который можно отыскать хоть бы и в Пенсильвании. Ибо, как пишет Андрухович: «Там даже есть такой русско-карпатский городок — Централия», — для него представляющий собой центр Европы. Почему? «Потому, — читаем мы, — что там живут лемки. Они принесли свой центр с собою — так же, как свою деревянную церковь. Центры Европы — блуждающие, они перемещаются вместе с людьми». Наверняка эта рефлексия получила бы одобрение Винценза, главное произведение которого — как раз описание гуцульского космоса, укорененного в ни к чему не сводимом принципе, о котором мы читаем, что он означает «верховинскую правду, порядок старовека — с л о б о́ д у ».

Убежденность в том, что свобода — это основополагающая ценность, цементирующая гуцульское самосознание, повсеместна в литературе. Анализируя феномен гуцульщины в польской словесности, Ян А. Хороший подчеркивает: «Первой и, пожалуй, самой характерной чертой их коллективного портрета была, конечно, свобода. (...) Гуцульская свобода была (...) отчасти вызовом, брошенным цивилизации, культуре города, была разыгрывающимся на глазах внимательных наблюдателей экспериментом, определяющим терпимость или просто равнодушие организованного общества». Однако же трудно было бы отыскать дополнительное определение этой свободы. Впрочем, похоже, нельзя рассматривать ее как синоним той «слобо́ды», о которой пишет Винценз, в языковом отношении наверняка более точный, чем большинство наблюдателей, и обращающийся к подлиннику, в частности и для того, чтобы избежать польского определения «свобода»: мы имеем здесь дело с сигналом, который оповещает о специфическом и непереводимом типе опыта. Речь тут идет не о «свободе» в повседневном понимании, но о духовном, как бы прирожденном способе существования, о котором дискутирует герой «Послевоенных перипетий Сократа» и который очень точно отличает свободу от вольницы.

Одно из условий практического применения «слобо́ды» — жизнь, согласованная с ритмом времени, что позволяет ему протекать незаметно. В этом прежде всего содержится не столько «вызов, брошенный цивилизации, культуре города», где давление бега времени принуждает к «неестественным» формам поведения, сколько игнорирование этой цивилизации. По существу гуцулы, которых творит Винценз на страницах своего повествования, — общество воображаемое, хотя, разумеется, субстанция повествования, составленного из приводимых рассказов, совершенно реальна, субстанциальна.

Употребленный здесь прием — это, по сути дела, запись некоей мечты о гармонично живущем сообществе. В каком-то смысле это можно сказать обо всем творчестве автора «Диалогов с Советами». Идейные горизонты его творчества устанавливает хотя бы такое размышление из заключения «Послевоенных перипетий Сократа»: «Да ведь не раз хотелось бы увидеть Сократа и услышать его в том мире, где мы несчастны, хотя не перестаем воображать себе, что как-то ведь могли бы быть счастливы». А счастливые, как известно, часов не наблюдают.

Размышления Станислава Винценза о культуре вырастают в первую очередь из специфически перетолкованных традиций Просвещения — отсюда, кстати говоря, отсылка к Сократу и его практике критического мышления. Если взвесить то обстоятельство, что в жизни Европы господствовали иррациональные, пробуждающие демонов идеологические методы, поворот к рационализму представляется очевидностью. Отсюда у Винценза и столь необычная забота о деталях и стремление к языковой точности в описании действительности. Но одновременно эта действительность выходит за горизонт сиюминутности, а следовательно, в ней есть место альтернативным ходам. Как раз такую альтернативу повествованиям, известным из исторических свидетельств, предлагает Винценз в «Послевоенных перипетиях Сократа». При этом автор уже во введении извещает нас, что тот вымысел, который он конструирует, допустимо интерпретировать либо как вероятное событие, о котором у нас просто нет надежных сведений, либо как сновидение. И вот мы читаем: «Нижеследующий вымысел представляет собой — лишь повествовательно — продолжение платоновских диалогов, описывающих пребывание Сократа в тюрьме и его последние минуты. Спасти Сократа можно было только похищением вопреки его воле или же такой операцией тюремных властей, о какой мы догадываемся из нижеследующего

рассказа. В описании последних минут Сократа мы помним из платоновского «Критона», как он проснулся после здорового, спокойного сна, а из «Федона» — как он заснул навсегда. Мы увидим, как он проснется снова или как он будет видеть сон».

Мы, следовательно, имеем здесь дело с воскрешением античного учителя, и вдобавок ради того, чтобы суметь поддержать в себе веру в возможность счастливой жизни. Но такая вера недостижима без неустанного, диалектического — в смысле сократовской диалектики — просвечивания принципов рационального мышления таким образом, как это делает герой романа в главе «Твердыня разума», когда ставит совершенно современный вопрос, который мог бы также задать и рассказчик «Диалогов с Советами»: «Обдумаем следующее: разум, судящий кроваво, разум, истребляющий неразумных? Неужто он по-прежнему останется разумом?» Таким образом, просветительский подход Винценза характеризуется подрывом веры в разум. Более того — в какой-то момент диспута Сократ, поднимая вопрос привязанности к отечеству и вопрос о поэтических порывах, проводит различие между «старшим разумом» и «младшим разумом». Обращаясь к Диагору, он говорит: «Стало быть, ты полагаешь (...) поэтический порыв не удастся вывести разумным путем. А что же на самом деле? Разум ли нам их диктует или же как бы старший разум?»

Этот «старший разум» тождествен, следовательно, «поэтическому порыву», каким-то образом в нем укоренен. В понимании Сократа — но и Винценза, прямо апеллирующего к Гомеру, — «поэтический порыв» укоренен в мифе, стало быть, в той реальности человеческого космоса, которая остается непознаваемой для разума. О весомости этого «старшего разума» свидетельствует обширное эссе Винценза «Чем сегодня может быть для нас Данте». В этом «поэтическом порыве» находит себя один из героев «Венка из барвинков» — Владислав Седорович, изгнанник, беглец из Сибири, который нашел гостеприимство в Покутье. Обращенный к будущему, он мечтает: «Как утешительно было бы отправиться вместе с ветром в странствие к встающим временам. Ветер летел бы себе просто так, заглядывая в каждый из коридоров, не для себя. Приблизиться, связывать в доброжелательность, никому не показываясь. Но эта связь и так есть. Не только со знакомыми, не только в сознании и сознательно. Ветер — ее образ. Это было самое важное осеннее познание: взаимодополнение человеческих душ, сообщество разных нитей и витков человеческой жизни. Пожалуй, для него у нас нет о́ргана. И все же мы часть большого организма в движении. То, что вне меня в стольких душах творится, не находится вне меня».

В этом контексте чрезвычайно важными кажутся заметки из записной книжки писателя: «Поэт — exul [лат. изгнанник] с родины (возможно, exilium [лат. изгнание] оставит после себя нерасколотое, из детства идущее единство со вселенной) — добирается до страны детства. Родина детства — это **мир**, космос, потому что ребенок **познаёт** типичные характеры и свойства вещей, открывает их. (...) Он заполняет себя космосом, а космос — собою. (Поэт гор)». Существенно здесь то, что Винценз соединил изгнание с детством и обрисовал связи этих категорий со «старшим разумом», или поэтическим чувством, для окончательного распознания которого нам не хватает подходящего «о́ргана». Умение разбудить это поэтическое чувство становится у Винценза необходимым условием подлинного, то есть адресующегося к «старшему разуму», рационализма. Можно рискнуть сказать, что в своем творчестве автор «Утопоса» — современный эквивалент творца классической эпохи. Это подтверждается другим фрагментом записок: «О **Гомере** я позабыл сказать, что его просвещение обусловлено дистанцией по отношению к смерти, отвержением обрядов и культа умерших, избавлением от страха перед умершими. Солнечная свобода. Человеческая, а не суеверная и не обрядовая привязанность к умершим».

Можно догадываться, что «старший разум» обретает голос прежде всего в стране детства. Тем самым он по-своему — в соотнесении с «младшим разумом», проявляющим себя в сфере сиюминутности, — одновременно и наивен, и невинен. Но ведь и творчество Винценза можно истолковать так, что представленная им картина Гуцульщины окажется той утраченной «родиной детства», которую надлежит сохранить в рассказе ради того, чтобы одновременно спасти и собственную человечность, неотъемлемая черта которой — поэтическое чувство. Это чувство делает, в частности, возможной ту «человеческую, а не суеверную и не обрядовую привязанность к умершим». В эссе о Данте мы

читаем: «Мы живем в эпоху, которая со всех сторон окружена смертью, пронизана смертью. (...) Мы пробуждаемся от снов, с трудом поднимаем голову, одурманенную сном, с лона сна. И она продолжает истекать водой смерти. Правда, ясный, трезвый день рассеивает это. Мы не хотели бы смотреть в ту сторону, нам кажется, что мы избавляемся. А ведь нам известно лишь одно: мы с у щ е с т в у е м лишь этой общностью с умершими». Все мы — жители одного и того же космоса, который длится во времени вне времени.

В том же очерке Винценз пишет: «Человечество — это не только люди, живущие во времени. Существует еще и иное присутствие». Быть может, эти слова особенно веско и убедительно показывают смысл, вписанный во всё творчество Станислава Винценза. Нет сомнения, что фундамент его творчества — цикл «На высокой полонине», описание утраченной «родины детства». Причем изгнание или эмиграция оттуда не имеют здесь политического аспекта — речь идет прежде всего об аспекте цивилизации. Гуцульщина Винценза — это рай, потерянный из-за преклонения перед тем, что Виткаций называл божеством непосредственной пользы.

Путь Винценза с самого начала вел в совершенно другие края. Он писал: «В изумлении я заметил со временем, что иду прямо по следам моих земляков с верховин и полонин, тех свободных и неспешных [по-польски: wolnych i powolnych] пастухов и архаических земледельцев из страны безденежного хозяйства либо со слабеющим денежным обращением, которых назвали гуцулами». Здесь привлекает внимание упор на сочетание свободы с неспешностью, то есть на условия, благоприятствующие медитативной сосредоточенности и бескорыстному диалогу, — иными словами, тому, что позволяет жить по-своему вне времени, практиковать «иное присутствие», в котором неустранимая связь с умершими остается вместе с тем связью со всей вселенной в целом.

В этой концепции Гуцульщина становится центром человеческого космоса, но это подвижный центр, освященный изгнанием, пусть даже понимаемым только символически. Причем этот космос понимается как общность и целиком представляет собой всеобщую собственность. В этой концепции Гуцульщина, описанная, что ни говори, с нежностью и точностью, существует настолько же реально, насколько вне времени и пространства. А если вне времени и пространства, то где?

Гуцульщина существует в песне. Поэтому читатель «На высокой полонине», этой сложной поэмы, с самого начала должен идти в первую очередь «за голосом трембиты». Не случайно все книги «Правды старовека» начинает музыкальная цитата: в мир Гуцульщины читателя вводит мелодия. Но не то чтобы просто так извлеченная из «фольклора». Мелодия возникает из голоса природы, в которую вплавлена жизнь гуцульского общества, из гармонии, характерной для бытия в согласии с ритмом природы. Трембита была зачата, о чем мы читаем в первых же предложениях, от советов молнии, леса и водопада. Ее голос ведет, как говорит рассказчик в самом первом предложении: «От первовека в приговоров ночь». Эти слова, открывающие собой книгу, довольно таинственны: вначале мы на самом деле не знаем ни что такое первовек, ни что такое оная «приговоров ночь». Эти слова звучат почти как магическое заклятье. Они и есть заклятье, пророчество, вписанное в голос трембиты: «От молнии, от леса, от шума вод, от приговорной ночи зачатая — она разрывает преграды. Из нее брызжут утренние зори, праздники радостные и печальные, из нее изливаются времена года, годы и века. Она, приговорная фигура страны и людей верховин, ныне оглашает себя миру».

Если внимательно вчитаться в текст «На высокой полонине», то не подлежит сомнению, что задуманный читатель этого повествования находится как бы вне времени, в каком-то «всегда», которое каждый раз обновляет рассказ и актуализирует его. Действительность гуцульского мифа — вырастающего все-таки из реальности опыта и правды, которые предопределяются цельностью и непротиворечивостью представленного там мира, — не имеет «срока давности» независимо от хода истории. Ибо мы находимся в пространстве Книги.

Эльжбета Янус

МАРИЯ РЕНАТА МАЙЕНОВА

Воспоминания

Мария Рената Майенова

О профессоре Марии Ренате Майеновой написано уже очень много, но ее портрет можно дополнять бесконечно. Я хочу сделать это несколькими штрихами по памяти и с помощью фрагментов тех писем, которые когда-то были ей адресованы.

Для начала я повторю вслед за Збигневом Клехом, что профессор Майенова была «своеобразным культурообразующим институтом». Она ввела в польскую науку новые направления: теорию текста, семиотическое мышление тартуско-московской школы, она оказала влияние на развитие польской поэтики, расширила область исследований стихосложения и языкового самосознания данной эпохи. Ее издание старопольских критических текстов являет собой образец научной работы. Она выступала также инициатором и организатором многочисленных коллективных трудов.

Профессора Майенову отличало редкое научное бескорыстие. Она выполняла большое количество работ, требующих огромных временны́х затрат (издательская работа, редактирование, вычитка корректур и т.п.), причем она не подписывалась под ними, редактируя и доводя до нужного уровня главным образом не свои труды, а это поглощало массу энергии и сил. Она оплачивала из своих личных средств многочисленные работы, например подготовительные работы по изданию «Словаря польского языка XVI века», и боялась лишь одного — чтобы об этом не стало известно... Уже первые полученные ею после войны деньги за «Описательную поэтику» она почти полностью отдала на то, чтобы кто-то смог выполнить необходимую научную работу.

Мария Рената Майенова обладала особенным педагогическим талантом. Многие не раз подчеркивали, что она была человеком требовательным. Но она умела и ободрять. На протяжении многих лет вела домашний семинар, на который можно было привести любого. Научное воспитание она нередко начинала с того, что давала задание: об этом сделать доклад, там выступить и т.п. Неоднократно от нее можно было услышать: «Плох учитель, если не смог воспитать ученика, который превзошел бы его самого». Здесь она имела в виду Анну Вежбицкую. А о себе говорила так: «Я вечная ученица», — и в возрасте семидесяти лет она посещала занятия у профессора Анджея Богуславского. А еще добавлю, что ей удалось создать совершенно исключительный коллектив сотрудников — в нем царили буквально семейные взаимоотношения.

Делом всей жизни Марии Ренаты Майеновой был «Словарь польского языка XVI века». О значении этого труда свидетельствуют высказывания, которые я позволю себе привести. Профессор Андрей Анатольевич Зализняк говорил публично в МГУ, что за этот словарь профессору Майеновой следовало бы поставить памятник, ибо это самый лучший исторический словарь, который на сегодняшний день существует. Профессор Юрий Дереникович Апресян также утверждал, что лучшего диахронического словаря он не знает. Сохранилось письмо А.П.Евгеньевой, автора «Словаря синонимов русского языка», адресованное Марии Ренате Майеновой и посвященное, в частности, словарю XVI века. И в этом письме тоже выражена глубокая признательность Марии Ренате Майеновой за ее труд.

О многообразии и масштабности работ, которыми руководила профессор Мария Рената Майенова, уже говорилось. Однако настоящий масштаб ее деятельности покажется еще более поразительным, если мы обратимся к сохранившейся переписке. Речь идет о переписке зарубежной. Переписка эта очень обширна, и наибольшее число корреспондентов составляют российские ученые. Среди тех, кто уже ушел от нас, назовем два имени: Юрий Михайлович Лотман и Виктор Владимирович Виноградов.

Знакомство Марии Ренаты Майеновой с Ю.М.Лотманом, одним из основателей тартуско-московской школы семиотики, состоялось в 1967 г. — на конференции в Брно, о чем упоминает Ю.М.Лотман в письме от 3 февраля 1967 года. Их взаимный обмен мыслями продолжался 20 лет...

Интересно проследить эволюцию формы обращения к профессору М.Р.Майеновой — от «Дорогая пани профессор!» (3 февр. 1967), «Дорогая профессор Майенова» (5 февр. 1967), «Дорогая коллега» (14 окт. 1967) и далее, уже через несколько месяцев знакомства — по отчеству: «Уважаемая Мария Львовна», а с 23 мая 1968-го — «Дорогая Мария Львовна».

Такой способ обращения — по имени-отчеству — в русском языке используется только по отношению к своим. Его не используют в отношениях с иностранцами. Среди всех известных мне поляков, поддерживавших контакты с русскими, только к профессору Майеновой обращались таким образом. Подобная форма обращения свидетельствовала о том, что обращавшийся включил адресата в свой круг друзей. Поэтому не удивительно, что профессор Лотман в письме от 1 декабря 1967 г., когда он впервые решился обратиться к Марии Ренате Майеновой по имени-отчеству, считает нужным это объяснить:

...беру на себя смелость назвать Вас в обращении по отчеству — мне говорила Маргарита Ивановна Лекомцева, что Вы сами подсказали ей такую форму обращения; не знаю как отнесетесь к этому Вы, но себя я таким образом избавляю от большого затруднения — слово «коллега» плохо согласуется с прилагательным женского рода.

По отношению к другим людям Юрий Михайлович Лотман использует другие обращения. В тех же самых письмах упоминается «госпожа Пшчеловская», в следующих он упоминает «о Луцилле». Добавим, что профессор Майенова была Марией Львовной для всех ее русских корреспондентов. Дополнительной иллюстрацией того, какое значение имеет обращение по имени и отчеству для российского native speaker'a [носителя языка], служит высказывание Н.Виноградовой.

Дорогая пани Мария Рената! (...) Простите, что не знаю Вашего имени, отчества, и пишу так нескладно. (26 дек. 1965)

Дорогая пани Майенова! Знаю, что Вы «Мария», а по отчеству «Ренатовна»? или нет? Ради бога простите, что так путаю Ваше имя-отчество. Но у Вас оно не принято. Поэтому вначале письма разрешите Вас обнять, пожелать Вам здоровья и принести свои «русские» извинения за неучтивость. (Письмо от 4 янв. 1971)

Проф. Лотман — как и многие другие — считал, что проф. М.Р.Майеновой принадлежит особая миссия в науке и культуре — объединять Восток и Запад. Однако сотрудничество между ними было затруднено, и об этих трудностях упоминается в письмах, полушутливых жалобах, как, например, эта:

Мои письма не доходят —
Слуги верны не доносят,
Слуги верные — злодеи
Уморить меня хотели...
(Русская народная песня)

Для того чтобы заниматься совместной научной деятельностью, необходимо было преодолевать множество внешних барьеров. Мотивация проф. Майеновой была весьма серьезной. Она говорила: «в стране, где русских не любят, проф. Лотман сумел создать кафедру русской литературы, пользующуюся большим уважением».

Профессору Майеновой было очень неприятно услышать формулировку одного из профессоров Института литературных исследований ПАН: «Я не читаю того, что написано подобными закорючками», — которую она цитировала много раз. Она придавала большое значение научной мысли, развивающейся у наших восточных соседей, и приглашала на конференции ученых, высылая им именные приглашения. Делала она это из постоянного опасения, что если приглашение будет направлено в определенный научный институт, то приедут не те, кто для нее был особенно важен. Нередко коллеги из России приезжали на конференции по частному приглашению и не раз останавливались в доме на Сандомерской улице. Все эти встречи отличала особая атмосфера, в которой формировались основы для дальнейших контактов и дружбы, об этом свидетельствуют следующие слова:

Мы очень скучаем без Вас и часто Вас вспоминаем. До сих пор, входя в свой кабинет, я не могу вдруг не испытать сумасшедшей надежды на то,

что увижу Вас в кресле. Это как в детстве — знаешь, что что-то, чего очень хочется, не может произойти, а все думаешь «конечно, не может, — а вдруг...». (Ю.Лотман, 28 дек. 1983)

Следует также сказать о реакции Ю.М.Лотмана на события, происходившие в Польше, на военное положение.

Примите в это трудное время наши самые искренние заверения в любви и солидарности, — писали сын проф. Лотмана Миша с женой 17 декабря 1981 года [сразу после введения военного положения в Польше. — *Ред.*].

А в письме Борису Успенскому от 27 марта 1981 г. [когда существовали опасения, что произойдет советское вторжение в Польшу. — *Ред.*] Юрий Михайлович Лотман, пользуясь эзоповым языком, писал:

Я все время думаю о М[арии] Л[ьвовне] и персонально, и генерально. Боязнь, что мы с Вами вдруг, потеряв стыд и разум, припремся к ней незваные в гости, меня совершенно с ума сводит. Эта мысль не покидает меня ни днем, ни ночью буквально. Я ведь знаю свой характер: мало заср... свой родной дом — надо и всё вокруг.

Работами В.В.Виноградова проф. Майенова интересовалась довольно давно. Еще в 1941 г. она опубликовала в газете «Виленская правда» рецензию на работу Виноградова «Язык Пушкина» (М., 1935), а в «Интернейшнл джорнэл оф славик лингвистикс энд поэтикс» — рецензию на книгу «О языке художественной литературы» (М., 1959). Сохранилась не очень обширная переписка между ними. Ее вела главным образом жена академика Виноградова Н.Малышева (Виноградова). В одном из сохранившихся писем, написанном рукой Виноградова в конце 1965 г., содержится оценка деятельности М.Р.Майеновой.

Я всегда восхищался целеустремленностью Вашей живой и духовной деятельности и рад, что Ваше горение не только не угасает, но и не ослабевает. Кроме того, я должен горячо поблагодарить Вас за то большое внимание, которое Вы оказываете мне. Я с удовольствием прочитал характеристику моих научных работ в Slavia Orientalis. Наконец, Вы проявляете живую заботу о моем здоровье, которая не может не трогать меня. Я получил посланное Вами лек...

Здесь текст обрывается. Письмо было отправлено после смерти В.В.Виноградова его женой — с датой на конверте 11.XI.69.

Эти письма свидетельствуют еще об одной сфере деятельности Марии Ренаты Майеновой — о горячем участии в жизни и делах тех, с кем она была в контакте.

В заключение кое-что о совершенно личном. Мария Рената Майенова любила повторять: «Знаешь, я человек неверующий, но если растение растет, то это чудо Божье!» Она, «неверующий человек», ежегодно заказывала заупокойную службу в день именин Юзефа Майена и в день его смерти. Она также неоднократно высказывала пожелание, чтобы в иной мир ее проводил свящ. Януарий Будзиш. Ксендз Будзиш был связан с кругами полонистов. М.Р.Майенова бывала на его заупокойных литургиях, во время которых он поминал разных людей, связанных с этими кругами. Поминал он и Юзефа Майена, с которым лично знаком не был. К счастью, получилось так, что именно о. Януарий совершал обряд погребения...

Вячеслав Всеволодович Иванов говорил: «С годами вам будет все больше ее не хватать». Так и есть. Есть ощущение некоторой пустыни... Нет вокруг никого, кто обладал бы такими же энциклопедическими знаниями, кто мог бы объединять литературоведение, языковедение, метрику, семиотику и сколько еще самых разных направлений. И с каждым годом растет во мне чувство благодарности за то, что я имела счастье быть с ней знакомой... А ведь минуло уже двадцать лет...

Збигнев Клех

МРМ

Мария Рената Майенова (Рахеля Гуревич) родилась в Белостоке в 1908 г., умерла в Варшаве в 1988-м. Между датами и городами, о которых идет речь, уместилась целая жизнь незаурядного ученого с яркой индивидуальностью.

Согласно представлениям семиотики о явлениях культуры, жизнь — это текст, требующий интерпретации. Биография — что-то вроде палимпсеста, в котором один слой записи просвечивает сквозь другой. Текст жизни МРМ складывается из профессиональной биографии и биографии частной. Как всегда — с той лишь разницей, что это биография, которая весьма поучительна. Языковеды утверждают, что имя собственное — это название особого рода, отличное от остальных выражений в языке. Оно обозначает конкретную личность, именно ту, а не какую-либо иную. В документах Майенова фигурирует как Рахеля Гуревич, Рахеля Каплон (фамилия по первому мужу), а также с измененным именем — как Мария Рената Майенова (фамилия — по второму мужу, а имена — позволившие пережить Катастрофу).

О ней говорили: пани профессор, пани Майенова, пани Рената, МРМ, Мария Львовна. Способ обращения к другому человеку указывает на взаимоотношения, существующие между говорящим и тем, кому или о ком говорится. «Пани профессор» — обращение вежливое, официальное, свидетельствующее о высокой позиции собеседника в иерархии профессий и заслуг. Несколько менее официальным в данном случае было бы использование фамилии вместо указания на профессию. Коллеги из «Лаборатории теоретической поэтики и художественного языка», которую создала Майенова в Институте литературных исследований Польской Академии наук, обычно обращались к ней «пани Рената» (именем Мария она, в сущности, не пользовалась). Молодые сотрудники выбрали официальную формулу, а между собой называли профессора Майенову МРМ.

МРМ — так говорили о Майеновой остававшиеся в кругу ее влияния адепты литературоведения, родившиеся уже после войны. МРМ звучало как марка известной фирмы, как знак качества (сегодня, возможно, сказали бы — логотип). Ибо сама МРМ была своеобразным культурообразующим институтом.

Майенова была литературоведом, теоретиком литературы, редактором научных работ, движущей силой многих важных мероприятий, в частности так называемого парламентского издания Собрания сочинений Яна Кохановского, многотомного, определявшего стандарты работы в области современных гуманитарных наук. Научная работа, редакторские и административные обязанности, которые она на себя брала, Майенова выполняла как «филолог». Так она сама о себе говорила, следуя примеру Романа Якобсона, который, отвечая на заданный ему вопрос, кем же он все-таки является, если берется за столь многочисленные и разнообразные научные проблемы, сказал так: «Я — русский филолог. И точка». Майенова тоже любила говорить о себе подобным образом, с той лишь разницей, что была польским филологом.

И полькой она была по собственному выбору. До 12 лет она говорила на идише. Однако в Белостоке окончила польский лицей, чтобы позднее заниматься полонистикой в Виленском университете им. Стефана Батория у профессора Манфреда Кридля, выдающегося польского историка и теоретика литературы. Контакты с Кридлем оказали на научные взгляды МРМ огромное влияние. Ее можно назвать человеком пограничья, ибо она взрослела на стыке культур. Полученное ею образование не только включало самый высокий уровень профессиональных знаний, но и сформировало линию поведения в отношении «другого», иного человека и вообще помогало выработать свой тип ориентации в мире. Ее называли «ученой дамой». Она хорошо понимала, какие цели стояли перед ней и теми людьми, которые окружали ее в работе. Она словно объединяла Восток и Запад. Старших,

более опытных, — с молодыми. Могло показаться, что она знает всех известных литературоведов. Если она о ком-то говорила: «А его я не знаю», — это означало, что она знает его работы, но еще не познакомилась с ним лично.

Сегодня о научных достижениях судят по числу публикаций и по выходу их в особо ценимых периодических изданиях. Иногда также — по количеству цитирований. Библиография Майеновой насчитывает 267 позиций, включая переводы и редакторские работы, такие как «Словарь польского языка XVI века», значение которого для изучения польской культуры и языка невозможно переоценить.

Работа МРМ всегда была продиктована потребностью познавать. Работа занимала бóльшую часть ее повседневной жизни. Работа была смыслом ее жизни. Речь шла о том, чтобы, познавая прошлое, понять настоящее. Но важны были и сами результаты познания прошлого. Познание — действие, протяженное во времени и требующее значительной затраты энергии. Пани Майенова рассказывала, что когда они вместе с Ежи Ворончаком, специалистом в области литературы и культуры прошлого, работали над одним из проектов, то профессор после многих часов работы сказал, что уже очень устал. После чего вытянулся во всю длину своего роста на полу, но — по словам Майеновой — «книгу из рук не выпустил, продолжая работать». МРМ рассказывала об этом весело и с явным одобрением.

Качество работы было превыше всего. МРМ охотно делилась своими знаниями, и это ее свойство было воспринято окружавшими ее людьми. Лаборатория теоретической поэтики, созданная ею, объединяла их всех, здесь обменивались мнениями, здесь проходили горячие дискуссии и споры с гостями, которые приезжали не только из Польши, но и из других стран. Это было то пространство, где происходило рождение нового. Майенова всегда очень живо интересовалась литературоведческими и лингвистическими новостями. Именно она в значительной степени перенесла на польскую почву и привила здесь идеи тартуско-московской школы семиотики, в кругу ее сподвижников переводились работы Романа Якобсона, Юрия Лотмана. Благодаря ей прославленные представители европейских гуманитарных наук бывали в Польше.

Майенова была связана с русским формализмом, прежде всего благодаря литературоведческим концепциям Кридля. С Пражским лингвистическим кружком, с русской семиотикой. Со структурализмом в его разнообразных вариантах. Так проявлялись тенденции в исследованиях языка, культуры и литературы, нарушавшие устоявшиеся схемы мышления, устаревшие или официально считавшиеся обязательными. После войны формализм был для Майеновой гарантией научного подхода к рассмотрению проблемы. Вопреки действовавшей доктрине она считала, что никакой марксисткой методологии просто не существует. В 1949 г. она писала Манфреду Кридлю, своему учителю и мэтру:

«Господин профессор, сейчас происходит нечто странное, прежние формалисты стали марксистами или, по крайней мере, стараются использовать марксистские лозунги, а прежние традиционалисты вдруг стали исповедовать формализм. Поскольку марксистской теории литературы на самом деле не существует, то формалистическая теория у нас только лишь начинает выкристаллизовываться, она в действительности еще не выработала последовательного языка. Прежние круги, говорившие более или менее на одном языке, хотя бы в смысле взаимного общения, оказались войной разобщены, хаос царит неслыханный».

Профессиональная жизнь МРМ была в принципе посвящена наведению порядка в том хаосе, который она застала после войны. Ее работы, как и вообще ее размышления о литературе и искусстве, опирались на лингвистику. Научные работы, написанные ею, прежде всего те, что касаются теории текста, показывают, как строится литературное высказывание, чтобы стать носителем значения, произведением искусства. «Текст» — это понятие из области лингвистики и теории культуры, которое использовал Юрий Лотман, понятие, указывающее на тот факт, что опорой литературе служит язык и исследовать ее следует прежде всего в этом контексте, что понимание культуры достигается благодаря использованию моделей интерпретации, подобных языковым. Майенова смогла привить на польскую почву понятие «связного текста», разработанное в пражской школе структурализма. Исследование «связности» позволило также обнаружить разницу в конструировании литературного высказывания, разговорного языка и искусства. Майенова смогла развить оригинальную концепцию литературного

произведения, которая, однако, не закрепилась в литературоведении. Прочно укоренилась в литературоведении проблематика актов речи Остина, Майенова ввела ее в польское литературоведение, а творчески развивала в лингвистических концепциях Анна Вежбицкая.

При этом Майенова постоянно что-то устраивала, вдохновляла. Приглашала к сотрудничеству каждого, кому было что сказать нового о языке и культуре, а значит, следовало с ним обменяться мнениями. Она побывала в качестве стипендиата в Америке, где познакомилась с Романом Якобсоном. В ее варшавской квартире на улице Сандомерской встречались выдающиеся представители языкознания и литературоведения школ Запада и Востока. Старые и молодые.

Это был своего рода литературоведческий салон. Здесь происходили заседания Лаборатории теоретической поэтики. Для МРМ так было удобнее, чем ездить на Новый Свет, 72, в Польскую Академию наук. После того как Майенова ушла на пенсию, руководить лабораторией стала профессор Луцилла Пщоловская, но МРМ по-прежнему принимала участие в научной жизни.

Мебель родом из другой эпохи придавала особый стиль атмосфере заваленной книгами квартире на улице Сандомерской. Здесь на рубеже 70-80-х можно было встретить ведущих лингвистов и литературоведов: Анну Вежбицкую, Ежи Барминского, Ежи Аксера. Свои доклады приносили представители молодого поколения, работавшие над кандидатскими и докторскими диссертациями. Важна была оригинальность мысли и работа над методологией, открывающей новые возможности для изучения языка, литературы и культуры. Между исследователями старшего и молодого поколений не существовало дистанции (чему, несомненно, способствовали небольшие в целом размеры квартиры). Обязательным было взаимное уважение, готовность каждого подключиться к решению проблем, с которыми докладчик не справлялся. Дискуссии после выступлений проходили в соответствии с принципом: «Прежде похвалим, а потом уж будем «резать»», которому профессор Пщоловская следовала как девизу семинара одного из своих прежних учителей. Научный салон Маейновой был школой совместной исследовательской работы. Критическому разбору подвергались выступления участников встреч, только что вышедшие книги авторитетных западных и восточных авторов. Любую мысль можно было в принципе опровергнуть, но и в любой из них следовало доискиваться истины, которую стоит запомнить. С одним, правда, исключением: в присутствии МРМ нельзя было критиковать Якобсона, автора «Selected Writings», который почти полностью был переведен на польский язык коллективом ученых, объединившихся вокруг пани Ренаты.

На Сандомерской улице беседовали не только о литературе и языке. Говорили здесь и о друзьях, о том, как чувствует себя после операции Лотман, что слышно у Зары Григорьевны Минц, куда уехал [эмигрировавший из СССР] Игорь Мельчук. Обсуждали положение в стране — эту тему в 80-е годы трудно было обойти вниманием. Собрания на Сандомерской вне всякого сомнения оказывали существенное влияние на польское литературоведение, хотя по сути место это было камерное, скорее для посвященных.

Особенно следует отметить организаторские успехи Майеновой в конце 60-х, когда по ее инициативе в Варшаве были проведены научные конференции (1960 и 1965 гг.), вошедшие в историю этой отрасли знаний. На этих конференциях бывали: Пьер Гиро, Оскар Дюкро, Ю.Д.Апресян, Е.В.Падучева, Б.А.Успенский, В.В.Жирмунский. В конце августа 1968 г. в Варшаве проходил семиотический конгресс, на котором Анна Вежбицкая появилась одетой в цвета чехословацкого флага – в знак протеста против вторжения войск Варшавского договора в эту страну. Она также подвергла анализу смысл фраз: «Это была агрессия. Это была братская помощь».

Благодаря Майеновой несколько раз побывал в Польше Роман Якобсон. Материалы по итогам встреч и конференций были опубликованы в сборниках: «Poetica — Poetyka — Поэтика» (т.1-2, Варшава — Гаага, 1961, 1966) а также «Sign — Language — Kultur» и «Recherches sur les systèmes signifiants» (The Hague 1970, 1973). Варшава получила шанс стать международным центром исследования культуры, впрочем, не без поддержки Юрия Михайловича Лотмана. Когда спустя годы я спросил у пани Майеновой, как в известной политической ситуации все это вообще было возможно, она ответила: «Вы знаете, тогда влиятельным человеком во власти была Евгения Крассовская, с которой мы были знакомы со студенческих лет, и я, обратившись к ней, сказала: «Геня, даже если все они приедут, вряд ли от этого рухнет социализм». И они приехали».

Пани Майенова относилась к литературоведам поколения 1910 года, которое (как писал Януш Славинский) «разбитое вдребезги историей — сумело решающим образом повлиять на сегодняшнее положение дел в нашей дисциплине». В это поколение входили также Казимеж Будзык, Тадеуш Микульский, Казимеж Выка, Стефан Жулкевский. Поколение, которое выработало определенную научную парадигму, а точнее — целый ряд не столько конкурирующих между собой, сколько взаимодополняющих способов заниматься изысканиями в области гуманитарных наук. Способов, основанных на добросовестных и глубоких знаниях, без эмоций, апеллирующих к достижениям в области языкознания, стремящихся к упорядочению и приданию научного характера выводам исследователя. Это та тенденция, которая была отмечена уже в ранних семиотических работах тартуско-московской школы.

Областью научных исследований Марии Ренаты Майеновой была прежде всего поэтика. В самом широком значении этого слова, поскольку в свою последнюю книгу «Теоретическая поэтика. Вопросы языка» Майенова включила анализ «Аккерманских степей», а также интерпретацию диаграммы и карты как своего рода коммуникационных посланий, высказываний. Пани Рената смело вторгалась в пограничные ареалы литературоведения. Если бы пришлось создавать некий индивидуальный миф ее личности, то следовало бы сказать, что она вполне уютно чувствовала себя в пограничных сферах, ведь родилась она там, где как раз и существует пограничье культур. Именно на полпути между Западом и Востоком рождалась та рефлексия по поводу культуры и языка, к которой и сегодня, в наши, называемые новейшими, времена нельзя отнестись равнодушно. Литературоведческие круги Запада и Востока одобряли как деятельность Майеновой, о чем свидетельствует ее обширная переписка (с Лихачевым, Лотманом, Богатыревым, Апресяном), так и сделанное ей предложение занять пост главного редактора журнала «Семиотика» (издательство «Мутон»).

Жизнь, как текст, можно читать самыми разными способами, акцентируя внимание на одних ситуациях и событиях, и обходя вниманием значение других. Жизнь МРМ уже толковалась самым различным образом в выступлениях тех или иных людей по самым разным поводам. Эти люди хорошо знали профессора Майенову и писали о ней в работах, касающихся научного наследия ученого. Жизненный опыт Марии Ренаты Майеновой часто оказывался из разряда таких, которые сильно ограничивают сферу свободы человека. Ее жизнь нельзя назвать ни одномерной, ни однозначной, хотя под фамилиями, которые она использовала, был один и тот же человек. Для нее всегда был характерен оптимизм в жизни и оптимизм в познании. И ей была присуща убежденность в том, что несмотря на многочисленные ограничения мы всё же в состоянии многое сделать. Во время одной из бесед, когда я, будучи молодым, разворачивал перед ней свою дальнейшую профессиональную и жизненную программу, пани Майенова сказала: «Знаете, ваша жизнь зависит от вас в малой степени, но работа, то, сколько и как вы будете работать, — вот это, совершенно точно, зависит от вас».

И это тоже было то послание, которое по-прежнему остается актуальным.

В тексте я использовал высказывания об МРМ в книгах: «Окна памяти. Мария Рената Майенова (1910-1988)». Составители: Б.Ходзько, Э.Фелисяк, Э.Конончук. Белосток, 2003; «Присутствие. Мария Рената Майенова (1910-1988)». Составители: Б.Ходзько, Э.Фелисяк, М.Олеськевич. Белосток, 2006; из вступительной статьи Я.Славинского к «Текстам», 1980, №2 (29). Я использовал также сохранившиеся в моей памяти фрагменты бесед и дискуссий с пани Майеновой, которые постарался по возможности точно передать.

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Профессор Михал Гловинский стал лауреатом премии им. Яна Парандовского за 2008 год. Эта премия присуждается польским ПЕН-клубом за совокупность творческих достижений. Как сказал президент ПЕН-клуба Владислав Бартошевский, эта премия — «признание классического ранга творчества писателя и ученого-гуманитария, его творческого вклада в традиции польской эссеистики и публицистики, удивительного новаторства и наблюдательности ученого-филолога, отслеживающего гротеск новояза, а также выражение почтения по отношению к проникнутому страданием свидетельству времен Катастрофы».

Гловинского (он автор, в частности, воспоминаний «Черные сезоны» и «Мадленка из хлеба с отрубями») ребенком спасла из варшавского гетто Ирена Сендлер (о ней см. «НП», 2008, №6). Много работ он посвятил языку времен ПНР — «Новояз по-польски», «Мартовское пустословие», «Язык в осадном положении».

Три года назад Михал Гловинский дал интересное интервью Терессе Торанской. «Газета выборча» напечатала его под заголовком «Польское пустословие». Гловинский рассказал журналистке об истории своей еврейской семьи, о самочувствии польского еврея в 1968 г. и об отдельных характерных явлениях в польском языке того периода. Он сказал также, что сейчас его больше всего раздражает «антибольшевистский большевизм»:

— Он вырастает из сгущенной, концентрированной ненависти к каждому, кто иначе думает об общественных событиях. Это пропаганда и призывы к линчеванию. Посмотрите, что я вам покажу. «Учредительным актом свободного польского государства в 1989 г. должны были бы стать виселицы на Краковском Предместье в Варшаве перед собором св. Анны и Дворцом Сташица — вот что полагалось от нас нашим врагам. Можно, конечно, сказать, что казни во время восстания Костюшко или восстания 1830 г. ничего полякам не дали — кроме чувства хорошо исполненного патриотического долга. Но это потому, что казни были неудачными и частичными, а не тотальными». Это слова поэта Ярослава Марека Рымкевича, напечатанные в №60 краковского журнала «Аркана». Этот тип антибольшевистского большевизма столь скандален и отвратителен, что у меня нет слов. Просто нет слов.

Интервью, цитату из которого привел Гловинский, относилось к тогда еще не вышедшей книге «Вешанье» (Варшава: «Sic!», 2007). Эта книга Ярослава Марека Рымкевича удостоена в этом году литературной премии им. Юзефа Мацкевича. Основа этого противоречивого исторического эссе — малоизвестные эпизоды восстания Костюшко в Варшаве в 1794 году.

Тема книги — упущенная поляками возможность радикально изменить ход своей истории, к чему могла привести, как утверждает Ярослав Марек Рымкевич, казнь последнего польского короля Станислава Августа Понятовского. До повешения короля дело все же не дошло, хотя в руках народа оказались королевские расписки, т.е. прямое доказательство, что его пассивность щедро оплачивалась Россией. ««Вешанье» — это очень актуальная книга, демонстрирующая механизмы истории, ставящая вопрос об очищающей силе пролитой крови», — сказал писатель Марек Новаковский, председатель жюри премии.

Лауреат при вручении премии, в частности, сказал: «Конечно, мне случалось думать, что в июне 1989-го надо было повесить коммунистов на фонарях на Краковском Предместье, что так для всех нас было бы попросту лучше, — но эти мысли приходили мне в голову, когда я вставал от компьютера. А когда я писал, история поглощала меня полностью, я не сосредотачивался на актуальных соотнесениях, повествование требовало, чтобы я рассказывал».

Литературную премию им. Юзефа Мацкевича в первый раз присудили в 2002 г. к столетию со дня рождения автора «Контры». Премия, учрежденная по частной инициативе, составляет 8 тыс. долларов. Лауреат также получает золотую медаль с портретом Юзефа Мацкевича и цитатой «Только правда любопытна». Напомним, что два года назад из состава жюри премии в знак неприятия антисемитских акцентов в публицистике одного из его членов вышел

Казимеж Орлось (прозаик, автор, в частности, «Дивной малины», в русском переводе напечатанной в 1977 г. в «Континенте», племянник Юзефа Мацкевича).

■ Центральноевропейскую литературную премию «Ангелус», учрежденную в 2006 г. Вроцлавской городской управой, получил в 2008 г. выдающийся венгерский писатель Петер Эстерхази за книгу «Harmonia caelestis» («Небесная гармония»), опубликованную в переводе Тересы Воровской издательством «Чительник». Во время торжественной церемонии во вроцлавском музыкальном театре «Капитоль» председатель жюри Наталья Горбаневская, обосновывая решение о присуждении премии, сказала, что «Небесная гармония» — это, можно сказать, Книга Бытия Центральной и Восточной Европы: «Она словно была создана для «Ангелуса», хотя, когда книга была написана, нашей премии еще не было. Возможно, как раз для нее «мои вроцлавяне» придумали «Ангелус»».

Премия присуждается писателям из стран широко понимаемой Центральной Европы (от Польши до Албании и от Германии до России) за книгу, опубликованную в Польше в предыдущем году. Лауреат получает статуэтку работы Эвы Россано и чек на 150 тыс. злотых.

Родившийся в 1950 г. в Будапеште Петер Эстерхази — потомок одного из самых старинных аристократических родов — в своей книге, выдержанной в библейской стилистике и лучших традициях постмодернизма, рассказывает о судьбе своей семьи в годы коммунизма.

■ Варшава вернулась к традиции присуждения своих литературных премий. В довоенные годы лауреатами общественной премии были, в частности, Тадеуш Бой-Желенский, Поля Гоявичинская, Мария Кунцевич и Леопольд Стафф. Первым лауреатом возрожденной «Литературной премии столичного города Варшавы» в категории «Варшавский творец» (за совокупность литературного творчества) стал Тадеуш Конвицкий, автор «Малого апокалипсиса», получивший 100 тыс. злотых и медаль. Премии по 20 тыс. злотых получили в категориях: «Художественная литература для взрослых» — Юлия Хартвиг за «Избранные стихи», «Художественная литература для детей и молодежи» — Иоанна Кульмова за книгу «Кульмова детям», «Варшавское издание» — варшавские краеведы Томаш Павловский и Ярослав Зелинский, авторы книги «Жолибож. Исторический путеводитель».

■ — На Тадеуше Конвицком держалась группа литераторов, которые поддерживали оппозицию в 70-е годы и позже, а сейчас это крупнейший здравствующий польский писатель, — сказал маршал Сената Богдан Борусевич, принимая писателя в Сенате. Борусевич добавил, что знаком с писателем давно:

— Наши пути пересекались, в частности через деятельность в оппозиции, в Комитете защиты рабочих.

Маршал заявил, что пригласил Конвицкого в Сенат, чтобы «воздать почести, сказать писателю, что его не только читают, но и всюду с радостью ждут, а также — что визит писателя служит престижу тех учреждений, которые тот посещает».

■ Несколькими днями раньше в Катовицкой музыкальной академии писателю вручили статуэтку в связи с присуждением звания «Великого посла польского языка». Это звание присуждает комитет из членов Совета по польскому языку при президиуме Польской Академии наук и приглашенных ими лиц. Почетное звание присуждено Тадеушу Конвицкому «в знак признания его заслуг перед польской литературой, а в особенности за проникнутую духом Речи Посполитой Обоих Народов чуткость к языку, к языковому сознанию нескольких поколений поляков».

— Это очень важный признак того, что начинается борьба за польский язык, который сейчас изрядно коверкается, недооценивается, иногда осмеивается, — комментировал Конвицкий присуждение ему премии. — Я понимаю, что это результат процессов демократизации и царящего сейчас легкомыслия, но наш язык, который еще существует, пока не возобладал глобальный язык, — пусть наш язык живет, радуя своей прелестью и нежной своей метафизикой.

Конвицкий всегда скромно замечал, что пользуется «неправильным» польским языком, «искаженным» кресами (восточными окраинами былой Польши). Жюри с очевидностью признало, что это не искаженный язык, а язык, освященный непостижимым духом кресов. Сердечно поздравляем с обеими наградами!

■ В начале декабря в издательстве «Прушинский и Ко» вышла книга Иоанны Седлецкой «Кличка «Лирика»», написанная на основе архивных материалов, касающихся инфильтрации литературной среды сексотами госбезопасности. Это следующая (после книги «Облава. Судьбы репрессированных писателей», вышедшей в том же издательстве в 2005 г.) весьма спорная работа Седлецкой, основанная на агентурных делах, хранящихся в Институте

национальной памяти (ИНП). Об «Облаве» на страницах журнала «Твурчость» писал Лешек Жулинский: «Седлецкая в большинстве разделов работы затрагивает очень интимные, личные подробности жизни своих героев. Она предает публичному суду факты, которые, с точки зрения охраны тайн частной жизни, должны быть конфиденциальны даже касательно умерших. Седлецкая — это литературный папарацци! Всё мое существо противится этому. Я понимаю, что прочел книгу, связанную с борьбой за историческую истину, но знаю также, что ее материалы словно собраны на грязной свалке. Отбросы, помои, зловоние — и над всем этим кружит черным вороном автор».

«Черный ворон», напомним, — это название тоже нашумевшей книги Седлецкой о Ежи Косинском.

Подробных рецензий на «Кличку «Лирика»» придется еще подождать. Польское агентство печати (ПАП), анонсируя книгу, выхватило одно из наиболее шумных дел: автору удалось добраться до досье Влодзимежа Одоевского, агента по кличке «ВО». Одоевский — известный прозаик, автор многих популярных повестей и романов, изданных в эмиграции и ходивших в самиздате, в частности «Всё засыплет, заметет».

Влодзимеж Одоевский, по мнению Седлецкой, — это особый случай, главным образом потому, что последние 30 лет изображал себя оппозиционером и жертвой режима. В интерпретации Седлецкой Одоевский вел с госбезопасностью собственную игру и, один из немногих, сумел это использовать в своих интересах. С февраля 1964 по декабрь 1968 г. Одоевский доносами, в частности на Ежи Кшиштоня, эффективно блокировал возможность выезда на Запад потенциального конкурента на получение заграничной стажировки. Когда возникла возможность эмиграции, он демонстративно порвал с ГБ, а неизбежные последствия использовал для обретения нимба преследуемого системой писателя.

Так сообщает ПАП. Сам писатель в интервью Кшиштофу Маслоню («Жечпосполита»), озаглавленном «Топор над моей головой», выглядит подавленным тем, что обнародован факт его четырехлетних контактов с офицером ГБ Кшиштофом Майхровским, а также формой и тоном этого разоблачения.

— Не представляю себе, как ходить по Варшаве с клеймом доносчика, — говорит Одоевский в интервью. — Я должен спокойно прочитать книгу, тогда смогу выразить свое отношение к конкретным обвинениям. Сейчас же, по горячим следам, вижу только массу лжи и фальсификаций. Можно было бы этого избежать, если бы Седлецкая вступила в контакт со мной, чего она, однако, не сделала, хотя мы и знакомы.

— Простите, а тогда, в 60-е годы, — спрашивает журналист, — вы могли принять решение одним словом «нет», отвергнуть любые попытки органов вытянуть от вас какую-то информацию? Или отказаться от встреч с Майхровским?

— Это было больше 40 лет назад, столько времени прошло, столько всего случилось... Но на такое «нет» я бы не решился, — отвечает писатель. — Была атмосфера страха, в которой мы жили, а знание, как вести себя с ГБ, как защититься от них, пришло позже. Когда Майхровский вызывал меня — во Дворец Мостовских, на Раковецкую, или «на кофе» в «Гранд-отель», или в пустующую частную квартиру на Муранове (конечно, конспиративную «точку»), — я приходил.

Влодзимеж Одоевский (род. в 1930 в Познани) много лет заведовал отделом культуры и литературы в польской редакции радио «Свободная Европа». Наиболее известен как автор блистательного прозаического произведения «Всё засыплет, заметет» (1973), романа «Оксана» (1999) и катынской повести «Молчащие, непобежденные» (2003). Лауреат многих премий, в т.ч. премии Костельских, Фонда Южиковского, парижской «Культуры», лондонских «Вядомостей», а также Шведского катынского комитета.

В декабре в Польшу приезжал Виктор Ерофеев. Он представлял свою книгу «Русский апокалипсис», вышедшую в издательстве «Чительник» в переводе Анджея де Лазари. Газета «Польска» («Польша») сообщала: «Сегодня в Польше премьера «Русского апокалипсиса» Виктора Ерофеева, enfant terrible литературной России. С радостью сообщаем, что писатель подтвердил свою репутацию скандалиста и неутомимого записного насмешника».

Ерофеев встречался с читателями, в частности в Варшаве и во Вроцлаве, и дал несколько интервью. Журналист «Газеты выборчей» Мартин Войцеховский не отнесся к писателю как к профессиональному «скандалисту» и задал много серьезных вопросов, по преимуществу политических. Спросил, насколько война в Грузии повлияет на отношение среднего россиянина к Западу.

— В отличие от Польши или Европы, люди в России мыслят не в рациональных категориях, а скорее в сказочных, — ответил Ерофеев. — Россия показала в Грузии, что может что-то сделать, по-

ставить условия, которые будут приняты. Это тешит подспудный империализм, сидящий в каждом из нас. Но это вовсе не значит, что русские хотят всех кругом покорить. Здесь, скорее, реванш за трудную ситуацию 90-х годов, своего рода восстановление справедливости, хотя, конечно, в странной форме, — и жаль, что с участием других государств.

Ерофеев добавил также:

— После холодной войны Запад совершал по отношению к России ошибку за ошибкой. В 90-е годы от нас начали зачем-то отдаляться. А тогда мы действительно готовы были принять европейские ценности. Но никому это не было важно. Европе не хватает лидеров масштаба Черчилля, которые не только видели бы в демократии инструмент завоевания власти и удержания ее, но и принимали бы ее как философское понятие. Этот кризис ощущается повсюду на континенте. У меня впечатление, будто демократия села на мель.

В президенте Медведеве писатель разочарован:

— Медведев образованный, интеллигентный, либеральный, но это никак не проявляется. Явно лидирует премьер-министр Путин и стоящие за ним люди в погонах.

Автор «Русского апокалипсиса» считает, что экономический кризис сильно отозвался в России:

— Ожидание, что что-то может случиться, витает в воздухе, но неизвестно, что произойдет и с какой силой. (...) Можно сказать, что Россия ждет своего цунами. Но нельзя предвидеть его силы.

Почти шесть лет продолжалось строительство Краковского оперного театра. Оно обошлось в 107 млн. злотых (в т.ч. 80 миллионов из фондов Евросоюза). Площадь нового здания — 12 тыс. кв. м. Зрительный зал рассчитан на 760 мест, а при концертах — на 820; современное оборудование дает возможность моментально менять декорации, предусмотрено помещение для детских спектаклей и экспериментальная сцена.

Открытие театра прошло 13 декабря. На торжественной церемонии министр культуры Богдан Здроевский сказал: «Трудно представить себе Краков, культурную столицу Польши, без оперного театра». Для премьеры была избрана опера Кшиштофа Пендерецкого «Дьяволы из Лудена» (режиссер Лацо Адамик, музыкальный руководитель постановки Анджей Страшинский). Новое здание освятил кардинал Станислав Дзивиш, после этого быстро и незаметно покинувший театр: наверное, он помнил, что либретто оперы основано на реальной истории князя Урбана Грандье, сожженного на костре в 1634 г. за наведение сатанинской порчи на монахинь обители в Лудене.

«Возможно, кардинал не хотел смотреть «Дьяволов из Лудена», которые в прошлом вызывали столько споров», — пишет на страницах газеты «Жечпосполита» Яцек Марчинский, напоминая, что эта опера Пендерецкого, сегодня самое исполняемое в мире сочинение композитора, когда-то подверглась обвинениям в распространении порнографии. Однако бдительность кардинала, добавляет критик, оказалась чрезмерной: на первый план в спектакле вышла не эротика, а политика.

«Краковский спектакль, — замечает Марчинский, — показывает власть, которая успешно устраняет своих противников. С этой целью она пользуется ложью, инсценированным правосудием и пытками, а ей всегда помогают низкие души, поставляя добровольные доносы и фальшивые обвинения. Мы хорошо это знаем из нашей истории XX века и до сих пор наблюдаем это в мире».

В декабре Барбаре Крафт, одной из самых популярных польских актрис, исполнилось 80 лет. Зрители помнят ее по многим замечательным ролям в театре и кино. Она играла в таких фильмах, как «Пепел и алмаз» Анджея Вайды, «Никто не зовет» Казимежа Куца, «Рукопись, найденная в Сарагосе» и «Как быть любимой» Войцеха Ежи Хаса, исполнила роль Гонораты в сериале «Четыре танкиста и собака». Барбара Крафт — незабываемая исполнительница песен в «Кабаре пожилых господ» (в частности, «Проклинаю тебя»). В день рождения актрисы в варшавском «Театре на Воле» им. Тадеуша Ломницкого прошла премьера пьесы Ремигиуша Гжели «Глаза Бриджит Бардо». Героиня, бывшая учительница музыка Анастасия Р., дожив до ста лет, решает отправиться в путешествие своей жизни — на такси к Лазурному берегу. Она организует кастинг для водителей, на который прибывает господин Збыня (эту роль сыграл Мариан Котиняк). Пьеса была написана специально по заказу Барбары Крафт. Единственным условием юбиляра было следующее: «Это должна быть веселая пьеса, дающая надежду, убеждающая, что не следует забывать о мечтах; а возраст не имеет значения, если человек старается оставаться молодым».

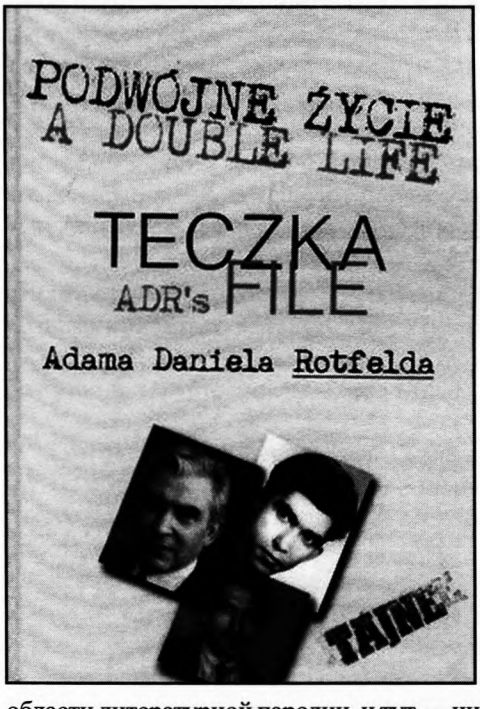
Яцек Федорович

ДОВОЖУ ДО ВАШЕГО СВЕДЕНИЯ, ЧТО «ДОСЬЕ» ВСЕМ ДОСТУПНО...

Года полтора тому назад более или менее излюбленным занятием желтой прессы и телевидения стало выслеживание бывших сексотов госбезопасности. Интерес СМИ к этой теме можно было объяснить не только вполне здравым интуитивным желанием лишить влияния на политику бывших шпиков по призванию (многие ведь становились агентами в результате шантажа), но и желанием предложить потребителю информации с берегов Вислы то, что он больше всего любит, — информацию о том, что кто-то другой оказался свиньей. В свою очередь интерес властей объяснялся стремлением скомпрометировать как можно большее число политических противников. Что, как известно, необычайно помогает правящей верхушке осуществлять власть.

Люстрация принесла не только определенные результаты, но и побочные эффекты: удалось поссорить между собой огромные массы общественности, удалось также убедить некоторых в том, что агентом мог быть любой.

Однако продолжительная и изобилующая самыми разными событиями люстрационная акция после короткого периода восторга, вызванного в массах, подверглась девальвации, как подвергается любая другая чрезмерность.

Свой вклад в это богоугодное дело вносит и вышедшая в издательстве «Магнум» книга под названием «Досье, или Двойная жизнь Адама Даниэля Ротфельда».

Оговоримся сразу четко и однозначно, что настоящая цель этой книги — не простая насмешка над люстрацией, но описание выдающейся фигуры в мире науки и дипломатии, а средство, которое было для этого избрано, — пародии на доносы, рапорты и протоколы допросов — делает ее весьма увлекательной, а местами невероятно смешной. «Досье», о чем информирует нас титульный лист, подготовлено Люстрационной группой во главе с Романом Кузьняром — Главным расследователем (на гражданке — директором Института международных дел). И состоит оно из 27 текстов, написанных друзьями, знакомыми и коллегами доктора наук профессора Адама Даниэля Ротфельда, бывшего министра иностранных дел, которого авторы «доносов», иногда в качестве ОСС — общественных секретных сотрудников, иногда в качестве ИИИ — индивидуальных источников информации, называют «объектом», «подозреваемым» или «фигурантом». Тексты выдержаны в стиле доноса, и это приводит к забавным эффектам, не раз позволяя обнаружить немалый талант в области литературной пародии, и тут — никоим образом не умаляя заслуг других авторов — невозможно удержаться от реверанса режиссеру Янушу Маевскому, бывшему премьер-министру Влодзимежу Цимошевичу и Александру Смоляру, который в своем стремлении быть как можно более правдивым так увлекся, что к протоколу своих показаний — которые отстукал на допотопной пишущей машинке «Олимпия» — присовокупил комментарии воображаемого следователя, настолько точно составленные, что у меня было полное ощущение, будто я слышу гэбэшника тех лет.

Книга буквально кишит фамилиями знаменитых авторов, польских и зарубежных, но не все тексты написаны в стиле гэбэшных «досье». И это очень хорошо, иначе, наверное, трудно было бы выдержать. В наше стремительно бегущее время жизнь довольно быстро переходит границы иронии. То, что вчера было пародией, сегодня может стать официальным высказыванием высокопоставленного сановника. Иронизируя, необходимо постоянно помнить и о том, что подрастают всё новые поколения читателей, которым не всякая ирония будет ясна, поэтому хорошо, что в книге оказались и такие тексты, которые написаны напрямую, выпадающие из стиля условности, и это, повторяю, пошло книге только на пользу. Дело же тут не в какой-то формальной рисовке, а в том, чтобы рассказать о главном герое, человеке весьма обаятельном, независимо от того, как его описывают. Посол Анджей Товпик в определенный момент просто отказывается высказываться о некоторых вопросах в шутливом тоне, и трудно отказать ему в правоте, ибо он приводит беседу с Адамом Ротфельдом, состоявшуюся в 1968 г., когда на волне «антисионистских» нападок Ротфельда вынуждали эмигрировать. Впрочем, из многих описаний мы узнаём, какой трудной была жизнь этого паренька из местечка Перемышляны под Львовом, родившегося за неделю до аншлюса Австрии в 1938 г., которого во время войны монахи ордена студитов укрывали под чужой фамилией в монастыре на Украине и который впоследствии воспитывался в детском доме в Кракове.

Когда о человеке пишут друзья, причем по случаю его приближающегося 70-летия, когда книга призвана сыграть роль своеобразного именинного пирога, можно предположить, что собранные в ней воспоминания будут до боли напоминать апологию. Ничего не скажешь, «Досье» — не обвинительный акт против Адама Ротфельда, в нем не содержится списка отрицательных черт и указателя грехов. Но раз здесь приводятся проверяемые факты, события или наблюдения, преподнесенные двадцатью семью авторами независимо друг от друга и без взаимных консультаций, то перед нами возникает достоверный образ человека, которого невозможно недооценивать. Вряд ли может быть результатом заговора или манипуляций издательства то, что Ротфельд предстает эрудитом и политиком, прирожденным дипломатом, а при этом еще и обаятельным человеком, которого всякий хотел бы иметь в друзьях, особенно в трудные моменты, требующие как ловкости, так и порядочности. Обе эти черты редко наличествуют одновременно. Но обе имеются у юбиляра.

Если бы вдруг — всякое может случиться — разразилась межгалактическая война и мир встал перед необходимостью направить какого-то человека в качестве переговорщика, представляющего нашу планету, и если бы я мог повлиять на выбор такого переговорщика — я бы без колебаний указал на Адама Даниэля Ротфельда.

Яцек Федорович (1937 г.р.) — сатирик, актер, рисовальщик. Один из основателей кабаре «Бим-бом» (1954), автор множества юмористических теле- и радиопрограмм . Начиная с 1981 участвовал исключительно в независимых культурных инициативах. В настоящее время фельетонист и комментатор «Газеты выборчей».

Богдан Поцей

РУССКАЯ МОНОГРАФИЯ О ВАНДЕ ЛАНДОВСКОЙ

В 2009 г. исполнится полвека со дня кончины Ванды Ландовской (1879-1959). Надеемся, что культурный мир должным образом отметит эту годовщину, объявив 2009 год Годом Ванды Ландовской, и что в рамках этого года на мировых рынках появятся: прежде всего полный комплект ее записей (а записывала она, к счастью, довольно много), выпущенный какой-либо из ведущих фонографических фирм («RCA VIctor», «Naxos», «Harmonia Mundi»?); ее избранные теоретические работы и публицистика в переводах на различные языки; и вдобавок — новые статьи, исследования и книги, посвященные ей...

Анонсируя и как бы опережая Год Ванды Ландовской, я хотел бы напомнить один посвященный ей труд — правда, уже не самый новый, опубликованный в 1999 г. (к 40-летию со дня ее смерти), но чрезвычайно весомый, — монографию «Ванда Ландовская и возрождение клавесина» русского музыковеда В.А.Шекалова, выпущенную в свет издательством «Канон» в Санкт-Петербурге микроскопическим тиражом 500 экземпляров.

По случаю предстоящего Года Ландовской рекомендую эту книгу пристальному вниманию польских издателей, занимающихся музыкальной литературой: ее на самом деле имеет смысл перевести и напечатать тиражом, хотя бы в два раза превышающим российский! Тем более что польская литература о Ландовской скорее бедна и ограничивается разбросанными по журналам статьями, очерками, набросками, рецензиями и упоминаниями в энциклопедиях (единственная сколько-нибудь крупная публикация, появившаяся в Польше за последние годы, — это посвященный Ландовской специальный номер (1994) журнала «Canor», который занимается проблемами старинной музыки). А ведь речь в данном случае идет о личности, принадлежащей к той исключительной плеяде музыкантов, которым по праву причитается звание **гениев музыкального исполнительства** (лично я с учетом моей осведомленности в музыкальном исполнительстве XX века мог бы отнести к этой категории еще только Тосканини и Фуртвенглера, Глена Гульда, Кэтлин Ферриер и Дитриха Фишер-Дискау).

Кем была Ванда Ландовская? (Здесь, в связи с книгой Шекалова, это нелишне напомнить.)

По образованию и традициям — пианисткой, ученицей Александра Михаловского в Варшавской консерватории, которая ведет свою музыкальную генеалогию от великолепной позднеромантической школы, отмеченной в частности (а может быть, главным образом) блистательными именами польских музыкантов. Однако в определенный — ранний — момент своего художественного пути, глубоко изучая музыку мастеров XVIII столетия, Ландовская была очарована инструментом старше фортепьяно, его предком с двумя клавиатурами и совсем иным звуком: **клавесином**, который во времена ее молодости начали — в Германии и Франции — постепенно возвращать в концертную жизнь. И Ландовская «изменила» роялю (хоть и не полностью) ради клавесина — инструмента, в годы ее молодости необычайного, прямо-таки экзотического. А вскоре она стала страстной пропагандисткой клавесина, инициатором его ренессанса и ввела обычай исполнять «фортепьянные» (якобы!) сочинения мастеров эпохи барокко: Баха, Генделя и Скарлатти, Куперена и Рамо — на клавесине, для которого они и были написаны. По ее проекту и указаниям в известной французской фирме «Плейель» была сконструирована модель современного клавесина, который сделал всемирную карьеру.

Полька, родившаяся в Варшаве, она почти всю свою творческую жизнь прожила за пределами родной страны: в Германии, Франции, а после начала II Мировой войны — в США. В межвоенные годы она давала концерты и в Польше.

В своем имении Сен-Ле-ла-Форе под Парижем она основала Школу старинной музыки, пользовавшуюся мировой славой, и руководила ею. Ее артистический гений с равной силой проявлялся как в игре, так и в преподавании. За возвращение великим ценностям старинной музыки подобающего им места в современной культуре Ландовская боролась главным образом собственным исполнительским искусством, но также и пером — в научных работах и очерках, написанных с литературным блеском, творческой фантазией и публицистическим темпераментом, и всё это подкреплялось глубокими и основательными знаниями. Сегодня мы видим в ней великого предвестника той обширной дисциплины — практической и теоретической интерпретации старинной музыки, — которая так пышно расцветает и развивается вокруг нас (да и тем, что Польша тоже располагает сегодня по меньшей мере двумя поколениями превосходных клавесинистов, мы обязаны, в частности, покровительству Ландовской!). Однако даже эта деятельность и это новаторство предтечи, обеспечившее ей почетное место в истории культуры, — далеко не единственная причина того, что Ландовская сегодня для нас, особенно для тех, кто любит музыку эпохи барокко, — столь впечатляюще живая фигура, пожалуй, самая живая — наряду с гением дирижерской палочки Тосканини — среди всех великих исполнителей первой половины прошлого века, которые уже могли закрепить свое искусство в записях. Тому обстоятельству, что для меня Ванда Ландовская — живо представляемая личность, я обязан записанной ею музыке: прелюдиям и фугам Баха, сонатам Скарлатти, миниатюрам Куперена и Рамо. В каждой из ее записей проявляется ее необычная индивидуальность — настолько они убедительны, настолько выразительны и красноречивы (несмотря на то, что так далеки от технического совершенства сегодняшних записей). Что больше всего поражает в этих записях? Сила самой музыки, которую я назвал бы внутренней мощью художественной формы (а это и есть в музыке самое важное!), а также захватывающее воображение. Два этих полярно противоположных качества здесь полностью созвучны.

Можно сказать, что Ландовская, наследница романтических традиций, играя с огромным темпераментом (ритм, танец) — удерживаемым, тем не менее, в узде дисциплиной формы, — обогащает музыку колдовскими поэтическими чарами, а самой слышимости музыки — через чарующее звучание клавесина — словно бы придает какую-то почти наглядную образность. В ее игре, такой идеально точной, прямо-таки чувствуется та самая «взаимосвязь искусств» (как ее понимали романтики) — взаимодействие поэтической фантазии с живописным и театральным воображением...

Книга В. А. Шекалова о Ландовской очень пригодилась бы на нашем издательском рынке многим — исполнителям старинной музыки, людям, пишущим о ней, меломанам.

В области музыки эта работа — великолепный пример **тотальной монографии**. Что это означает? Прежде всего то, что ее автор — не силясь построить какую-то оригинальную концепцию и принципиально придерживаясь хорошо проверенных образцов в этой области — руководствовался основополагающим постулатом — императивом! — того жанра (литературного — в широком смысле), в котором он пишет, а именно: охват и разработка всего предмета в целом. Мы же в этом целом различаем (традиционно) три основные сферы: жизнь (то есть биографию в узком смысле), творчество (опыт, достижения, деятельность), окружающую среду (по-немецки вернее — Umwelt, окружающий мир).

Очевидный атрибут составления тотальной монографии — научный метод, опирающийся на достоверные источники. Такая монография уже как бы по определению документальна. Столь же важно и очевидно следующее: автор тотальной монографии должен быть в своей области еще и историком, обладающим историческими знаниями и, что важнее, наделенным историческим чутьем, интуицией историка. Работа Шекалова прекрасно удовлетворяет и этому требованию, о чем свидетельствуют хотя бы три обширных исторических отступления — проекции в прошлое, в перспективу истории, — в разных местах книги.

Хорошо также, если в тотальной монографии есть какая-то одна путеводная нить, ось, точка отсчета, центр тяжести, на который ориентировано целое. Такой путеводной нитью, лейтмотивом, cantus firmus книги Шекалова служит возрожденный благодаря Ландовской **клавесин**. В ее артистической жизни этот инструмент выполнял функцию компаса и дорожного знака. Он был духовным мотором — spiritus movens, — вдохновителем всего ее музыкального опыта, начинаний, достижений. Волшебным образом оживленный гением клавесинистки, он притягивал и собирал вокруг нее многочисленных учеников (а Ландовская воспитала по крайней мере два их поколения, и среди них — таких выдающихся клавесинистов, как Руджеро Герлин); манил клавесин и современных композиторов, к примеру таких, как Мануэль де Фалья или Франсис Пуленк, которые писали для Ландовской свои концерты.

Шекалов точно и детально представляет жизненный путь Ландовской: ее корни и семейный дом; годы ученья, художественные успехи перед I Мировой войной; расцвет индивидуальности и апогей деятельности в межвоенные годы, сфокусированной вокруг упоминавшегося центра (как пишет Шекалов, «храма») под Парижем. Наконец, американские, уже послевоенные годы поздней полноты и завершенности, синтеза, подведения итогов (именно тогда, в частности, она записала гениальный баховский «Хорошо темперированный клавир»).

Жизненный путь Ванды Ландовской Шекалов рисует на очень широком и дифференцированном фоне, давая замечательную панораму артистической жизни Европы и Америки ее эпохи. На страницах этой книги перед нами проходит множество фигур самых разных артистов — прославленных, известных и менее известных (даже именной указатель переполнен ими!). Отдельная глава посвящена также, что особенно важно для российского читателя, выступлениям, концертам и контактам Ландовской в России (разумеется, дореволюционной!), кульминацией чего была ее поездка ко Льву Толстому в Ясную Поляну.

Особенно увлекательны те главы книги, где автор глубже всего погружается в суть дела, в самое субстанцию предмета своего труда, обсуждая и анализируя деятельность Ландовской, ее **творчество** (исполнение музыки, ознаменованное гениальностью, — это тоже творчество, и в полном смысле слова!). Делает он это с фундаментальным и всесторонним знанием предмета. Ландовская действовала параллельно и плодотворно в нескольких разных плоскостях: давая концерты и записывая музыку — как гениальная исполнительница клавесинной музыки XVII и XVIII столетий, в своем искусстве не имеющая себе равных до сегодняшнего дня; как замечательный педагог; как автор многочисленных теоретических, публицистических, критических и полемических работ; как редактор издания фортепьянных и клавесинных произведений (особенно в первый период своей деятельности).

Еще раз просматривая книгу Шекалова, я отдаю себе отчет в том, какого огромного **труда** — отнимающего массу времени, многолетнего, зачастую кропотливого, архивного, мелочного — требовало составление такой монографии!

Чтение этой книги убедительно свидетельствует, что ее автор — в своей музыкально-литературной личности — сочетает два кардинальных качества, не всегда встречающиеся вместе: добросовестность и скрупулезность ученого с большим писательским талантом. Книга, написанная с чувством, живым языком, заинтересовывает, увлекает, втягивает в свой предмет. Давая нам превосходно проработанную сумму знаний о Ванде Ландовской, это одновременно книга **для чтения** — в наилучшем смысле этого слова, — а в потенциале она еще и подталкивает к **прослушиванию**. Потому-то ее возможное в будущем польское издание я бы видел дополненным двумя-тремя дисками с избранным из самых выдающихся записей гениальной клавесинистки.

От редакции: Книги самой Ванды Ландовской по-русски издавались дважды: *Ванда Ландовская. Старинная музыка. М., изд. П. Юргенсона. 1913; Ванда Ландовска. О музыке. Пер. с англ. А.Майкапара. М., «Радуга», 1991.*

Богдан Поцей — выдающийся польский музыковед, знаток романтической музыки, Баха и Малера.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В последнем номере гданьского **«Пшеглёнда политичного»** («Политического обозрения», №90, 2008) напечатана большая статья социолога и специалиста по русской философской и общественной мысли Мариана Броды «Россия и ее Путин». Это первая за долгое время попытка глубокого анализа политических перемен в России при ее бывшем президенте:

«При диагностировании и оценке характера, результатов и последствий деятельности путинской власти нужно прежде всего избавиться от искушения декретировать простые объяснительные формулировки и абсолютизировать по своей прихоти значение отдельных элементов, вырванных из сложного контекста более общих и устойчивых условий и проблем — удела нынешней России. В особенности следует отдавать себе отчет в нескольких нижеследующих обстоятельствах.

Во-первых, после распада СССР политическая власть в России несла два подхода: авторитарный и демократический. (...)

Во-вторых, широкий политический отклик на заявления и действия Путина и их общественное одобрение были не случайны. (...) Они отвечали глубоко укорененным убеждениям, чаяниям и амбициям миллионов его соотечественников, согласуя, как считали многочисленные сторонники, взаимно исключающиеся при другом подходе ценности и цели. Указывая путь в будущее и намного бóльшую по сравнению с коммунистическими временами открытость к Западу, они одновременно позволяли «вернуться домой» и возродить традиционные политические и национальные ценности. (...)

В-третьих, тип и масштаб чаяний российских граждан по отношению к власти — которую они веками персонифицировали, т.е. власти самодержавной, — носят особый характер: управление, руководство, сила, порядок, самосознание, закон, правда и справедливость интегрально связаны друг с другом, а по-настоящему легитимной становится лишь власть (и властитель), способная ответить на такую тотальность чаяний. С ней не заключают «договора», регулирующего взаимные права и обязанности обеих сторон, но, как это типично для религиозного или квази-религиозного акта, безоговорочно отдаются власти во власть, доверяют ей самих себя. (...) В русском сознании и политических традициях власть веками остается носителем и инструментом высшей — религиозной либо идеологической — Истины, наделяющей ее особым статусом и особыми полномочиями.

В-четвертых, крайне сомнительно, чтобы принципиально иная политико-идеологическая и экономическая программа (особенно либеральная в западном стиле) в обозримом будущем могла стать в России альтернативной основой общественной консолидации и перестройки. (...) В российскую ментальность глубоко вписано не только желание идти своим путем, но и — каждый раз усиливающийся в периоды ослабления власти — страх перед социальным хаосом и распадом. Защиты от них ищут в форсированном восстановлении мощи центральной власти, отождествляемой не столько с гарантией, сколько прямо с основой социального порядка и даже самого существования государства в мире, якобы неизменно враждебном России. (...) Глубоко укорененная и широко распространенная уверенность, что Россия всегда вызывает у других государств враждебные чувства и никто чужой ей добра не желает, а русский человек не может обойтись без сильной руки власти, которая руководит его поступками, и декларируемая готовность отказаться от политических свобод ради покоя и порядка в стране остаются устойчивым элементом российской действительности.

В-пятых, в той степени, в какой путинская формулировка решения российских проблем остается — что одновременно составляет важную посылку ее воздействия и общественного резонанса — в рамках традиционных институциональных структур и коррелирующего с ними образа мысли и действий, результат которых в значительной мере — сегодняшняя российская действительность, она фактически становится новым звеном в процессах их дальнейшего воспроизведения. До сих пор

— и этим в отношении будущего России нельзя пренебречь, но нельзя и придавать этому роковое значение — она протекает в рамках упрочившегося веками алгоритма: авторитаризм — смута — авторитаризм... Наличие тенденции к частичному воспроизведению прежних структур, сословий и позиций, с культом мощи центральной власти как панацеей на все проблемы, включая опасности и трудности, разумеется, вовсе не определяет форму и будущие судьбы страны автоматически. Однако можно ожидать, что влияние подобных тенденций, сильно укорененное в политических традициях и разрушительное для перспектив формирования настоящего плюрализма, законности и демократии, будет тем больше, чем больше российское общество и международная общественность будут пренебрегать их наличием, а сама власть не начнет — не будет вынуждена — избавляться от навыка и соблазна делать из авторитарно-имперских традиций государства основу и образец своих действий, в очередной раз формирующих ново-старый облик России.

В-шестых, анализируя не только программные тексты, речи, высказывания или законодательные предложения, но и сами правовые акты российской власти, следует помнить, что в тамошних традициях властителю и власти приписывается особый статус «воплощенного права». Многие законы, не говоря уже о проектах их принятия, формулируются не с замыслом действительного проведения в жизнь — они остаются чистым идеологическим актом, ритуальным жестом Властвующего. (...) Следует помнить, что для принципиально авторитарной власти демократические институты и свободы ценны лишь постольку, поскольку (...) нужны ей тогда, когда (...) они скорее укрепляют и упрочивают существующую политическую систему, а не угрожают ее стабильности и положению самой власти. (...)

В-седьмых, в сознании многих граждан России парламент, независимые от власти СМИ, политические партии и общественные организации — это не столько институциональные гаранты гражданских прав и свобод, сколько инструмент борьбы частных интересов олигархов и политиков. Кремлевская власть и подчиненные ей СМИ укрепляют подобный образ мыслей, глубоко укорененный в русском сознании, в котором артикулированные претензии личности и групп относительно их сферы свободы, действительно ограничивающей государственное вмешательство, воспринимаются как замыслы и деяния антинародные и антиобщественные, направляемые извне и служащие врагам России. (...) Правление Путина восстановило (...) нормальную в России ситуацию, когда локализованная в центре государственная власть оказывается способной проявить свою мощь, остальные политические силы подвергаются радикальной маргинализации, а имеющая значение оппозиция перестает существовать. (...)

В-восьмых, тот факт, что власть в России — включая путинскую — по-прежнему стоит превыше закона и ее самодержавные поползновения не сталкиваются со значительным отпором, а куда чаще встречают общественное понимание и поддержку, вовсе не означает неограниченных возможностей страны в модернизации и развитии или абсолютной свободы действий власти. Общественная легитимизация власти, опирающаяся на авторитарный элемент и способность проявлять мощь, а также угроза деструктивных последствий обстоятельств, в которых эта способность пропадет, укрепляют тенденцию к сохранению традиционной модели отношений между политическим центром и обществом и вообще традиционного общественного порядка. (...)

В-девятых, западное мышление о России издавна отягощено мифом о том, что ее якобы естественным предназначением была принадлежность к Европе и что в ныне переживаемый период это может осуществиться, разве что она выберет русский либо азиатский деспотизм, тем самым окончательно избавляясь от европейских влияний на свой облик. В указанном контексте часто толковались различные решения российской власти, в особенности политические шаги Путина и его команды, особенно в начальный период путинского правления. Авторы таких интерпетаций не переставали утверждаться в односторонних надеждах, расчетах и оценках даже тогда, когда им приходилось бросаться из крайности в крайность. Можно ожидать, что проявления подобного образа мыслей о России и ее будущем заново возродятся при ближайшем хоть сколько-нибудь благоприятном случае».

В заключение этого анализа автор пишет:

«Основной чертой российской действительности последних столетий представляется постоянно воспроизводимая имперская структура вместе с имперскими традициями; они создают свои объективизации и аналоги в сознании и институтах, в умах, обществе, культуре, нравственности и идеологии. Поддержка, оказанная Путину решительным большинством российских граждан, сопровождается убеждением, что он воплощает желанное, веками сакрализованное могущество империи, способное спасти страну от внешних и внутренних врагов, от хаоса и распада. Новое вступление России на путь, направленный к восстановлению имперских традиций, что наблюдается там в последние годы, большинству ее жителей по-прежнему кажется чем-то более простым и естественным (...) чем попытки произвести фундаментальную переоценку этих традиций. Ибо такая переоценка должна затронуть самые основы национального самосознания и связанного с ними типа социального порядка, ментальных структур, национальных амбиций и культурных образцов. Приоритет имперской ориентации, амбиция идти своим собственным путем и заново актуализированная идея «сильного государства» могут вести (...) к тому, что вопрос о принадлежности или непринадлежности России к Европе станет в культуре и сознании весьма относительным. Разве что в представимых обстоятельствах нарастания китайской или исламской угрозы выбор европейской принадлежности вновь окажется опорой и легитимизацией национального самосознания, в очередной раз пуская в ход (...) сложный комплекс сталкивающихся друг с другом тенденций и контртенденций развития».

Как переводятся эти по сути теоретические рассуждения на язык практики? Иначе говоря, как Европа должна поставить себя по отношению к России? На эти вопросы пытается ответить французский философ Андре Глюксман в интервью **«Европе»**, еженедельному приложению к газете **«Дзенник»** (2008, №49), озаглавленном «Евросоюз неспособен использовать слабости Кремля». Обращаясь к теме экономического кризиса и снижающихся цен на нефть, Глюксман подчеркивает:

«У Кремля есть только два сценария. Или он займет более мягкую позицию в контактах с Западом (...) или Россию охватит отрежиссированное безумие: она будет считать, что должна кусаться, ибо так легче всего скрыть собственную слабость. В обоих случаях реакция Запада должна быть одинаковой. Если Россия признает свою слабость, то не будет никаких причин ей уступать. Если выберет отрежиссированное безумие, чтобы скрыть свою слабость, — тогда тем более не будет причин ей уступать. В обоих случаях не следует вести с Россией переговоры с позиции более слабого, ибо слабее она. (...)

Нет ничего удивительного в том, что все кремлевские пропагандисты настаивают на слабости Европы и силе России. (...) Единственная цель кремлевских спин-докторов — лгать так, чтобы западные журналисты их слушали и при этом никогда не задумывались, правда ли это. (...) Я не понимаю, какая выгода могла бы вытекать из сближения с Москвой. На нефть устанавливаются мировые цены, а Россия и так вынуждена ее продавать. (...) Таким образом, пока что нет ни одной рациональной причины склоняться перед российским шантажом. Зато существует возможность контршантажа: у России нет возможности складировать непроданную нефть или непроданный газ. Так что не приходится говорить о принципиальной слабости Европы перед лицом России.

Единственное затруднение состоит в том, что в Европе нет согласия, нет общей энергетической политики. Россия не может нам дать ничего, кроме правильных расчетов. Это значит, что Россия не будет подрывать независимость государств, завоевавших ее после падения Берлинской стены. (...)

В гипотезе о новой холодной войне фальшиво слово «война». Так и сегодняшняя — к сожалению успешная — стратегия России на Украине: Путин делает там, что ему вздумается, — состоит в игре на внутренних расхождениях между украинцами в сочетании с шантажом повышения цен на горючее и коррупцией. Зачем Путину в такой ситуации устраивать вооруженный конфликт в Крыму? Если, конечно, исключить возможность приступа сумасшествия».

Одновременно Глюксман обращает внимание на «дурной пример», каким может стать для граждан России серия революционных переворотов в постсоветских странах:

«Быть может, нет шансов, что Путин будет свергнут. Однако в дальней перспективе хорошо функционирующая демократическая Украина и сдерживающая коррупцию Грузия станут угрозой для путинского режима. Поэтому Европа должна поддерживать Саакашвили и украинцев в их устремлениях к независимости и демократии».

Между тем Запад все время ведет себя двусмысленно:

«В то же время нынешние лидеры Франции — Саркози и Кушнер — ведут двойную игру. Они неспособны занять ясную позицию по отношению к России. Например, если они поняли, что Путин — не ягненок, то Медведева они считают умеренным. (...) Не подлежит сомнению, что Саркози ошибается. Точно так же, как все западные лидеры раньше ошиблись насчет Путина: Буш увидел у него в глазах небесную лазурь, Блэр пошел с ним в Санкт-Петербурге слушать оперу еще до того, как Путина избрали, что было своего рода помазанием. Я уж не говорю о Шрёдере или Берлускони. Поражает прежде всего фантастическая неспособность западных лидеров понимать истинные мотивы российской власти. (...)

Поскольку Россия не может стать по-настоящему мощным государством, ее главной целью стало причинять вред. Благодаря ядерному оружию, благодаря продаже обычного оружия по всей планете, а также благодаря продаже нефти и газа Кремль в состоянии сеять тревогу и панику — примером пусть послужит поддержка, оказанная Чавесу. Западные лидеры отдают себе в этом отчет крайне медленно, с большим трудом. (...) Есть такие, кто хочет противостоять России, что на практике может означать только одно: переговоры с позиции объединенной Европы, то есть с позиции силы. Так поступают англичане, скандинавские страны, Польша и, разумеется, прибалтийские государства. И есть такие, кто устраивает свои дела в сторонке. У немцев свои дела с Россией, у Берлускони — тоже, у греков — аналогично. Так же ведут себя Болгария и Венгрия. А Франция хромает — она по отношению к России независимей, чем Германия, но в то же время хочет спасать Евросоюз, а он опирается на франко-немецкое согласие. И всё блокируется, так как Германия не хочет ссориться с Россией... Мне совершенно ясно, что российская политика Европы прежде всего зависит от того, что происходит в Германии (...) Перед нами гигантская иллюзия идеологического порядка. Немцы считают, что Россия могла бы стать их новой колонией, что они могли бы сыграть роль, которую играли в XIX веке, — роль администраторов царской империи. Они убеждены, что обладают интеллектуальным и технологическим превосходством над Россией. (...) На мой взгляд, обмишурятся здесь немцы, а не русские. Потому что немцам и в голову не приходит, какой цинизм и нигилизм царит в правящих верхах России. Однако нигилизм куда умнее наивности — даже наивности в исполнении немецких промышленников и политиков».

Вопрос о том, как сосуществовать с Россией, сегодня перестает быть вопросом, которым задаются лишь ее ближайшие соседи. С польской точки зрения важен, однако (что прямо вытекает из замечаний Глюксмана), следующий вопрос: остаемся ли мы по-прежнему страной, расположенной между Россией и Германией или же вместе с Германией вырабатываем в рамках Евросоюза политику в отношении России? И похоже, что этот вопрос всё еще остается открытым.

Магдалена Байер

ОТ НАС ТРЕБОВАЛАСЬ ПОРЯДОЧНОСТЬ...

Жировицы

«Всего в нескольких милях к югу от города Слоним, на старом тракте, в сторону Бытеня ведущем, лежит местечко Жировицы, известное в истории чудотворной иконой Матери Божией Жировицкой, уже пять столетий своими чудесами прославленной и покровительницей Унии слывущей. Леса здешние, некогда огромные, были в собственность литовскому королевскому казначею Александру Солтану королем Казимиром Ягеллоном пожалованы. Как старая легенда гласит, в Лето Господне 1470 или 1480 нашли пастухи в лесу на дереве икону Богоматери с Младенцем. Была она вырезана в яшме, материале, в землях Великого княжества Литовского весьма редкостном, что должно было свидетельствовать о чужом его и далеком происхождении» (Войцех Козловский. Богоматерь Козельская. Ист. очерк. Варшава: PAX, 1990).

Не было бы ничего удивительного, если бы оказалось, что икону привез в литовский бор кто-нибудь из Солтанов, ибо члены этой [тогда православной] семьи проживали там с давних пор и многие из них путешествовали по всему миру.

«Солтан» — это было имя, все равно как Юрий или Андрей, о чем свидетельствуют источники XV-XVI веков. Позднее потомки взяли имя деда в качестве фамилии. В восьмой книге поэмы «Пан Тадеуш» это имя носит один из тех, благодаря кому таким великолепием было отмечено пребывание генерала Генрика Домбровского в окрестностях Новогрудка.

■ Образцы заслуг стародавних

Наследники литературной традиции: Адам Солтан, директор Департамента внешних связей и европейской интеграции в Польском агентстве атомной энергии, и профессор Анджей Солтан, замдиректора Астрономического центра им. Николая Коперника, знают как литературные, так и исторические источники происхождения своей семьи. В Национальной библиотеке, в частности, депонированы — что и обеспечило им сохранность во время войны — рекомендательные письма Казимира Ягеллона к владыкам разных стран Европы, которые Солтан посещал во время своих многочисленных путешествий; а поскольку происходило это до открытия Америки, то можно сказать, что объехал он весь тогдашний мир — от Британских островов до Святой Земли. Может быть, от него-то и берет начало разумное любопытство, владение языками, характерная активность тела и духа, отличавшие семью Солтанов и в более поздние времена.

Гораздо ближе по времени к моим собеседникам такие значительные лица, как Самуэль Солтан, живший при короле Станиславе Лещинском; от этого монарха он получил должность смоленского кастеляна. О нем, прожившем недолгую жизнь, свидетельствует очень важный факт: известно, что в своем дворце он начал собирать библиотеку.

Внук Самуэля Станислав, фигура для современных Солтанов «знаковая», придворный маршал Великого княжества Литовского, горячий приверженец конституции 3 мая (1791), был одним из немногочисленных членов «Стражи Законов» [коллегиальный орган исполнительной власти, установленный конституцией 3 мая]. Он стал образцом разумного патриотизма для следующих поколений. Его портрет висел в родном доме, и проф. Анджей Солтан помнит, как мать, читая в «Тыгоднике повшехном» статью о Тарговице и защитниках конституции, подняла глаза и, указывая на изображение прапрадеда, сказала: «Это он».

Сын Станислава Солтана участвовал в восстании 1863 года. Через службу в различных учреждениях шляхетской Речи Посполитой, через служение умом и сердцем ее идеалам сформировались те семейные традиции, которые ведут к Виктору Солтану, женатому на Амелии, сестре писателя Юзефа Вейсенгофа*,

* Юзеф Вейсенгоф (1860-1932), автор популярных, особенно в межвоенный период, исторических романов.

к родным дедушкам обоих братьев, вернее четверых братьев и сестер, наследующих сегодня эту давнюю традицию. Она, в свою очередь, включает в себя еще и Лубенских, а благодаря им «можно спокойно дойти и до... Карла Великого».

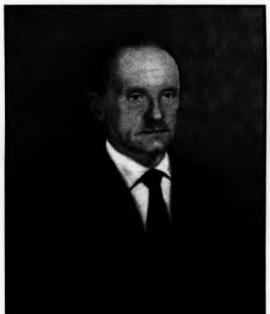
Дедушка Виктор был инженером железнодорожного дела, и, возможно, от него в богатой и чрезвычайно разветвленной истории берет свое начало особая интеллигентская традиция, носители которой пополняли эту историю не менее славными страницами, чем их прославленные предки.

■ Образец... во всем

Когда я спросила сыновей, в чем они хотели бы подражать отцу, младший, носящий отцовское имя, сказал со вздохом: «Ох! Во всем». Хотя это «всё» нелегко было потом точно назвать и описать — наверное, потому что всё в доме могло служить образцом поведения в повседневности, поступков в решающие минуты, подражания им позднее уже в собственных семьях.

Крупный физик, покойный ныне проф. Здислав Вильгельми, написал прекрасные воспоминания о своем учителе, великом физике Анджее Солтане. Воспоминания начинаются словами: «Граф Анджей Мария Антоний Станислав Солтан появился на свет в Варшаве 25 ноября 1897 года. Не сохранился дом на улице Чацкого, в котором семья Солтанов занимала один из этажей. Однако жив и продолжает сохраняться в семейной традиции дух того дома, как, вероятно, и многих других семейных домов, где царил тот же дух, что и в бывших дворцах на «кресах» Речи Посполитой многих народов».

Сын Виктора и Амелии Солтанов начинал учиться дома, затем продолжил учебу в гимназии св. Станислава Костки. Получив аттестат зрелости в 1915 г., он отправился в Петроград, где поступил в Пажеский корпус. Однако он не стал членом царской гвардии, хотя по окончании корпуса имел на это право, и, вернувшись в уже независимую Польшу, поступил в Варшавский университет, выбрав сначала астрономию, а затем физику. На физическом факультете он уже в самом начале учебы стал ассистентом. А завершил ученье оригинальной научной работой о полосатых спектрах ртути, за которую ему присвоили степень кандидата. Благодаря стараниям своего покровителя, проф. Стефана Пеньковского, основателя Физической лаборатории на Хожей улице, его способный ученик отправился на год в лабораторию Мориса де Бройля в Париже, а по возвращении стал адъюнктом в своей родной лаборатории. В начале 30-х годов он снова уехал, на этот раз за океан, в Пасадену, где начался его научный путь в области ядерной физики, и заслуги его здесь трудно переоценить. Позднее он развивал эту область науки в Польше, создавая — в значительной степени собственными руками — необходимые инструменты.

Анджей Солтан-старший

Во время войны он встал в строй, как это делали когда-то его предки, преподавал на подпольных курсах Варшавского университета — на медицинском и естественно-математическом факультетах

После войны задачи были не менее трудными. Проф. Солтан работал сначала в Лодзинском политехническом институте, а затем воссоздавал экспериментальную физику в Варшавском университете. В 1948 г. он создал кафедру атомной энергии, подготовившую первое поколение польских специалистов в этой области.

В июне 1955 г. он стал директором созданного в то время Института ядерных исследований в Сверке (сегодня носящего его имя). Осязаемых результатов всех тех научных инициатив, организатором которых он был, профессор не дождался — он умер в октябре 1958 г. в возрасте 62 лет.

■ Было совершенно ясно

Анджей Солтан-младший: «Нам, хоть и воспитанным при коммунизме, повезло, что родители с самого начала имели свою четко сформулированную точку зрения на то, что представляет собой коммунизм, и сумели нас от многого оградить. Представьте себе, что я никогда в жизни не был на первомайской демонстрации!»

Два раза в неделю надо было рано вставать, чтобы принять участие в мессе в 6 часов утра. Оба сына стараются продолжить в своих семьях то, что считают «позицией христианина». Соблюдение десяти заповедей не обязательно отличает только христиан, но, как они говорят, трудно было бы найти им альтернативу. Я думаю, что это характерное для религиозных семей интеллигенции самосознание, во всяком случае, оно не противоречит открытости к другим мировоззренческим позициям, к различного рода инаковости, в отношении которой можно ощущать себя тем более безопасно и смелее отстаивать свои аргументы, чем сильнее укоренилось в тебе умение различать добро и зло.

В доме Солтанов старшие слушали радио из Лондона и не скрывали от детей, что послевоенную ситуацию в стране она воспринимают как порабощение. Отец с неудовольствием относился к тому, что сыновья ходят в кино, считая, что идеология «отравляет изнутри». У него самого для защиты от коммунистической власти был огромный научный авторитет, который заставлял власти уважать его и не предпринимать никаких особенно явных попыток склонить выдающегося ученого к компромиссам, на которые он заведомо не пошел бы.

Младший сын говорит, что, несмотря на «превосходную защиту в доме» кое-какие черты homo sovieticus каждый из них воспринял. Сегодня есть гражданское отношение к работе, к законам, регулирующим это отношение, к общественной собственности, которая на протяжении многих лет предыдущей эпохи была ничьей и ничьей заботе не подлежала, есть гражданское осознание такого отношения как ценного наследия, доставшегося от родителей, от поколений Солтанов, Вейсенгофов, Лубенских и всех родственников и свойственников, которые сделали гражданскую позицию важнейшей чертой в семье, и именно она стала немаловажным отличительным знаком их родной истории.

Для старшего сына, Адама, отец был прежде всего образцом «мудрости». В это определение Адам вкладывает многое. И восхищавшая в детстве ловкость в обращении, например, с ускорителем, запуск которого сегодня разделен на серию отдельных действий, в которых участвует ряд людей. С того времени у Адама надолго сохранился вкус к процессу подготовки физических экспериментов, конструированию небольших радиоприемников. Мудрость, которую удалось осознать позднее, — это глубоко осознанное и неколебимое чувство независимости от идеологии, от политической системы: «Он просто знал, что чего стоит и кто чего стоит». Мудрость — это и то, что определяло атмосферу родного дома, как говорит младший сын, который знал отца совсем недолго: это было «нечто светлое, невероятно позитивное». Мы разбирались в сути этого совместно, размышляя о жизненных путях обоих моих собеседников.

Старший выбрал физику, возможно, «не такую», о какой мечтал для него отец, более теоретическую, которой он, впрочем, уже довольно давно не занимается; теперь его занятие — сначала на протяжении нескольких лет за границей, а затем в Польше — организация исследований в области атомной энергии. Анджей помнит, как отец поддерживал его интерес к астрономии, которую он когда-то начал самостоятельно изучать. Для восьмилетнего мальчика отец составил реестр всех планет и их спутников, в беседах с сыном заражал его своим энтузиазмом в познании тайн Вселенной.

Порядочность

Рассказ о семье с многовековыми традициями сосредоточился у сегодняшних ее представителей вокруг культа отца, который они стремятся поддерживать и упрочивать. Оба они единодушно говорят и о том, что в его основе лежат не только научные достижения. Анджей Солтан-старший был личностью необыкновенной, оказавшей влияние на все свое окружение. Уважение и симпатию, завоеванные отцом, его дети ощущают в различных контактах с людьми спустя сорок лет.

Оба сына, да наверняка и все дети, понимают, что уровня отца им не достичь, но не перестают ему подражать. Главной чертой этой мощной личности и одновременно важнейшей чертой семейного дома была порядочность. Детям, разумеется, говорили, как им следует поступать, но прежде всего перед их глазами был личный пример порядочности, правдивости, справедливых оценок. «Что такое порядочность? — говорит Анджей Солтан. — Она становится жизненной привычкой, она проявляется в тысяче мелочей». Он признаётся, что дети боялись отца, но «ничего негативного в этом не было». Было уважение к человеку, который всегда знал, как следует поступать и как поступать нельзя ни в коем случае.

После смерти профессора пани Марте Солтан (урожденной Доленга-Ковалевской) — которая в свое время оставила работу в Физической лаборатории Варшавского университета (где она и познакомилась со своим мужем), чтобы воспитывать детей, — пришлось вновь вернуться на работу и вложить много труда в изучение, в частности, русского языка, что было тогда уже совершенно необходимо польским ученым. Дом, однако, не перестал быть общим для всех гнездом. Взрослые сыновья приходили к матери несколько раз в неделю, потом приходили вместе со своими детьми, и всегда шли беседы о вещах важных, главных, хотя и через призму тех событий, которые происходили в жизни каждого из них.

Адам Солтан подводит итог: «Чтобы всё в последующих поколениях не рассыпалось, должны существовать авторитет отца и уважение к нему. Должен быть дом, а в доме должна быть порядочность».

Текст написан по материалам радиопередачи из цикла «Династии ученых», прозвучавшей в эфире первой программы Польского радио в апреле 1998 года. Цикл подготовлен благодаря дотации Фонда поддержки польской науки.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Ярослав Ивашкевич: неизвестный рассказ
Польские менеджеры в России
Стихи Людмилы Марианской
Н. Горбаневская и М. Ягелло: об антологии белорусской поэзии
Р. Капустинский: фрагменты интервью
Витольд Куля: заметки историка
О. Закиров: из воспоминаний
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский, А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

Лучшие писатели и критики

Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczosc

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.novpol.ru

odra miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

a akcent literatura i sztuka ● kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел. +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail teatr@bn.org.pl

BIBLIOTEKA NARODOWA

Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich
02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

ISSN 1508-5589

Cena 7 zł w tym 0% VAT